

епископальном суде.

Таким образом, в раннефеодальной Армении существовала достаточно развитая и разветвленная система правопорядка.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЫТА

І. Народное жилище

Развитие пашенного земледелия, само по себе являясь результатом первобытно-общинного строя, в свою очередь явилось могучим стимулом для дальнейшего углубления разложения большесемейной общины и выделения индивидуальной семьи, как основной экономической ячейки общества.

Доминирующая роль территориальных и экономических связей над былой кровной связью большой семьи приводит к господству сельской общины, а основным типом поселения делается деревня. Во всяком случае, ко времени отступления 10.000 греков (401-400 гг. до н.э.) в Армении господствующей формой поселения являлась деревня (в тексте Ксенофонта передается словом կիրի), которая в древнейших письменных источниках на армянском языке обозначается терминами: "шэн", "геавл", "аван"¹. В этих источниках шэн (շեն) соответствует կիրի, vicus, pagus, քառա. Синонимным "шэн"у термином является զաւի (զաւի, գիւղ) и соответствует: կիրի, քωρίον, φρούριον, ἀγρός, vicus, pagus, castellum, villa. Термином աւան (աւան) обозначалось обычно более крупное поселение или предместье города. Этому термину в древнегреческих и латинских источниках соответствуют: ἑπαυλῖς, կիրի, ἐποίκλον, քωρίον, villa, vicus, casa.

По-видимому, древнейшим термином для обозначения поселения являлся ван (վան), соответствующий грузинскому ван², который затем употреблялся в смысле жилища, крова, обители. Возможно, что этот термин происходит от названия столицы Урарту Тушпы-Биайна в его армянской форме "Ван", сделавшегося синонимом понятий "поселение", "кров", "жилище".

Ко времени отступления 10.000 греков армяне-земледельцы населяли плодородные долины скученными поселениями. Греки во

главе с Ксенофонтом, покинув страну воинственных кардухов, вступили в Армению. Это была область Адзник в долине Тигра. Около пограничной реки Кентрит (Джирм, нын. Бохта-су) "не было деревень из-за войн с кардухами"³.

Дальше они встретили уже населенные пункты. "Та деревня, в которую они пришли, казалась обширной, в ней находился дворец сатрапа и большая часть домов здесь была с башнями."

В дальнейшем греки проходили по долине р. Телебоас (арм. Мелрагет) в области Тарон. По словам Ксенофонта, "эта река красива, но не велика. Около нее много деревень. Эта местность называется Западной Арменией". Другая группа деревень находилась в Маназкертской долине. В этом районе эллины "прибыли ко дворцу и расположенным вокруг него многочисленным деревням, полным всяких припасов". У расквартированных в этих деревнях греков "было много /продовольствия/ и всяких благ: убойный скот, хлеб, старые душистые вина, изюм, всевозможные овощи"⁴.

Следующую группу деревень греки встретили в нын. Динской долине (древний Цалкот), в районе горячих источников - "джермуков Варшака". Здесь деревни были окружены валом⁵. Воду брали из источника, находившегося внизу, за валом. За водой ходили женщины с кувшинами. Такое место источника, откуда брала воду вся деревня, является косвенным указанием на то, что деревня была расположена на горном склоне и кругом была окружена рвом и валом. Источник воды, естественно, находился внизу, вне деревенской черты, вероятно, у подножия горного склона, откуда, в условиях технических возможностей той эпохи, невозможно было поднять воду в самую деревню. Как позже, так и тогда, населенные пункты Армении были расположены на живописных склонах гор и плато. "Они хорошо вписываются в замечательный горный пейзаж, благодаря ступенчатому расположению домов, и составляют характерные для горных районов архитектурные ансамбли"⁶.

Такое расположение деревень группами в плодородных долинах следует объяснить "оазисным" характером земледелия. Деревни располагались в районах крупных или малых островов возделываемой земли.

Каждая деревня представляла собою совокупность крестьянских домов - "ердов", под кровом которого проживала одна семья. Разумеется, в более отдаленных высокогорных районах люди еще жили в приспособленных для жилища пещерах. В Сюнике,

например, в некоторых гаварах и позже преобладающим типом жилища был пещерный дом, либо устроенный в естественных пещерах, либо специально высеченный в мягкой породе скал.

С течением веков в различных областях Армении выработались различные типы народного жилища, что обусловлено было хозяйственными условиями и зональностью страны. Основными типами народного жилища в Армении, дожившими до наших дней, являются: жилища горных районов (тун или глхатун) и жилища низменных и предгорных районов.

На центральном вулканическом плато Армянского нагорья господствующим типом народного жилища сделался "высокоармянский тун" или глхатун. Это жилище представлено лучшими образцами в Высокой Армении, которое впервые подверглось этнографическому изучению со стороны проф. С.Д. Лисициана.⁷ В лесистых районах выработался тип карабахского карадама, также впервые изученный проф. С.Д. Лисицианом.⁸ В долине Аракса, в частности, в Арабатской низменности, господствовал другой тип жилища, который подтвердился раскопками города Тейшебаини (Кармир-блур). Этот последний тип также впервые выявил и изучил проф. С.Д. Лисициан.⁹

Из сообщений Ксенофонта видно, что отступающие через Армению греки встретили на своем пути по крайней мере два типа жилища.

В долине Тигра, в области Адзник жилища армян были надземные. Согласно Ксенофону, "большая часть домов здесь была с башнями".¹⁰ Как видно, это были укрепленные жилища наподобие домов-крепостей сасунцев и сванов. Постоянная тревога и борьба с соседними враждебными племенами и выработала этот тип дома, одновременно являвшегося крепостью.

В дальнейшем, когда греки вступили в суровые нагорья центрального вулканического плато, они встретили другой тип жилища - жилища уже были подземные. "Дома здесь", - сообщает Ксенофонт, - были подземные, с верхним отверстием наподобие отверстия колодца, но широким внизу. Впуски для скотины были вырыты в земле, а люди спускались вниз по лестнице". Из сообщения Ксенофонта видно, что в том же жилище находился и скот.¹¹ "В домах, - продолжает он, - находились козы, овцы, коровы и птицы со своими детенышами; весь скот питался в домах сеном".¹² Это сообщение делается понятным, если принять к сведению климатические и орографические особенности центрального вулканического плато Армянского нагорья. Здесь "жилое помещение все-

гда тесно сплетается с хлебом в один комплекс, причем как бы ступеньвается грань, отделяющая одну часть от другой: человек зимой перемещается поближе к скоту, чтобы воспользоваться теплотой его дыхания и свежего навоза"¹². Зимой, в условиях безлесного нагорья, кизяк, поставляемый скотом, является почти единственным видом топлива. Наряду с этим, континентальный климат с суровой зимой и жарким летом и резкое изменение температуры в течение дня и ночи, диктовали человеку необходимость устройства подземных жилищ, где сохранялась постоянная температура. Такое жилище зимой защищало от морозов и ветров, а летом обеспечивало прохладу.

Этими факторами обусловлено господство подземного жилища на центральном вулканическом плато. Данное Ксенофонтом лаконичное, но довольно полное описание жилища этой части Армении показывает, что этот дом является прототипом современного "высокоармянского туна".

Из описания Ксенофонта видно, что жилище целиком находилось в земле, т.е. все четыре стены были выведены в грунт, и стены, по всей видимости, были так же грунтовые. Вход для людей был "наподобие колодца", через который спускались по лестнице". Для животных "входы были вырыты", т.е. это был узкий покатый проход - пандус. Только при таком выходе крупный рогатый скот мог попасть в жилище.

Как археологический, так и письменный и этнографический материал показывают, что незыблемым элементом такого жилища являлся очаг, освященный веками и находившийся в центре жилища. В Армении с древнейших времен в центре такого жилища находился "тонир", представляющий собой вырытый в землю цилиндр из обожженной глины для выпечки хлеба, приготовления пищи и поддержания тепла зимой. И тогда, по всей видимости, тонир имел поддувальник. Наличие центрального очага в жилище обязательным элементом его делает дымоходное отверстие. С другой стороны, при четырех стенах, когда ни один бок не выходил наружу, чтобы иметь оконные проемы, а входные двери находились на уровне потолка, обязательным условием было освещение жилища верхним светом. Поэтому дымоходное отверстие в потолке одновременно являлось световым окном.

Наличием в центре подземного жилища - "Туна" открытого очага-тонира и свето-дымового отверстия "ерд" позже "ердик"¹³ в потолке и обусловлено появление того своеобразного потолка со ступенчатым сводом, которое известно с древнейших времен

в странах Ближнего Востока.¹⁴ Жилище с деревянным ступенчатым сводом представляло собой тип усовершенствованной землянки; своей системой перекрытия жилого помещения с центральным свето-дымовым отверстием предопределяет его, как квадратное в плане помещение. На квадрат основания здания упираются те деревянные столбы-колонны "севн", обычно пристроенных ("арорми"), которые поддерживают деревянный ступенчатый свод, называемый современными армянами, выходцами из центральных областей исторической Армении "азарашенк", "согомацац", "глхатун". При различных вариантах этого ступенчато-сводчатого перекрытия, встречаемых в Армении и Грузии,¹⁵ сущность его сводится к тому, что на деревянных столбах, либо пристенных, из балок или бревен возводится перекрытие, поднимающееся вверх суживающимися ярусами. Этот сфероидальный или усеченно-пирамидальный ступенчатый свод заканчивается свето-дымовым отверстием. Такой деревянный каркасный остов снаружи покрывается камышом, соломой, сеном или саманом и затем водонепроницаемой глиной. Благодаря этому, такое перекрытие снаружи получает форму слабо приподнятого усеченного конуса на квадрате своего купола - армян. "азарашенк", груз. "гвиргвини".

Проф. С.Д.Лисицианом впервые было высказано мнение о генетической связи армянских храмовых центрально-купольных сооружений с "туном".¹⁶

В дальнейшем этот вопрос приобрел большой интерес среди специалистов, занимающихся историей армянской и грузинской древней и средневековой архитектуры. В армянском "туне" и в грузинском "дарбази" заложены основы композиционно-конструктивных принципов, нашедших свое блестящее развитие в монументальной архитектуре древней и средневековой Армении и Грузии.¹⁷

Как видно из описания Ксенофонта, тун в его время целиком находился в земле, наподобие встречающихся еще в XIX веке в районе Шатаха подземных жилищ, куда спускались по лестнице с земляной крыши.¹⁸

Как правильно замечает Х.Самуэлян, "жилище строили, приспособляя его детали к бытовым условиям оседлого земледелия. Земледелие с подсобным скотоводством, - продолжает он, - та господствующая экономическая деятельность, которая в своим производственным формам приспособила также формы жилища"¹⁹.

Из приведенных свидетельств Ксенофонта видно, что в

жилищах армянских деревень греки нашли продукты земледелия, садоводства и огородничества, виноградарства и виноделия, скотоводства и птицеводства. "На одном и том же столе, — пишет он, — всегда подавались одновременно баранина, козлятина, свинина, телятина и дичь со множеством хлебов из пшеничной муки и ячменя"²⁰.

Хотя в этот период хлев еще не выделился от основного жилища — туна, все же в стенах должны были существовать многочисленные ниши и вырытые в грунте пещерные камеры, которые имели служебное назначение как кладовые и погреба. На это указывают этнографические пережитки. В землю были врыты маленькие и большие кувшины, в которых хранилось пиво и вино, хлебное зерно, мука, молочные продукты, консервированное и копченое мясо. Конечно, староста деревни "Комах" был наиболее зажиточным, и у него в погребах имелось старое зарытое вино, чего рядовые сельчане не могли иметь. Обращает на себя внимание и тот факт, что основным видом хлеба являлся пшеничный хлеб в виде чурека — "пан" и лаваша.

В дальнейшем, рассмотренное нами жилище эпохи Ксенофонта, постепенно приобретает тот облик, который известен по этнографическим данным, как "тун" или "глхатун". В землю уходят три стены, четвертая — передняя стена, обращенная к склону горы, строится из камня, со входом в жилище. Теперь жилища уходят в землю лишь своими тремя частями. Передняя часть (т.е. четвертая стена) со входом в жилище выходила к равнине. Эта часть жилища обычно была обращена к солнечному восходу или к югу. Теперь же в дом входят не через отверстие в потолке, к которому была приставлена лестница, а через двери. Естественно, что прежний пандус упраздняется, так как теперь животные могли входить через те же двери. Но с течением времени хлев — "гом" отделяется от основного жилища — "туна" сенями — "бак" или "срах".

Достаточно широкая и высокая наружная дверь ведет именно в эти сени — переднюю. В эту переднюю входят двери из туна и гома.

Здесь, в сенях, живут и спят в теплый период года, здесь хранятся сельскохозяйственные орудия, припасы и т.д.

В лесистых и более теплых районах страны вырабатывается тип карабахского карадама. Передняя стена со входом в жилище имеет навес — балкон, — "срах", перекрытие которого

опирается на четыре или пять деревянных столбов. Такой глхатун своими конструктивными особенностями сближается с древнегреческим мегароном.

В более позднее время происходит выделение тонратуна в особое помещение, примыкающее к туру. Здесь находился очаг — тонир, над которым в миниатюре повторялось ступенчатое перекрытие туна. С выделением тонратуна, световое отверстие туна выполняет уже лишь функцию окна и поэтому при необходимости оно закрывалось специальной дверцей.²¹ Термин "ерд лусойн" — "световое отверстие" указывает на наличие "ерд цхойн" — "дымовое отверстие". Этот факт позволяет предполагать, что уже в IV—V вв. н.э. в Армении существовали жилища с отдельным тонратуном. Таким образом, ко времени сложения феодальных отношений в Армении существовало народное жилище, представляющее собой сложный комплекс: жилой дом — "тун", к которому примыкал "тонратун" и может быть его боковые приделы — "мараци" — кладовые, "мараны" — погреба, а также хлев — "гом", отделенный от туна сенями — "бак". Этот принцип устройства жилого дома в дальнейшем лег в основу и жилищ господствующего класса — дворцов и приемных покоев. Эти же композиционные особенности, как выше было указано, послужили основой и для храмовых зданий.

Вероятно, уже в эпоху Ахеменидов "ерд" делается единицей налогового обложения. Ерд же является основой при перераспределении земель сельской общиной. Подымная земля обозначалась тем же термином — "земля ерда" (подымная земля). Одним словом, ерд — это оседлое земледельческое индивидуальное хозяйство, особая хозяйственная единица, облагаемая податью.

Хозяйственные и естественно-исторические условия низменностей и предгорий выработали другой тип народного жилища, который в этнографическом описании проф. С.Д. Лисициана известен, как крестьянское жилище Мегринского района.²²

Мегринское жилище представляет собой прямоугольник каменных стен с навесом впереди, заключенным между боковыми стенами. Этот прямоугольник разделен на внутреннюю и внешнюю комнаты. Последняя выходит к навесу, перекрытие которого поддерживается четырьмя или пятью деревянными колоннами. Самой интересной частью этого типа жилища является длинное бревно, поперек прямоугольника жилища вытягивается его перекрытие. Поперек прямоугольника жилища вытягивается его перекрытие. которое подпирается двумя деревянными столбами, расположенными вдоль оси. Бревно с обеих сторон перекрывается балками

грубой отделки, поверх которых в поперечном направлении укладываются плотными рядами, иногда в два слоя, тонкие прямые и длинные жерди. Сверху все это постилается камышом и соломою и посыпается довольно толстым слоем водонепроницаемой глины, которая плотно укатывается каменным катком. Для освещения жилища в потолке оставляется одно или два световых отверстия - "ерд".

Тонир вкапывается в пол навеса, где жильцы проводят большую часть времени года. Тонир имеет поддувальник, а недалеко от него в землю врыта каменная ступка - "санд", в которой толкут каменную соль, пшеницу и т.п. Улев устраивается несколько в стороне от жилья.²³

На деревянные части жилища идет дуб, вяз, клен, орех, плодовые деревья и особенно тополи, выращиваемые в садах и у оросительных канав специально для строительных целей.²⁴

Облик этих селений, расположенных на горных склонах, издали мало отличался от рассмотренных нами выше деревень на центральном вулканическом плато. "Как и в других областях Армении, - пишет С.Д.Лисициан, - в Мегринском районе селения представляют кучу жмущихся друг к другу построек, без какой-либо специальной планировки. Расположенные в большинстве случаев на склонах гор, часто очень крутых, ряды домов издали кажутся неправильно вытянутыми террасами, причем плоские крыши нижележащих служат или дворами или улицами для вышележащих"²⁵.

Такой тип жилища преобладает в предгорной и низменной части долины Аракса. В Араратской долине для возведения стен часто применялся кирпич - сырец с примесью рубленной соломы.

В этой части Армении этот тип жилища известен еще с эпохи Урарту, благодаря раскопкам Кармир-блур. При раскопках городского поселения Тейшебаини, там было найдено пять однотипных жилых комплексов, причем каждый жилой комплекс имел отдельный вход и состоял из одного открытого или полуоткрытого дворика и двух жилых помещений. Вся постройка была выполнена из камня. Перекрытие навеса поддерживалось деревянными столбами, водруженными на каменных базах. Дверная ось укреплялась в пятчатых камнях. В числе хозяйственного инвентаря фигурируют каменная ступка и каменная зернотерка.

2. Естественно- исторические основы питания армянского народа.

Регион Армянского нагорья в Передней Азии - один из очагов происхождения культурных растений. Армянское нагорье, по мнению Н.И.Вавилова, является древнейшей родиной культурной пшеницы.¹ Здесь прежде всего обращает на себя внимание богатство видов культурных и диких пшениц: однозернянок и двузернянок.

В настоящее время доказано, что основная родина ржи находится в Малой Азии и Армении, где встречается исключительное разнообразие ржи. Передняя Азия также является родиной винограда, груш, алычи, черешни, граната, грецкого ореха, айвы, миндаля и инжира. Район Вана - родина знаменитых дынь канталуп. Из Передней Азии ведут свое начало и важнейшие кормовые травы.

В Армении можно встретить в диком виде виноградную лозу, называемую у армян "толи" (от урартского "удули" - виноград), и многие плодовые. Характерны в этом отношении термины для обозначения подобных лесных массивов, сохранившиеся в древнеармянском языке и топонимике. В Армении в древние и в средние века существовали, а также и в настоящее время существуют такие названия местностей как: "хндзорут" (яблоневый лес), "тандаут" (грушевый лес), "шлорут" (сливовый лес), "ба-лут" (вишневый лес), "циранут" (абрикосовая роща), "дехдзут" (персиковая роща), "ынкузут" (лес из грецкого ореха), "кахнут" (лес из мелкого ореха), "гунут" (кизильовый лес), "ныруник" (гранатовая роща), "схторут" (чесноковый луг).

Начало земледелия в Армении восходит к неолиту. В этот период обитатели Армянского нагорья перешли к первобытному земледелию, о чем свидетельствуют находки каменных пестов, терок, наконечников мотыг, а также кремневых вкладышей серпов и ножей. Еще в эпоху матриархата на территории Армянского нагорья человек культивировал из дикорастущих злаковых хлебные злаки, осваивал плодовые растения.

Природные особенности страны - нагорья и предгорья с наносными почвами - представляли наиболее благоприятные условия для развития земледелия. В настоящее время все более укрепляется тот взгляд, что первобытное земледелие возникло

в горных странах, в местах, где у предгорий в период весенних дождей скоплялась наносная почва. В дальнейшем же, с развитием искусственного орошения и техники ирригационных сооружений, земледелие постепенно распространялось в долины больших рек.

Благоприятные условия для перехода собирательного хозяйства к земледелию имелись в долинах горных рек и на опушках лесов. В дальнейшем, осваивая все новые и новые участки для земледелия, человек начал вырубать леса, вследствие чего лесные массивы постепенно исчезали и менялся климат, становясь более сухим и континентальным. Так, с течением времени, вследствие вулканических процессов и искусственного уменьшения лесных массивов, Армянское нагорье приобретало современный облик, которым и обуславливалось специфическое развитие.

Тем не менее, несмотря на развитие интенсивного земледелия и скотоводства, все же собирательное хозяйство не было изжито. И в наше время армянский крестьянин знает около 300 видов различных дикорастущих съедобных трав и цветов, которые он употребляет в пищу в качестве приправ или даже основного блюда.

С середины I тысячелетия до н.э. в экономике Армянского нагорья доминирует земледельческое хозяйство с большим удельным весом отгонного скотоводства. В связи с этим поселения спускаются вниз, в долины, на прежние места энеолитических поселений.

В новых условиях основная часть населения сосредоточивалась в долинах и низменностях, где создавались наиболее благоприятные условия для этнической консолидации, для создания более крупных этнических и политических образований, дальнейшее слияние которых привело к формированию древнеармянского государства.

Доминирующая роль земледельческого хозяйства в долинах и отгонного скотоводства в низменности и в высокогорной зоне была обусловлена естественно-историческими условиями страны. Характерное для Армянского нагорья деление страны на высотные зоны впредь сделалось решающим фактором, влияющим на дальнейшее развитие производительных сил страны.

В Армении областями высокоразвитой агрикультуры сделались аллювиальные низменности долин: Екелесенской (Ерзинкайской), Харбердской, Ванской и Араратской. Этим четырем очагам древней агрикультуры и соответствовали первоначальные центры политической и культурной жизни армян.

Процесс становления армянского народа происходил на основе укрепления и повсеместного распространения на территории Армянского нагорья интенсивного земледелия, которому сопутствовал процесс классообразования, приведший в свою очередь к процессу создания армянской рабовладельческой государственности взамен древневосточного общинно-рабовладельческого государства Урарту (на рубеже VII-VI вв. до н.э.).

Развитие пашенного земледелия, само по себе являясь результатом разложения первобытно-общинного строя, в свою очередь, явилось могучим стимулом для дальнейшего углубления разложения большесемейной общины и выделения индивидуальной семьи - "тун", как основной экономической ячейки общества.

Доминирующая роль территориальных и экономических связей над былой кровной связью большой семьи приводит к господству сельской общины, а основным типом поселения делается деревня.

Каждая деревня представляла собой совокупность крестьянских дымов - "ердов", под кровом которого проживала одна семья.

В зерново-скотоводческой зоне, которой соответствует безлесное центральное вулканическое плато Армянского нагорья, господствующим типом народного жилища становятся "тун", или "тлхатун", со специфическим патробразным перекрытием с дымовым отверстием для тонира - очага.

С ростом значения земледелия в хозяйстве выработалась та техника земледелия и те земледельческие орудия, которые впредь были так характерны для докапиталистической Армении. Как известно, еще в дореволюционной армянской деревне продолжали сохраняться архаичные формы сельскохозяйственного инвентаря.

С выдвиганием на первый план земледельческих районов ведущей делается зона виноградно-плодовая, в которой в хозяйственной жизни племен большое место занимает виноградарство. По своему удельному весу и масштабам в экономике страны виноградарство и виноделие уступали лишь хлебопашеству. Виноградарство развивалось в теплых долинах и ущельях, обыкновенно в местах с каменистой и сухой почвой, но богатой солнечным теплом и необходимым количеством влаги.

Домедные до нас археологические, письменные и этнографические источники дают нам возможность иметь четкое представление о трудовых процессах, связанных с виноградарством и ви-

ноделием. Техника разведения виноградников и ухода за ними, выработанная в эпоху Урарту, мало изменялась и она бытовала еще в XIX и даже в XX в.

В Армении с древнейших времен выработались эндемические сорта винограда, которые известны, в частности, из раскопок Кармир-блур.

Раскопки цитадели Вана, Маназкерта и Кармир-блур показывают, что уже в эпоху Урарту виноделие в Армении достигло больших масштабов, и техника виноделия стояла на таком высоком уровне, что позже происходило лишь частичное улучшение. Раскопки Кармир-блур дают нам возможность полной реконструкции картины виноделия в Армении в тот отдаленный период. Уже в эпоху Урарту земледелие, полеводство и виноградарство обычно сочетались с огородничеством и садоводством.

Наряду с земледелием главную отрасль сельского хозяйства Армянского нагорья составляет скотоводство, которое возникло еще в неолитическую эпоху, когда скот становится основным источником накопления примитивного богатства и собственности, приведшего к социальной и имущественной дифференциации. В эпоху неолита человек от охоты на диких зверей перешел к скотоводчеству.

Археологическое изучение остеологических остатков показывает, что еще в эпоху Урарту на территории Армянского нагорья в высокогорных областях, в пастбищно-скотоводческой зоне разводился мелкий рогатый скот, в низменности и нагорьях, в зоне зерново-скотоводческой — крупный рогатый скот.

В древности, так же как и в настоящее время, преобладающим являлся мелкий рогатый скот² особенно овцы (вочар) дававшие мясную и молочную пищу и шерсть. Разводились эндемические для Передней Азии породы овец (мазех, балбас, карабахская овца, бозах). Овцеводство, намного превышая все остальные виды скотоводства, господствует в более сухих районах страны, особенно там, где они близко примыкают к высоким нагорьям, располагающим летними пастбищами. Это возвышенные нагорные равнины, покрытые богатыми лугами и луговыми степями, куда поднимаются летом пастухи из долин и низменностей.

Там, где развито было поливное земледелие, особенно на низколежащих равнинах, а также и на нагорных, где имеются богатые луго-степи, разводится главным образом крупный рогатый скот³. В древнейшие эпохи крупный рогатый скот разводился преимущественно для пищевых целей (получение мяса, молока, мо-

лочных изделий). Впоследствии же, по мере развития пашенного земледелия и появления плуга, он становится тягловой силой. В долинах рек разводятся буйволы. Сыр и масло преимущественно изготавливаются из молока овец. Большое развитие получило в лесистых районах свиноводство и бортничество. Большое место занимало в хозяйстве также птицеводство. Тягловыми животными Армянского нагорья являются быки и буйволы. Последние используются также как молочный скот.

В условиях континентального климата и больших морозов, когда длительное время скот приходится держать в закрытом помещении — "гоме" (хлев), исключительное значение приобретает забота и заготовка корма на зиму.

Скошенное сено, хранившееся зимой на кровлях крестьянских жилищ, придавало характерный облик старой армянской деревне. В особых саманниках — "мараг" хранится на зиму саман.

Широко применяются отходы, полученные от приготовления растительного масла, — жмыхи ("коптон"), которые считаются наиболее питательным кормом для животных.

Используется также навоз, из которого в условиях безлесного центрального вулканического плато Армянского нагорья изготавливалось топливо — кизяк. Навозом же удобрялись поля, хотя следует указать, что поля обычно удобрялись золой.

В условиях континентального климата Армянского нагорья, с его довольно суровой зимой, когда горные ущелья на несколько месяцев прерывали связь с внешним миром, забота о зимних запасах приобретала исключительное значение. В сезон весенних и летних сельскохозяйственных работ крестьянин должен был успеть на зиму заготовить съестные продукты, корм для скота и обеспечить дом топливом.

В малолесной или безлесной Армении существенное место в крестьянском хозяйстве занимала забота о зимнем топливе. В течение всей зимы и весны, пока скот содержался дома, навоз свозился в "кал", т.е. на молотильную площадку. Здесь летом из навоза в смеси с саманом готовили прямоугольные брикеты в специальных формах, которые затем оставляли сушить под знойным солнцем лета. Перед началом сезона молотбы крестьянин переносил кизяк домой, храня на зиму в специальном помещении или держа его на открытом воздухе.

Только после этого молотильная площадка приводилась в порядок, чтобы начать молотбу. Но прежде чем начать молотбу хлебного зерна, крестьянин молотил бобовые растения и ячмень

на зимний корм тягловым животным и прочему скоту и птице. На арбах крестьянин свозил кунжут, лен, гречиху, бобы, фасоль, ячмень, просо и т.д. В течение двух недель происходила молотьба этих культур, после чего очищенные от шелухи они свозились домой и хранились в специальных хранилищах. После этого начинается сезон молотьбы — "калоц", под которым обычно подразумевается молотьба пшеницы. Пшеница и прочие зерновые культуры на зиму хранились в специальных зернохранилищах и погребках. На зиму хранились всякие корни, стручковые (бобы, горох и пр.), семена.

В дальнейшем зерно размалывалось и частью перерабатывалось в крупы.

В рационе питания армян большое место занимает блюда, приготовленные из круп. В быту армян известны многочисленные виды круп "дзавар" — варенные зерна и "коркот" — обрубленные зерна.

Для получения крупы археологически и этнографически засвидетельствованы каменные ступы — "санд" и ручные мельницы "еркан". Санд представляет собой квадратной формы базальтовый камень, в котором выдолблено воронкообразное углубление. Специальным каменным молотом "сандитори" или деревянным песотом долбили насыпанное в углубление санда подмоченное зерно, которое очищалось от шелухи, получалась крупа — коркот. Такой же формы и такого же назначения был "динг", в котором обыкновенно очищался от шелухи рис. Более мелкую крупу получали с помощью еркана, который размалывает зерно наполовину, обмолачивает, но в древности им же мололи зерно и получали муку.

Для переработки хлебного зерна и получения различных видов круп и муки, у армян было известно около 15 видов различных сит, которые перерабатывали зерновые продукты на всех стадиях, начиная от очищенного от камней и шелухи зерна вплоть до самой изысканной крупитчатой муки для кондитерских изделий.

В древнейшие эпохи хлебное зерно мололи с помощью ручных зернотерок, позже ее вытеснила ручная мельница "еркан". Еركان состоит из двух базальтовых камней — миниатюрных жерновов ("ерканакар"); верхний камень имеет посередине большое круглое отверстие, через которое высыпается зерно. К верхнему жернову приделана и деревянная ручка, которой он приводится в движение. При вращении попадающее между двумя жерновами зерно превращается постепенно в порошок, муку — "алур".

Эта примитивная ручная мельница-зернотерка господствовала в Армении вплоть до УШ в., после этого времени упоминается водяная мельница — "джрагац".

Из пшеницы получались наиболее высокие сорта муки: "нашиц" / крупитчатая мука /, "хорак" и "гермак". Из этих сортов муки, очищенной от отрубей, пекли хлеба и различные мучные изделия.

Основной пищей армянского крестьянина являлся хлеб, выпеченный из пшеничной муки. В Армении выработалась специфическая форма печеного хлеба, которая обусловлена рядом естественно-исторических факторов.

В каждом крестьянском жилище посередине имелся "тонир" — представлявший собой врытый в землю расширяющийся книзу цилиндр из огнеупорной глины, напоминающий зарытый в землю карас. На дне такой тонира имеет отверстие, которое выходит наружу и предназначено для циркуляции воздуха.

Тонир — основная часть крестьянского жилища и им обусловлено шатрообразное перекрытие туна, вершина которого имеет дымоходное отверстие — "ердик", откуда выходит дым и в то же время проникает дневной свет в жилище. В тонире пекут хлеб и прочие мучные изделия, варят, жарят и тушат мясную, молочную и растительную пищу. Здесь же коптят мясо и сушат на зиму различные фрукты.

В условиях малолесной или безлесной Армении тонир нагревается либо кизяком, либо обрезками виноградной лозы. Этим, в частности, объясняется специфическая форма армянского хлеба "лаваш". Лаваш представляет собой длинную и тонкую, легко свертываемую полосу теста длиной около одного метра. Тонир быстро нагревается кизяком или хворостом, и наклепанный на горячих стенках тонира слой теста быстро выпекается. Но следует указать и на другой момент, который придает также специфическую особенность армянскому хлебу. Пресное тесто, не бродившее, не пристает к стенам тонира и падает в золу, давая брак — "кут" (буквально "комки").

Л.Б. Арутюнян на основании археологических данных пришел к выводу, что еще две с половиной тысячи лет тому назад армяне имели представление о бродильных процессах в хлебопечении⁴. Хлеб заквашивается специальной закваской "хаш", и после определенного процесса брожения кислое тесто выпекается в тонире.

Пресное тесто употребляется для выпекания различных ле-

пешек, которые предназначаются к определенным церковным праздникам.

До последнего времени лаваш обыкновенно пекли в теплое время года (когда легко можно было найти топливо) на всю зиму — на 5 — 6 месяцев.

В лесистых районах Армении тонир нагревается дровами, поэтому здесь хлеб имеет иную форму, форму толстой лепешки — "бокон" ("чуреа")⁵.

В некоторых армянских диалектах лесистых районов такой круглый печеный хлеб называют "бомо"; древние армяне называли его "пан". Такой же хлеб, но в форме толстого лаваша древние армяне называли "шавт" или "шот". Это название "шоти" сохранилось у современных грузин. При раскопках Кармир-блур найдены также печеный хлеб. По определению В.О.Гулканяна, найденные остатки хлеба были выпечены из просяной муки крупного помола. Хлеб этот имел овальную форму с отверстием посередине.⁶ По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с мучным изделием, предназначенным специально для рабов и прочих производителей материальных благ. Господствующий класс и вообще имущие слои населения питались хлебом из отборных сортов пшеничной муки.

Тониром же обусловлены специфические виды мясных блюд. Основная мясная пища армян говядина и баранина, из которых готовились различные блюда. Различные супы ("апур", "спас") и бульоны ("арганак") обыкновенно готовились на специальных очагах, а те мясные блюда, которые варились, припускались, жарились или тушились, обыкновенно ставились в специально для этого предназначенной огнеупорной глиняной посуде в тонир. Обычно такие блюда носят название той посуды, в которой они изготавливаются, — "путки"⁷, "кчуч"⁸ и др.

Для изготовления этих блюд в каждом крестьянском доме, помимо тонира для выпечки хлеба, существовал тонир более малого размера, специально предназначенный для варки обеда.

Мясо обыкновенно жарилось в медной посуде различной формы — "тапак" (соответствует персидскому "тава", от которого и произошел глагол "тапакел" — жарить). Существуют различные "тапакац" из баранины и курицы⁹.

К седой древности восходит такое популярное в настоящее время блюдо, как шашлык. Обитатели Армянского нагорья еще в эпоху неолита (медно-каменного века) разводили очаг и на нем жарили баранье и говяжье мясо и мясо диких животных — гор-

ного барана, оленя и т.д. Вначале мясо нанизывали на деревянную палку, а потом ее заменил металлический прут — шомпол. Часто целую тушу животного укладывали между раскаленными камнями и ими же покрывали тушу. В результате получалось вкусное мясное блюдо, "хорову", которое и в настоящее время в большом почете у пастухов.

На специально приспособленных очагах готовится шашлык — "хоровац" различных видов. Мясо, предназначенное для шашлыка, специально отбирается и нанизывается на шомпол — "шампур". В тонире же вешается разделанная туша ягненка или козленка, либо лишь мясо, либо мясо, которое фаршируется специями и рисом.

Для армянской кухни характерны те блюда, которые связаны с зимними запасами съестных продуктов. До сих пор армянский крестьянин — мастер по копчению мяса, рыб и птиц. В армянском языке сохранился термин для обозначения копченой свинины — "хозапхут". Ванские армяне большие мастера по изготовлению копченой колбасы — мясного суджуха.

Большое место среди зимних запасов мясопродуктов занимало консервированное мясо — "тыал" (турецкое "кавурма"). Вареное говяжье или баранье мясо хранилось зимой в герметически закрытых и зарытых в землю кувшинах.

В армянской народной кухне особенно популярны блюда из отбитого мяса, такие как "кололик" (по турецки "кюфта-боз-баш") и "кололак" (так называемая "большая кюфта")¹⁰. Нередко заправленное мясо заворачивается либо в виноградные листья либо в капустные. По-видимому, первоначально, когда в Армении еще не была известна культура капусты, мясо заворачивалось в листья виноградной лозы, которая у армян называется также "тола"¹¹. Название этого блюда "толма" произошло на почве турецкого толкования этого слова в форме "долма". Мясо, смешанное с пшеничной крупой или рисом, варилось также в желудке барана¹².

Издавна армянская кухня славилась своими рыбными блюдами, что опять-таки обусловлено естественно-историческими условиями Армянского нагорья.

Реки и озера Армении богаты своими рыбами, характерными для горных рек и высокогорных пресных озер. Особенно характерна форель, встречающаяся всюду в горных речках.

Разнообразием своего рыбного богатства отличается высокогорное (1914 м н.у.м.) пресное озеро Севан. Здесь встречаются эндемичные виды лососевых — ишхан, гехаркун, — 323 —

Бахтак. Отлично прижился ладожский сиг. В Ванском озере живет лишь один вид рыбы — тарех, название которого произошло от древнегреческого "тарихос", что означает засоленная рыба. Еще в античную эпоху рыба тарех считалась предметом экспорта и в засоленном виде вывозилась в далекие страны.

На зиму заготавливаются также кисломолочные продукты. Основным кисломолочным продуктом Армянского нагорья является заквашенное молоко — мацун (от глагола "мацунел", т.е. сгуститься). Закваской служит молочный сгусток, образующийся самоквасом. Из кислого молока и его отходов варятся различные молочные супы — "спас", "танацур" и т.д.

До сих пор существует маслобойка, археологически засвидетельствованная со времен Урарту. Маслобойка ("хноц"), либо глиняная, либо деревянная, является необходимой принадлежностью каждой крестьянской семьи. В маслобойке готовят сливочное масло "караг", из которого получают топленое масло "ыл". Из отходов, образовавшихся при изготовлении сливочного масла, получается пахта — "тан", а из тана — "чоратан" и т.д. Все эти продукты хранились зимой в глиняных кувшинах и мехах — "тик", называемых "мотал" (мешок из засоленной шкуры)¹³ и "курдз" (кожанная сумка для продуктов).

Особенно славится армянский сыр "панир". Археологически засвидетельствованы еще со времен Урарту специальный глиняный сосуд с отверстием на дне, в котором изготовлялся сыр.

С древнейших времен в Армении известны солодовые экстракты. В древней Армении готовили пиво, обычно из ячменя, откуда и его название у армян "гареджур" (буквально "ячменная вода"). В раскопках Кармир-блур был найден сосуд удлиненной формы с отверстием на дне, в котором приготавливалось ячменное пиво. На дне сосуда хорошо сохранились явные следы солодования зернами ячменя¹⁴. Пиво приготавливалось также из проса. В том же Кармир-блуре найден большой сосуд удлиненной формы, аналогичный первому. В этом сосуде просо носило явные следы солодования. Как в том, так и в этом сосуде на дне находился фильтр из соломы, служивший для удержания зерна внутри сосуда при обдавании осоложенного зерна кипятком. Эта техника пивоварения урартов продолжала бытовать у армян и позже. Приготавливалась также водка, которая перегонялась из отходов винограда, зерновых культур и плодов.

В древней Армении большое распространение имело производство кунжутного масла, техника которого со времен Урар-

ту вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции оставалась почти на одном и том же уровне. Пресс для выжимки масла состоял из большого жернового камня, вдетого на валик, при вращении которого из раздавленных семян кунжута получалось кунжутное масло. Из отходов кунжута получались жмыхи — "коптон", которые являются лучшим зимним кормом для крупного рогатого скота.

По своему удельному весу и масштабам в экономической жизни страны виноградарство и виноделие уступали лишь земледелию. В условиях суровых зим Армении нельзя было виноградную лозу оставлять на открытом воздухе. После сбора винограда ("айгекут"), в октябре месяце, виноградную лозу окапывали, закидывая толстым слоем земли. В силу этого в Армении преимущественно разводятся низкие, стелющиеся по земле кусты винограда. Мотивы этих стелющихся виноградных кустов использованы в армянской архитектуре. Особенно богаты барельефы с подобными мотивами на стенах храмов Звартноц и Ахтамар.

В Армении с древнейших времен выработались эндемические сорта винограда, которые известны, в частности, из раскопок урартского города Тейшебаини (Кармир-блур). Во время раскопок этого города обнаружены косточки наиболее известных по сей день сортов винограда в Арагатской долине — воскеат (харджи), мсхали, арапати (хачабаш) и некоторых сортов черного винограда.

Широко использовался виноград для изготовления на зиму различных сладких бекмесов ("дошас", "шпот"), изюмов ("чамич") и чурчхел ("шароц"). На зиму сушились виноград, фрукты и ягоды в виде плодов, нанизанных на нитки, — "кахан", "чир" и т.д. Винный погреб — "маран" уже издали привлекал человека своим благоуханием. Над стоящими в ряд карасами висели нанизанные на нитки зимние сорта винограда, персиков, айвы, яблок, груш и т.д., которые издавали пряный запах. Тут же висела сушеная фасоль.

В древней Армении, как и теперь, полеводство и виноградарство обычно сочеталось с огородничеством и садоводством. Вдоль рек разводились фруктовые сады с насаждениями абрикосов, персиков, миндаля, айвы и черешни, а в высокогорных районах обычно яблони, груши, сливы и вишни.

В пище армян большой ассортимент составляют вкусовые вещества. Д.Б. Арутюнян пишет: "Наличие в пище армян вкусовых веществ обуславливается местными климатическими условиями,

которые имели решающее значение для формирования вкусовых особенностей пищи народа, проживающего в южном жарком поясе. Если учесть, что под влиянием высокой температуры снижается возбудимость пищевого центра, то становится совершенно обоснованным наличие в восточной и, в частности, в армянской кухне столь большого ассортимента возбуждающих аппетит ароматных пряных, острых приправ. Философ У. В. Давид Анахт (Непобедимый¹⁵) упоминает о широком применении черного и белого перца у армян... 16.

Наряду с культивированными пищевыми продуктами в рационе армянского народа большое место занимали различные дикорастущие съедобные растения и грибы, которые на зиму сушились или мариновались. Такое обилие этого рода пищи опять-таки было обусловлено естественноисторическими условиями Армянского нагорья. Однако следует указать, что наряду с естественно-историческими условиями на характер пищи влияли также социальные факторы. Среди большого количества и разнообразия армянских блюд мы находим кушанья очень простые и примитивные.

Выработавшееся в течение долгой исторической жизни армянского народа большое многообразие блюд вновь вводится в быт в еще более полноценном и обогащенном виде.

3. МЕТРОЛОГИЯ

Линейные меры

Сведения о мерах и весах Армении и сопредельных стран V-VII вв. сохранились как в чисто метрологических текстах, так и в других источниках. Важные сведения о мерах длины сохранились в армянской "Географии" Анания Ширакаци, в "Толковании календаря Андреаса" и в рукописях толкования армянского календаря, предполагаемым автором которых также является Анания Ширакаци.¹

Мерам объема посвящена специальная работа Анания Ширакаци, названная им "О мере, мерах и эталонных таррах". Мерам объема, веса и линейным мерам посвящен сохранившийся текст, названный "О движении солнца и вычислении мер"², который можно датировать VII-XI вв., скорее всего началом VIII века³.

О денежно-весовых системах сохранились сведения в труде Анания Ширакаци "О весе, весах и разновесах"⁴, а также в труде "Сведения о весах"⁵. Последний по всей вероятности, относится к V-VII вв.; хотя он и приписывается Епифану Кипрскому,

однако принадлежит армянскому автору, однако принадлежит армянскому автору, частично использовавшему работу Епифана Кипрского.

Сохранился текст "О весах", который создан позже, чем текст "О движении солнца и вычислении мер". Автор текста "О весах" широко использовал единицы веса, приводимые в тексте "О движении солнца ..." и добавил некоторые сведения, представляющие значительный интерес.

Ниже приводится сравнительный текст метрологической таблицы "Географии" Анания Ширакаци.

"Единицей меры является градус. И градус (равен), как говорят, 500 аспаресам. И аспарес же есть мера протяжения и равняется одному втавану. При измерении по воздуху аспарес равняется 100 (двойным) шагам. И (двойной) шаг равняется 6 ступням. И ступня - 16 пальцам. И миля равняется 7 аспаресам. А аспарес же аспаресов заключает в себе 143 (двойных) шага, и миля 7 аспаресов, чтобы при измерении по земле миля равнялась 1000 (двойным) шагам. И парсах - трем милям. Но при измерении по воздуху градус имеет 500 аспаресов в ширину и столько же в длину по земле, т.е. во все четыре стороны, так что в градусе заключается 71 миля и $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{7}$ и $\frac{1}{28}$ (=713/7)"⁶.

До изложения таблицы Анания Ширакаци пишет: "Клавдий Птолемей измерил аспаресами всю Землю относительно долготы, начиная с запада, от Неизвестного моря (Океана), от крайней точки Испании, кончая берегом Неизвестной страны Синов на Востоке и разделил все это пространство на 180 градусов". А непосредственно за таблицей следует: "И этими мерами измерил Землю и море, приняв за начало Жаркий пояс ...".

Не вызывает сомнения, что, когда Анания Ширакаци пишет "говорят", в связи с приводимыми им величинами как измерения Земли, так и вообще мер измерения, то он имеет в виду Клавдия Птолемея, которому, как видно из текста, следовал также и Папп Александрийский. Это естественно, т.к. величина диаметра Земли, а также градус и др. измерения, которые выражены в градусах, милях, аспаресах по воздуху, не принадлежат Ананию Ширакаци, а заимствованы им из использованных им основных первоисточников (у Клавдия Птолемея, Паппа Александрийского). И, как видно из дальнейшего изложения, он, по возможности, наряду с интерпретацией заимствованных единиц добавляет также современные ему местные единицы мер.

Поскольку Анания Ширакаци составляет метрологическую

таблицу, он приводит величину "аспарес по воздуху", с тем, чтобы отличить его от "аспареса аспаресов". Подчеркивая, что величина градуса выражается единицей "аспарес по воздуху", он тем самым показывает связь градуса с "аспаресом по воздуху". Кстати, эта связь замечается и далее в тексте, где Ширакаци выражает величину градуса в милях.

Он интерпретирует единицу "аспарес по воздуху", приводя ее армянский эквивалент "ватаван", т.е. ему было известно, что "аспарес по воздуху" идентичен "ватавану" по земле. Тем самым Анания Ширакаци как бы намекает, что ранее использованная величина "аспарес по воздуху", равная "ватавану", не применялась в его время при измерениях по земле, тем более, что далее он приводит "аспарес аспаресов", как современную ему единицу измерения по земле.

Величина "аспареса по воздуху", выраженная в (двойных) шагах, различна в разных рукописях "Географии", а именно: $\mathfrak{z}$ (100), $\mathfrak{z}\mathfrak{t}$ (105), $\mathfrak{z}\mathfrak{t}$ (107), $\mathfrak{z}\mathfrak{t}$ (110), $\mathfrak{z}\mathfrak{t}$ (150)⁷. Ясно, что верна лишь одна величина, остальные же возникли позже.

Из вышеприведенных значений "аспареса по воздуху" = $\mathfrak{z}\mathfrak{t}$ (107) (двойных) шагов проникло в варианты рукописей "Географии" в VIII-XI вв. из работы "О движении солнца и вычислении мер". В этом нетрудно убедиться, т.к. 15 рукописей этой работы не имеют разночтений и всегда "аспарес по воздуху" равен $\mathfrak{z}\mathfrak{t}$ (двойным) шагам.

В связи с этим интересно отметить, что только в тех немногочисленных рукописях "Географии" упоминается "аспарес аспаресов" вместо "персидский аспарес", где "аспарес по воздуху" равен $\mathfrak{z}\mathfrak{t}$ (107) (двойным) шагам. А в работе "О движении солнца и вычислении мер" нигде не употребляется термин "аспарес аспаресов", который заменен термином "персидский аспарес". Можно заключить, что с одной стороны, размер аспареса равный 107 (двойным) шагам взят из этой работы, а с другой стороны, это свидетельствует о том, что "аспарес аспаресов", приводимый в "Географии", в дальнейшем понимали как "персидский аспарес". Величину же аспареса, равную $\mathfrak{z}\mathfrak{t}$ (105) (двойных) шагов следует считать обычной опiskой ($\mathfrak{t}$ вместо $\mathfrak{t}$) и принимать равной $\mathfrak{z}\mathfrak{t}$ (107) (двойных) шагов. Приравнение "аспареса" к $\mathfrak{z}\mathfrak{t}$ (150) (двойным) шагам заимствовано из "Толкования календаря", что в свою очередь взято из "Книжника" Анания Ширакаци, заимствовавшего эту величину у Андреаса, в связи с толкованием его календаря. Выражение " $\mathfrak{z}\mathfrak{t}$ (110) (двойных) шагов" следует исправить

на (150) (двойных) шагов. Указанные разночтения величины "аспареса по воздуху" свидетельствуют о том, что переписчики или редакторы "Географии" заменяли забытую единицу меры на современные им единицы, в данном случае "аспарес - нетадзик" (полет стрелы).

Таким образом, для величины "аспареса по воздуху" остается только одно значение $\mathfrak{z}$ (100) (двойных) шагов, которое и сохранилось в большинстве рукописей. Значение 100 (двойных) шагов для "аспареса по воздуху - втавана" подтверждается и другими армянскими первоисточниками, приводимыми ниже.

Выражение "(двойной) шаг равен шести ступням" не имеет разночтений, поэтому принимается всеми исследователями.

Г.Мжик отмечает, что данные армянских первоисточников касающиеся выражения "двойной шаг равен шести ступням" неясны, так как они встречаются в тех текстах, где использовались "большая ступня" (равная 35,24 см) и основанный на ней "(двойной) шаг" равный 1,762 м. Он полагал, что "двойной шаг" является чисто теоретической величиной и содержит $5 \frac{21}{25}$ римской ступни (=6 ступням). Г.Мжик считает возможным допустить, что в армянских первоисточниках речь идет об использовавшейся в то время "ступне", которая равна одной шестой шага. Наряду с этим Г.Мжик считает, что в армянских первоисточниках речь шла скорее всего о "римском двойном шаге" и "сирийской ступне", которые равнялись $\frac{5}{6}$ "римской ступни", т.е. (= 24,66 см), а основанная на ней стадия равнялась 148 метрам, т.е. составляет $\frac{1}{10}$ римской мили⁸.

Анания Ширакаци зафиксировал "аспарес по воздуху" как $\frac{1}{7}$ мили, что впоследствии было искажено и превратилось в выражения: "миля равна одному аспаресу" и "миля равна пяти аспаресам". Большинство рукописей "Географии" имеют первое из вышеприведенных искаженных выражений. Очевидно, что "аспарес" не может равняться миле, а составлял лишь какую-то часть мили. Некоторые рукописи содержат выражения: "миля равна семи аспаресам" или, как приводилось выше, "миля равна пяти аспаресам". Ясно, что верно лишь одно из этих выражений.

Достоверность этой части текста подтверждается из анализа соотношения $7 \frac{1}{3} \frac{3}{7}$ мили = 1 градусу = 500 стадий ($500:7 \frac{1}{3} \frac{3}{7} = 7$)⁹. Следовательно одна миля равна семи аспаресам по воздуху, иными словами, обосновывается правильность выражения "миля равняется семи аспаресам"¹⁰.

Следующий отрывок из вышеприведенной таблицы, по всей

вероятности, является изложением текста Птолемея - Паппа Александрийского, который условно можно назвать системой измерения по воздуху: "Единицей меры является градус. И градус (равен), как говорят, 500 аспаресам... При измерении по воздуху аспарес равняется 100 (двойным) шагам. И (двойной) шаг равняется 6 ступням. И ступня 16 пальцам. И миля равняется 7 аспаресам... Но при измерениях по воздуху градус имеет 500 аспаресов в ширину и столько же в длину по земле т.е. во все четыре стороны. Так что в градусе заключается 71 миля и $1/4$ и $1/7$ и $1/28$ (=71 $3/7$).

Система измерения по воздуху имеет следующий вид: одна миля = 7 аспаресам по воздуху [каждый аспарес по воздуху равняется 100 (двойным) шагам = 600 ступням] = 700 двойным шагам [каждый (двойной) шаг равен 6-и ступням] = 4200 ступням (каждая ступня равна 16 пальцам).

Греческие метрологические тексты, опубликованные Ф. Гульчем, содержат следующие свидетельства:

1. Одна миля имеет 7 стадий, что значит, 4200 ступней
2. Одна миля имеет 7 стадий, 4200 ступней, называемых филетеровскими
3. По Свидасу стадия имеет 600 ступней, а миля 4200 ступней^{II}.

Эти данные достаточны для того, чтобы систему измерения по воздуху в "Географии" считать заимствованной из греческих источников.

Можно увидеть, что в данных текстах величина стадия выражалась через ступени, известные под названием филетеровских. Известно, что филетеровская сажень равна шести ступням, стадия равняется 100 сажням (600 ступней), а миля 700 сажням (7 стадиям) = 4200 ступням.

Сравнение системы измерения по воздуху с данными греческих текстов свидетельствует об их идентичности. Отсюда следует, что система измерения по воздуху, приводимая в армянской "Географии" является заимствованной из трудов античной и римской эпох. Указание Анания Ширакаци, что миля равняется семи стадиям (каждая по 600 ступней) = 4200 ступням, свидетельствует о том, что речь идет о римской миле, о большой филетеровской ступне и стадии обычно также называемой филетеровской.

Если считать среднюю величину римской мили равной 1480 метрам, а среднее значение филетеровской ступни 35,52 см., которая в Армении в I веке составляла 35,31 см, что установ-

лено по обмеру языческого храма Гарни, то для стадии получается 211,43 м (по римской миле), 213,12 м (по филетеровской ступне), 211,84 м (по ступне, использованной в Гарни), а относящийся к ней (двойной) шаг соответственно будет равен 2,11 м; 2,13 м (2,12 м) ступня же равна 35,24 см; 35,52 см (35,31 см) и, наконец, для пальца получается значение: 2,22 см. Все эти единицы известны как филетеровские.

Анализ вышеприведенных текстов показывает, что из римских единиц была заимствована только миля, приспособленная в дальнейшем к филетеровским системам единиц¹².

Единицы измерения - палец, ступня и /двойной/ шаг - также как и аспарес измерения по воздуху - соответствующей стадии использованной Клавдием Птолемеем и Паппом Александрийским¹³.

Необходимо отметить, что стадия Птолемея - Паппа составляла $1/7$ римской мили, а не $1/8$, как принято считать в настоящее время большинством исследователей¹⁴.

Как следует из той же метрологической таблицы, аспарес аспаресов заключает в себе 143 (двойных) шага, а миля - 7 аспаресов, чтобы при измерении по земле миля равнялась 1000 (двойным) шагам; парсах же - трем милям. Анания Ширакаци считает милю равной 7 аспаресам аспаресов и 1000 (двойных) шагов. Отсюда следует, что эта миля отличается от предыдущей. В обоих случаях повторение величины "миля" = 7-и аспаресам по воздуху и 7 аспаресам аспаресов = 1000 (двойных) шагов имеет существенное значение. Кажется, Ширакаци всю метрологическую таблицу разделил на две системы, выше условно названные системой измерения по воздуху и системой измерения по земле.

Причина повторения величины "миля" в том, что Анания Ширакаци заимствовал одну часть текста - систему измерений по воздуху - у Птолемея - Паппа, т.е. дал используемые ими единицы и греческую традицию антично-римской эпохи, где семистадийная миля была римской (1480 метра). Наряду с этим он сознательно считал втаван армянским эквивалентом аспареса, измеренного по воздуху, и кроме того представил местную традицию, согласно которой аспарес аспаресов отличается от втавана и составляет $1/7$ часть филетеровской или египетской мили равной 1000 (двойных) шагов = 1575 метрам - 1598,4 метрам.

Таким образом, система измерения по земле имеет следующий вид:

Один парсах = 3 милям = 4725 м.,

- 331 -

Одна миля = 7 аспаресам [каждый равен 142 6/7 (двойных) шагов] = 1000 (двойных) шагов [каждый равен 6-и ступням] = 6000 ступней (каждая равна 16 пальцам) = 1575 м. Эту систему можно назвать армяно-персидской. О единицах этой системы имеются свидетельства у армянских историков V-VII вв. (Египте, Агатагехос и др.).

Для выяснения метрологических систем исследуемой эпохи, как было отмечено, важными источниками являются также "Толкование календаря Андреаса" и другое "Толкование календаря".

В "Толковании календаря Андреаса" читаем: "Почему одно продвижение солнца равно 500 аспаресам? Это познали при помощи геометрии. Ибо ширину и длину земли определили в 180000 аспаресов геометры, которые по приказу первых царей Александра и других, объездили и обследовали Вселенную. Так заметили, что во время равноденствия солнце совершает 360 оборотов. Они разделили 180000 аспаресов на число 360 оборотов и таким образом один оборот был установлен в 500 аспаресов. А один аспарес равен 300 локтям" ¹⁵.

В рукописях толкования армянского календаря написано: "Возьми час дня и помножь на 30, столько именно оборотов делает солнце. Возьми обороты и помножь на 500, столько именно аспаресов оно приобретает, когда день имеет 12 часов. Солнце делает 360 оборотов и пробегает 180000 аспаресов. Один час имеет 30 частей. Одна часть соответствует одному обороту. Один оборот равен 500 аспаресам. Аспарес равен 150 (двойным) шагам. Аспарес равен 300 локтям. (Двойной) шаг равен 2 локтям. (Двойной) шаг равен 14 ладоням. Локоть равен 7 ладоням, (двойной) шаг равен 7 нербанам. Нербан равен 36 ячменным зернам. Одна миля равна 7 аспаресам. Одна миля равна 48 храсхам (плетрам). Один храсх равен 22 (двойным) шагам. Один храсх равен 44 локтям. Одна миля равна 1050 (двойным) шагам. Одна миля равна 2100 локтям. 10 аспаресов равны 1500 (двойным) шагам." ¹⁶

Из сопоставления единиц, приводимых в этих двух текстах ("один аспарес равен 300 локтям"), видно, что это был один и тот же метрологический текст, который полностью сохранился лишь в "Толковании календаря". По всей видимости, оба эти текста принадлежат одному автору — Андреасу.

Толкование единиц этих таблиц, данное Г. Мжигом, вполне приемливо с некоторыми дополнениями и уточнениями. Анализ этих таблиц показывает, что одна миля равна 7-и аспаресам. Отсюда

следует, что здесь также фигурирует римская миля. Это подтверждается также упоминанием храсха (плетра). По этой таблице одна миля равняется 48 храсхам. Из других источников известно, что одна римская миля равна 8 стадиям (каждый из которых равен 6 плетрам) = 48 плетрам.

Отсюда очевидно, что в обоих текстах миля = 48 храсхам-плетрам, т.е. имеется ввиду римская миля.

Наряду с этим, из приведенного текста следует, что один двойной шаг равен двум локтям и что подобно одному обыкновенному шагу, каждый локоть соответствует фелетеровской ступне. Данные, аналогичные вышеприведенным, находим в старогероновской таблице. По этой таблице, 1 стадий содержит: 300 обыкновенных шагов, 300 локтей (больших) и 600 ступней. Затем, двойной шаг содержит два локтя, локоть содержит один шаг и две ступни. По другому свидетельству, локоть содержит две ступни, шаг содержит один локоть и две ступни.

Из таблицы "Толкования календаря" следует, что одна римская миля равнялась 1050 (двойных) шагов, а не 1000, как в римской системе, откуда возникает соотношение 1000:1050 = 20:21, т.е. один римский (двойной) шаг относится к (двойному) шагу, приведенному в "Толковании календаря", как 20 к 21. Этот (двойной) шаг имеет четыре больших ступни и 7 "нербан", которая составляла 2/3 ступни.

Один большой локоть содержит семь ладоней или две фелетеровские ступни, иначе говоря, один двойной шаг равен двум локтям = 4-м фелетеровским ступням = 7 "нербанам" = 14 ладоням = 1,41 м ¹⁷. Одна миля равняется сорока восьми храсхам-плетрам. А храсх-плетр равен двадцати двум (двойным) шагам, 44 локтям, здесь автор "Толкования календаря" округлил значение храсха-плетра. Оно вместо 22 должно быть = 21 7/8, в локтях, вместо 44 - 43 3/4.

Таким образом, храсх-плетр равняется 30,83 метра. Эта единица заимствована из греческой системы.

Следует отметить, что хотя эта метрологическая таблица толковалась в VII веке Аганием Ширакаци, однако приписывается Андреасу, т.е. относится к IV веку. Наряду с этим выясняется, что и Андреас заимствовал ее из работ антично-эллинистической эпохи. Очевидно, что армянские первоисточники сохранили ценные сведения из области древней метрологии.

В одной рукописи толкования армянского календаря приводятся следующие свидетельства, которые интересно сопос-

тавить:

"(Один) оборот равен 500 аспаресам. (Один) аспарес равен 100 двойным шагам. (Двойной) шаг равен 7 ступням. Ступня равна 7 бойт (сустав). Бойт (сустав) равен 2 пальцам. Палец равен 2 ячменным зернам..."

"Оборот равен 500 аспаресам. Аспарес равен втавану. Втаван равен 100 (двойным) шагам. (Двойной) шаг равен 7 ступням. Ступня равна 7 бойт (суставам). Бойт (сустав) равен 2 пальцам. Палец равен 2 ячменным зернам".¹⁸

Отсюда следует, что аспарес равняется втавану = 100 двойным шагам = 211,4 м (или 213,12 м). Двойной шаг = 7 ступням = 211,4 м (213,12 м), ступня = 7 бут = 30,22 см. (30,4 см), бут = 2 гуик (пальцам) = 4,3 см (4,35 см), палец = 2 ячменных зернам.

В этих системах аспарес - втаван и двойной шаг соответствуют единицам системы измерения по воздуху из "Географии" Анания Ширакаци. Это свидетельствует о том, что втаван-аспарес является стадием, заимствованным из филетеровской системы. И не случайно, что Анания Ширакаци считал стадий, использованный Птолемеем, равным втавану. Отсюда следует, что стадий Птолемея и втаван произошли от филетеровского стадия. Птолемеевский стадий был доступен армянской среде, ввиду существования его эквивалента, а именно, втавана.

Вышеуказанная ступня (равная 30,22 см или 30,4 см), вероятно, произошла от греческой (30,89 см). Эта ступня использовалась в Армении в IV-V вв., о чем свидетельствуют результаты обмеров архитектурных памятников. Так, ступня, примененная при сооружении Касахской базилики (IV в.), равна 30,22 см, а при сооружении центрально-купольной церкви Рипсиме (нач. V в.) равна 30,4 см.¹⁹

Единицы мер менее ступни выражены в "Толковании большого Армянского календаря". Эта система следующая:

"Один оборот равен 500 аспаресам. Одна миля равна 7 аспаресам. Миля равна 1000 двойных шагов. (Двойной) шаг равен 5 ступням. Ступня равна 7 бойтам (суставам). Бойт (сустав) равен 2 пальцам. Палец равен 2 ячменным зернам..."²⁰

Ключ для решения этой системы - не только филетеровская или египетская миля, но и византийская ступня. Эта метрологическая система имеет следующий вид:

Одна миля = 7 стадиям [каждая равна 142 ^{6/7}

(двойным) шагам] = 1000 (двойных) шагов = 5000 ступней = 35 000 бут = 70 000 пальцев = 1570 м (1575 м).

Среди единиц, полученных при обмерах армянских архитектурных памятников, выделяется ступня, заимствованная из византийской системы, (31,4 см), которая широко использовалась в Армении в IV-V вв, а также и в более позднее время.

Весы

Труд Анания Ширакаци "О весах" представляет интерес не только для изучения раннесредневековой армянской метрологии, но и истории метрологии вообще. Анания Ширакаци в этом тексте приводит сведения о весах, их названиях, и эквивалентах, поочередно упоминая как малые, так и большие единицы. Начиная с дахекана, он приводит сведения о том, сколько малых единиц содержится в больших единицах. Тем самым становится возможным не только восстановить денежно-весовые системы, но и выявить неточности, возникшие в дальнейшем в тексте.

Сведения, содержащиеся в тексте Анания Ширакаци заключаются в следующем:

Ячменное зерно = 0,04635 г

Асариян (ասարիոն) (assarion), лептон (լեփոն) (lepton), данг (դանգ) (dang) = 2 ячм. зерна = 0,0927 г.

"пшит" (փիփ) (персидский) = 3 ячм. зерна = 0,139 г.

Керат (կերատ) (keration) = 4 ячм. зерна = 0,1854 г.

"синт" (սինտ) = 4 карата = 0,7416 г.

Грамар (գրամար) (grammarion) = 6 кератов = 1,1125 г.

Трмес (տրմես) (trimission) = 8 кератов = 1,483 г.

Симес (սիմես) (semission) = 12 кератов = 2,225 г.

Дракме (դրամ) (drachme), сатер (սատեր) (stater),

калкима (կալկիմ) (chalkima) = 1 симес + 1 грамар = 1/8 унции = 3,335 г.

Дахекан - номисма (դափեկան-նոմիսմա) = 24 кератов = 4,45 г.

Сикл (սիկл) (siklos), мет (մետ), (stathmos),

Милиарис (միլարիս) (miliaression), "порче" (փորփե) =

= 1 дахекану + 1 симес = 1/4 унции = 36 каратов = 6,675 г.

Унки (ունկ) (uncia) (унция) = 6 дахеканам = 26,7 г.

Литр (լիտր, լիտր) (litra) = 12 унциям = 72 дахеканам = 320,4 г.

Приводимые названия весов на русск. языке даны согласно армянскому чтению.

Итальянский мнас (ἰσῶν) (mna) = 44 унции = 1,1748 кг
 Древнееврейский мнас (סל) (mnā) = 2,5 литр = 801 г.
 Кендинар (κεντῆναριον) (kentenarion) = 100 литр = 32,04 кг.
 Драм (δραμῆ) (dram) = 1/80 литр = 4 г.
 Персидский сатер = 4 = 16 г.
 "Пайвасик" (παῖβασικ) = 50 литр = 1000 stater =
 = 4000 dram = 16 кг.
 Талант (τάλαντον) (talanton) = 125 литр = 9000 дахекан
 = 10 000 dram = 40 кг.
 Канкар (κῆνκαρ) (khanekar) = 138 $\frac{3}{8}$ литр = 10000
 дахекан = 44,5 кг.

Системы мер и весов средневековой Армении изучались в основном по письменным источникам Анания Ширакаци, а для перевода этих единиц в метрическую систему использовали метрические эквиваленты соответствующих единиц сопредельных стран.

Археологические раскопки, проводимые в Армении, начиная с последней четверти XIX века и широко развернувшиеся в настоящее время, позволяют практически доказать факт использования в Армении этих мер веса и объема.

Образцы мер веса были найдены при раскопках крупнейшего города средневековой Армении — Двина. В раннесредневековом археологическом слое Двина, который датируется V-VI вв., было найдено пять образцов разновесов, три из которых были сделаны из стекла. Они имеют форму круглой монеты, одна сторона которой представляет гладкую поверхность, а на другой стороне изображена печать в форме креста. Эти три эталона хорошо сохранились и имеют вес 4,5 г; 4,5 г. и 4,4 г. Четвертый образец из камня имеет пирамидальную форму и весит 4,5 г. Пятый образец — двойной дахекан, который немного поврежден. Он сделан из мозаичного стекла, имеет пирамидальную форму и весит 8,8 г²¹.

Все эти разновесы являются хорошо сохранившимися образцами византийского денежно-весового эквивалента номисма-эксагиона, который в раннесредневековых армянских источниках упоминается как дахекан. Они употреблялись и для определения веса золотого дахекана и как самостоятельные разновесы.

Принимая используемый в математической статистике принцип равномерного распределения и 95 % доверительного интервала по имеющимся образцам в граммах получаем значение дахекана = 4,45 ± 0,078. Кстати, по систематизации Шильбаха, которая относится к византийской весовой системе, средний вес эксагио-

на в IV-VI вв. равнялся 4,5 г; в VI-VII вв. — 4,472 г.; в VII-IX вв. — 4,444 г; а после IX века — 4,431 г.

Стеклянные образцы византийских золотых монет были найдены на территории, входившей в состав Византийской империи и подвластных ей стран (Египет, Сирия, Болгария, Румыния и т.д.).

На территории Советского Союза отдельные образцы эксагиона найдены только в Крыму.

Используемый в Армении дахекан, по Ширакаци, лежал в основе следующей системы:

1 дахекан = $\frac{3}{4}$ драхме = 2 симес = 3 трмес = 4 г = 6 синг =
 = (8 обол) = 24 керат = 32 шит = 48 асаргон, лептон, данг =
 = 96 ячменное зерно (пшеничное зерно) = 4,45 гр.

Дахекан, как и система дахекана в исторической Армении, могли применяться только после денежной реформы Константина Великого (324 г.), и эти единицы, особенно дахекан, были в обращении до XV века в качестве золотых монет и разновесов для драгоценных и полудрагоценных металлов.

Из вышеприведенных единиц только драхме составляла исключение, т.к. она могла применяться в Армении уже после денежной реформы Нерона (64 г. н.э.). Известно, что после этой реформы денари-драхме составила только 1/96 часть римского фунта. Эта драхме продолжала использоваться в византийской денежно-весовой системе, составляя 2/3 части эксагиона.

В Армении о применении драхме в дальнейшем мы имеем точные сведения только относительно конца XIII века. Это свидетельство Степаноса Орбеляна, в котором говорится, что в 839 году духовный правитель Сюника — епископ Давид приобрел у Сюникского князя Филиппе деревню Арцив и заплатил ему 10 000 драхме, каждая из которых равнялась 6 дангов, т.е. за деревню Арцив было уплачено в среднем 33,375 кг серебра или если перевести это в золото, 3,3375 кг, или 750 дахеканов.²² После VIII века эквивалентом дахекана армянские первоисточники считают арабскую единицу мсхал. Некоторые мелкие единицы системы дахекана в дальнейшем вышли из употребления.

Для XII-XIII вв. Мхитар Гош приводит следующую систему дахекана:

1 (золотой) дахекан = 2 павтатам (потат) (дахекан) =
 = 6 дангов = 24 тасу (джа) = 72 ячм. зерна²³ = 4,44 г.

Очевидно, что симес переименован в потат — ботинат²⁴, что произошло в третьей четверти XI века, а синг переименован

в данг, керат - в тасудж (под арабским влиянием).

Кстати, стоимость золотого даhekана в разные периоды определялась различным соотношением золота и серебра. Так, в эпоху Юстиниана (527-565 гг) один золотой даhekан был равен 14,4 византийских серебряных драхм. Поскольку византийская серебряная драхма относится к сасанидской серебряной драхме как 5:6, то одна византийская золотая монета равнялась 12 сасанидским серебряным монетам. Во времена Мхитара Гоша (конец II века) 1 даhekан равнялся 13 византийским серебряным драхмам, а во времена Степаноса Орбеляна - 10 византийским серебряным драхмам. Эти изменения были связаны с торгово-экономическими отношениями, в частности, с изменением цен на драгоценные металлы. Не случайно, что в период кризиса серебра (IX-XIV вв.) стоимость серебряных монет повышается. Так, если в эпоху Юстиниана стоимость даhekана относилась к стоимости драхмы как 1:14,4, то в эпоху Степаноса Орбеляна это соотношение равно уже 1:10.

Н.Марр в работе "Реестр предметов древности из УИ-И (1907) археологической компании в Ани" описал найденные при археологических раскопках Ани круглые камни разного размера и веса, т.е. образцы разновесов, на каждом из которых были одни или несколько знаков. К ним относятся образцы под номерами: 07 № 193 а,б. Образец а/ круглый камень гранитной породы в форме колеса со знаком Π 1, диаметр круга 0,27 м, толщина 0,12 м. б/ продолговатый камень со знаком $\frac{1\Pi}{\Pi}$. Длина 0,13 м, ширина 0,09 м, толщина 0,405 м.

Оба камня были найдены одновременно и в одном месте. Н.Марр описал и другие образцы, однако не указал их вес. И.Орбели в работе "Каталог Анийского музея древностей" приводит вес только вышеупомянутых камней. Он также считал эти камни гириями, так как на обоих камнях были сходные между собой знаки Π и $\frac{\Pi}{\Pi}$ и оба эти камня находятся в некотором весовом соотношении между собой. Вес первого с округлением - 12800 г, вес второго - 960 г. Знак, изображенный на первом камне, Н.Марр и И.Орбели привели в своих работах по-разному. Однако, при внимательном изучении фотографии камня, приведенной в работе Н.Марра, обнаруживается, что этот знак имеет вид Π и представляет собой греческую букву "μ", обозначающую 40. Так как вес этой гири был 12800 г, то, делив его на 40, получаем 320 г, что является весом римско-византийской единицы - литр логарикон.

Название этой единицы в армянских источниках раннего периода - литр, а в источниках более позднего периода литра - логарикон. Наряду со свидетельством Анания Ширакаци есть данные более позднего времени, касающиеся величины этой единицы:

"Литра, которая называется логарикон, равняется 72-м мискалям"²⁵. Найденная в Ани гиря с изображением греческого знака свидетельствует, с одной стороны, о практическом применении этой единицы в Армении, с другой стороны, найденные одновременно с этой гирей предметы можно датировать 1045-1064, т.к. гири с греческими буквами могли быть характерны для Ани эпохи византийского владычества.

Возникает вопрос, какой единицей является найденная гиря? Из греческих источников известно, что единица, имеющая вес 40 логариконов, является так называемым византийским морским модием, поэтому можно утверждать, что найденная гиря - пока единственный экземпляр этой единицы измерения.

Знаки на втором найденном в Ани камне, Н.Марр и И.Орбели также приводят по-разному. Если допустить, что Н.Марр точно воспроизвел это изображение $\frac{1\Pi}{\Pi}$, то верхние знаки могут быть знаками логарикона, из которых первый мог иметь значение цифры три, т.е. греческой буквы γ. Это предположение подтверждается тем, что деление веса гири - 960 г, на 320 г (вес логарикона, полученный из первого образца), дает 3. Поэтому можно полагать, что на гире было обозначено 3 литра (логарикона).

В.Хинц считает, что единица ратл (руми) = 108 дирхем = 72 мискаля = 337,5 г и использовалась в Малой Азии²⁶. Литр весом в 337,5 г был византийским "серебряным" литром. Армянские первоисточники свидетельствуют, что единица веса литр-логарикон имела 108 дирхемов и 72 мискаля²⁷, поэтому единица, именуемая ратл руми - это литр - логарикон, а не "серебряный" литр.

Упомянутые у Анания Ширакаци единицы римской денежно-весовой системы: литр, унция и драхма в Армении стали употребляться, вероятно, после 64 г.н.э., точнее, в начале второго века н.э.; когда Армения была временно объявлена провинцией Римской Империи.

Анания Ширакаци отмечает, что, помимо использования в качестве гири, нижеприводимые единицы были также и деньгами. Ноμισма - даhekан, золотые монеты,

Сасанидский драм — серебряная монета драхме и мелиарис — византийские серебряные монеты²⁸.

Кстати, в свидетельстве Анания Ширакаци, как отмечает Я. Манандян, примечателен тот факт, что малый сикль и мелиарис считаются идентичными по весу, причем мелиарис соответствует серебряной монете, отчеканенной при Ираклии (610—641 гг.)²⁹. Вес мелиариса Ширакаци считает равным сумме дахекана и симеса. Очевидно, что Анания Ширакаци сохранил важное свидетельство о мелиарисе, который не мог использоваться раньше VII в.

Необходимо отметить, что александрийский талант, который византийцы называли кендинаром, в Армении начали применять с 324 года и использовали до XII века.

Метрологический текст Анания Ширакаци дает возможность восстановить также денежно-весовую систему Сасанидского Ирана: I талант = 2,5 пайвасика = 125 литров (логариконов) = (100 ратлов)³⁰ = 2500 статеров = 10000 драм = 40 кг.

Иначе говоря, эта денежно-весовая система будет иметь следующий вид:

Талант	I				
Пайвасик	2,5	I			
Ратл	100	40	I		
Литра-логарикон	125	50	4/5	I	
Стерер	2500	1000	25	20	I
Драм	10000	4000	100	80	4 I

Вышеприведенная система использовалась в Восточной Армении с 30-х годов III века до начала VIII века.

У Анания Ширакаци есть свидетельства как о древнееврейских единицах, так и единицах других стран (сикль, мнаса и т.д.) которые он заимствовал у Епифана Кипрского. Примечательно, что Анания Ширакаци представил, в основном, византийские и иранские денежно-весовые системы, которые имеют исключительно важное значение для изучения древней метрологии.

Если византийская система известна, и Анания Ширакаци уточняет и подтверждает отдельные единицы этой системы, то денежно-весовая система Сасанидского Ирана дошла до наших дней только благодаря его трудам. Эти денежно-весовые системы довольно долго параллельно использовались в средневековой Армении.

Меры объема

Если в разделе мер веса Анания Ширакаци в основном

самостоятелен, то, представляя раздел мер объема, он в некоторой степени следует Епифану Кипрокому. Единицы мер объема, приведенные в тексте Анания Ширакаци "о мерах, мере и эталонных тарах" заключается в следующем:

Ксест (xestes) (александрійський, італіанський ???, понтіійський) = 2 літра = 0,640 кг = 0,711 літр (масла)

Ксест (названий кастресіос) (kastrêsios) = 2 унції = 0,5874 кг = 0,783 літр (зерно)

Ксест (нікомедійський) = 20 унцій = 0,534 літр (вино),

Ксест (влінінський) = 3 літра??? = 960 г = 1,066 літр (масло)

Котіла (kotyle), трівліон (tryblion),

парасідос (paropsis) = 1/2 ксеста = 0,200 кг =

0,267 літр

Біссіон (bission), біссін (bissin) =

1/2 літра = 0,160 кг = 0,177 літр (масло)

Пемєня (?) (pedeys), педєвє (?) (pedevs) = 1/6 ксеста =

66,7 г = 0,0888 літр

Кампсак (kampsakês), сруак (srwak) = 4 ксеста =

1,602 кг = 2,136 літр

Хуса (chous) = 6 ксестов = 1/2 арду = 2,403 кг =

3,204 літр

Кабос (kabos), евіма (?) (evima) = 1/2 модіа =

11 ксестов = 4,40 кг = 5,874 літр.

Мод (modios) (священний) = 22 ксестам = 8,8 кг = 11,748

літр.

Грив (gruv), сакітар (?) = 22 ксеста = 1 модіа

(священний) = 8,8 кг = 11,748 літр.

Мар (mares), сатон (элл.) (satons) = 50 ксестам =

26,6 літр

Арду (ardu), артабос (artabos) = 72 ксестам = 28,8 =

38,448 літр.

Кор (koros) (аллінінський) = 880 ксестов = 40 модов =

469,92 літр = 352 кг.

Изучение текста показывает, что вес, соответствующий ксесту Анания Ширакаци определяли, используя римско-византийский литр и унцию.

В разделе о ксестах он дал основной эталон ксеста-единицы, которая в разных странах имела разное значение. Однако Анания Ширакаци не говорит, какой из них имел применение в Армении, или же который из них он использовал при определении других единиц мер объема. То же самое наблюдается у

Епифана Кипрского.

Сравнительное изучение текстов Епифана Кипрского и Анания Ширакаци дает возможность установить размер основной единицы ксеста. Для выявления идентичности приводимых или единиц и определения величины ксеста, ниже приводится таблица, основанная на этих сведениях обоих авторов.

Епифан Кипрский				Анания Ширакаци			
Артаба	}	I		Арду	}	I	
Метретес				Артабос			
Хус	I2	I		Хус	I2	I	
Ксест	72	6	I	Ксест	72	6	I
Котила	}	I44		Котила	}	I44	
Триблион				Тривоблон			
Паропсис				Парапсидос			

Очевидно, что оба автора пользовались одной метрической системой. Эта система соответствует так называемой греческой или аттической системе, которая в эпоху Птолемея использовалась также и в Египте.

Те части аттической или птолемеявской систем³¹, соответствие которой находим в вышеприведенных трудах, имеют следующий вид:

Аттическая система				Птолемеявская система			
Метрет	I			Артаб-метрет	I		
Хус	I2	I		Хус	I2	I	
Ксест	72	6	I	Хин (ксест)	72	6	I
Котила	I44	I2	2 I	Котила	I44	I2	2 I

Здесь также очевидна эквивалентность единиц, существующая между ними и приведенными выше таблицами Епифана Кипрского и Анания Ширакаци.

Определение метрического эквивалента вышеприведенных единиц исследователями проводилось на основе данных, сообщаемых достоверными источниками. Так, среднее значение единицы метрет (амфора) по Т.Гульчу - 39,39 л, по Ф.Петри - 41,3 л, по М.Данг - 39,312 л, по Г.Ниссену - 39,3 л³³, а по нашим расчетам вычисления объемов около 10 греческих амфор - метрет с использованием материалов, приведенных в работе М.Данг, получается - 38,8 ± 1,6.

Как известно, размер единицы котила равнялся 60 драх-

мам (каждая - 4,5 г), откуда, величина метрет = 38,88 л. Известно, что египетская единица артаба-метрет = 4,5 римского модия (каждый - 20 римских фунтов). Кроме этого, римский модий был равнозначен аттической единице (6,4 кг; 6,48 кг; 8,64 л; 8,53 л.), откуда величина артаба получается равной 28,8 - 29,2 кг и 38,4 - 39,3 л.

Так как установлены значения единиц артаба и метрета, которые у Епифана Кипрского и Анания Ширакаци равнялись 72 ксестам, то величина ксеста, согласно первому, будет = 0,540, а согласно второму 0,534 литра и, соответственно, 0,405 - 0,400 кг. Поэтому можно утверждать, что официальный римский ксест, который использовался на Востоке, имел вес - 15 унций и объем 20 унций (соотношение веса и объема было 3:4).

Работа Анания Ширакаци "О мерах" и свидетельства Есаи Ничеци (XIV в.) дают возможность восстановить используемые в Армении систему единиц мер для масла: Кайт (կայր) = 4 сапора (սափոր) = 10 сруак (սրուակ) = 40 ксестов (խօստ) = 120 шин (շիշ) = 240 пемения или падевс = 60 литр (лагарикон) = 19,2 кг = 21,33 литра.

Точное определение размера кайта имеется в задачнике Анания Ширакаци, где он пишет: "Была у меня житница, в которой было двести "кайт"-ов ячменя, мыши забрались туда и съели весь ячмень, я поймал одну из мышей и подверг ее наказанию: она призналась и сказала: "Мне досталось восемьдесят зерен. Итак, узнай, сколько всего было в житнице зерен, а также, сколько было мышей, которые их съели".

В решении этой задачи сказано, что в житнице было 82944000 зерен ячменя. Таким образом, емкость "кайт"-а получается $82\ 944\ 000 : 200 = 414\ 720$ ячменных зерен, или же, как правильно вычислено Г.Тер-Мкртчяном - 60 литров (лагарикон) или римских фунтов. И действительно, как отмечает Я.Манандян, в трактате Анания Ширакаци "О мере, мерах и эталонных тарах" указано, что литр вмещал 6912 ячменных зерен, следовательно, $414\ 720$ ячменных зерен составляли $414\ 720 : 6912 = 60$ литров или же $320 \times 60 = 19,2$ кг, то есть кайт весил 60 литров³⁴ или 19,2 кг. Какова его вместимость? Так как весовое соотношение воды и масла (растительного) 10:9, то емкость "кайт"-а равна 19,2. $10:9 = 21,33$ литра масла.

Кайт соответствует римской единице артаба (масла) и содержит 2,5 византийских морских мер масла. Примечательно, что кайт составлял 30 александрийских ксестов.

Есаи Ничеци отмечал, что 10 ксестов равны одному сапору. Масло, сдаваемое священникам в качестве десятины, составляло 1 ксест и соответствовало 1/10 части сапора — паса. Тот же источник дает сведения и о ксестах, считая, что александрийский ксест = 3 литрам, итальянский ксест = 20 унциям = 40 статаграм.³⁵

Как было отмечено выше в Армении использовался так называемый итальянский ксест, который приводит также Есаи Ничеци, то сапор = пасу = $0,534 \cdot 10 = 5,34$ литра. Кстати, сапор — мера масла, а пас — название аналогичной меры вина. По свидетельству Есаи Ничеци, население сдавало священникам десятину масла из расчета 1/10 часть сапора, т.е. один ксест (0,534 литра). Это свидетельство уникально для истории средневековой Армении, так как реально отмечены как величина единицы масла, так и размер десятины.

О единице сруак Анания Ширакаци приводит следующее свидетельство: "Мера в четыре ксеста называется кампсак, которую армяне именуют сруак. Кампсак = сруак = $0,534 \cdot 4 = 2,136$ литра. Необходимо отметить, что кампсак — сруак был идентичен римской единице *kresin* и 1/4 византийской морской мере, которая называлась тетартхон.

Выше были исследованы сведения о ксесте, здесь следует только отметить, что кайт равен 40-а ксестам.

О единице шиш армянские источники дают следующие сведения:

"Бисион — круглый стеклянный сосуд, емкостью пол-литра, называемый армянами шиш"³⁶.

"Шиш масла, который в Евангелие называется бесин — это круглый стеклянный сосуд и содержит пол литра"³⁷.

Шиш равноценный *bission*, *bission-y* равен $320:2 = 160$ г и $160 \times 10:9 = 0,177$ л.

Единицы мер пемения и педевс составляли 1/6 часть ксеста. Синонимы этих единиц в других языках не известны, но ясно, что одна из этих единиц — мера масла, а другая — мера вина. Соответственно, пемения и педевс, как показывают вычисления, имеют следующий объем: $0,534 : 6 = 0,0888$ литра.

Таким образом, система мер масла в средневековой Армении была следующей:

Кайт	I		
Сапор	4	I	
Сруак	10	2 1/2	I

Ксест	40	10	4	I	
Шиш	120	30	12	3	I
Пемения или педевс	240	60	24	6	2 I

Хлебные меры византийско-сасанидской эпохи подробно изучил Я. Манандян.³⁸

У Епифана Кипрского и Анания Ширакаци, как было сказано выше, основной единицей измерения жидких и сыпучих тел служил ксест весом в 15 унций и объемом в 20 унций.

При определении размеров более крупных хлебных мер, как отмечает Я. Манандян, исследователь сталкивается с большими трудностями.

Исходя из свидетельства Епифана Кипрского и Анания Ширакаци и других источников, выясняется наличие на Ближнем Востоке трех различных модиев и двух артаб, которые, как заметил Я. Манандян, были основными хлебными мерами византийско-сасанидской эпохи.

Италийско-римский модий, соответствовавший аттическому *hekateus*, распространенному повсюду на Востоке и сохранившемуся здесь в качестве римской официальной меры, был равен 20 римским фунтам³⁹. Об этой единице армянские первоисточники не дают никаких сведений, но так как двойной италийско-римский модий или *modius castrgensis* (=40 римским фунтам), именуемый византийцами морским модием, применялся также в Армении то можно предположить, что величина модия равная половине последней также были в употреблении.

По Шильбаху, морской модий равнялся 40 логариконам = $17,084$ литра⁴⁰ = $12,800$ кг.

Распространение в Армении двойного модия подтверждается также и весом найденной в Ани гири (каменной), который составлял 12,8 кг или 40 литров — логариконов = $17,066$ литров.

Что же касается модия священного, то он равнялся 22 ксестам = $18,8$ кг = $11,736$ литра. Этот священный модий по Анания Ширакаци равнялся гриву. Он был идентичен также модию, используемому в Византии и именуемому аноникос.

Италийско-римская артаба = 3 италийско-римским модиям = 1 1/2 модиям, называемым *castrgensis*. Эта артаба называлась в Армении "кайт"-ом и равнялась 60-и литрам = $19,2 \times 4:3 = 25,6$ л. Артаба же ближневосточно-римская или египетская = $4 \cdot 1/2$ италийско-римским модиям. Эта артаба, по свидетельствам Епифана Кипрского и Анания Ширакаци равнялась 72-м

кседам = $0,534 \cdot 72 = 38,4$ литра или $0,400 \cdot 72 = 28,8$ кг.

Другие величины единиц мер объемов приведены в вышеприведенной таблице Анания Ширакаци.

Изучение первоисточников показывает, что в средневековой Армении имели распространение три различных по размеру, но имеющих одинаковое название единиц — "капич" (կապիչ). Есаи Ничеци свидетельствует о том, что один из 10 гривен называется капич, т.е. один грив = 10 капичам, так как, по Анания Ширакаци, грив равняется 8,8 кг и 11,736 литров, то один капич равен 0,880 кг и 1,1736 литров. Этот капич, хотя и имел распространение в V веке, однако является более древнего происхождения и равнозначен древнеперсидскому *karētis*, который по Ф.Гульчу равен 1,137 литра.⁴⁰

По другим, более поздним свидетельствам, грив считался равным капичу, соответствующий кафизу эпохи арабского владычества и использовавшемуся в Араджане и Мараге. Он равнялся 10-и манам. По Хинцу, он равнялся 8,125 кг или 10,5 литров⁴¹. Наконец, в "Географии" Анания Ширакаци приводится свидетельство об одном самом большом по объему, капиче. Согласно этому свидетельству, шесть кайтов равны одному капичу. Так как точно установлена величина кайта, то 1 капич равен $19,2 \times 6 = 115,2$ кг и 153,6 литра. Этот капич, вероятно, составлял груз одного мула и два капича составляют один большой византийский модий, а три таких капича составляют единицу "кор" (կոր), упомянутой Ананием Ширакаци.

Меры и веса, применявшиеся в раннефеодальной Армении, будучи во многом заимствованными из античной эпохи, подвергались некоторым видоизменениям, сохранили свои значения в той или иной степени также и в последующие эпохи, в основном, проявляясь в народных мерах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АРХИТЕКТУРА

1. Гражданская архитектура.

Раннесредневековая архитектура Армении складывалась в сложных условиях. Буферное положение страны диктовало государству и отдельным владетельным князьям необходимость быть наготове ко всяким случайностям, всемерно укреплять города, строить замки и другие оборонительные сооружения. Замки как хорошо защищенные резиденции, были нужны феодалам также и в связи со взаимоотношениями внутри страны.

Введение новой религии — христианства — поставило перед строителями новые задачи, связанные с сооружением церквей. Армянские зодчие блестяще справились с этими задачами и в IV-V вв разработали разнообразные типы церковных зданий, которые послужили основой для всего дальнейшего развития христианской культовой архитектуры в Армении.

Раскопки, произведенные в древних городах и селениях, открыли также развалины просторных палат, построенных представителями светской и церковной власти. Эти, правда, еще немногочисленные памятники дают представление о характере монументальной гражданской архитектуры рассматриваемого времени.

Феодалы строили себе замки, используя естественную защиту, как это было сделано, например, в гарнийской крепости. Они обычно выбирали либо скалистый мыс при слиянии рек, либо неприступный утес, соединенный с основным массивом гор узкой полоской земли, где строителям не было надобности возводить сплошное кольцо укреплений, а можно было ограничиться только стенами на уязвимых перешейках, да в разрывах скал. Владетельные князья иногда строились высоко в горах, куда неприятелю было труднее добраться. Кроме того, они прекрасно понимали, что в стране, где орошение определяет благосостояние земледельца и садовода, выгодно держать в руках истоки ороси-

тельных систем. Так поступили, например строители замка в Амберде^{х)} на южном склоне Арагаца, вершина которого была охвачена кольцом плотин, удерживавших воду в водохранилищах после таяния снегов.

На утесе между горными речками Амбердом и Архашяном около VI века н.э. был построен многоэтажный замок-дворец Амберд за которым на скалистом мысу при слиянии рек было расположено небольшое селение, где обитала замковая челядь.

Первоначально дворец представлял вытянутое поперек водораздела здание, внешняя сторона которого была укреплена башнями. Внутри здание делилось продольной стеной на две половины: одна, примыкавшая к стене с башнями, служила коридором, а в другой, как показали раскопки, в двух нижних этажах было по пяти помещений, расположенных в ряд; вероятно, такой же план имел и верхний ныне разрушенный этаж. Перекрытия были деревянные, о чем свидетельствуют гнезда в стенах для балок и найденные при раскопках остатки самих балок. Катастрофа, постигшая в XIII веке дворец, сопровождалась пожаром. Со стороны селения в здание вела дверь, надежно запиравшаяся каменной плитой, которую можно было вращать в каменных же подпятниках. Толстые брусья удерживали плиту при натиске непрошенных гостей: от них же защищали обитателей дворца решетки из железных прутьев, вставленные в окна. С нападающими расправлялись через прорезанные в толще стены над входом бойницы, осыпая их градом стрел и каменных ядер, обливая кипящим варом.

Знатный гость поднимался по широкой каменной лестнице в парадные покои верхних этажей; здесь среди узорчатых тканей и ковров, прикрывавших по издавна заведенному обычаю стены и пол, он мог отдохнуть после утомительного подъема к замку, любуясь через широкие окна седым красавцем Масисом /Арагатом/; здесь он мог освежиться студеной водой, которую из далеких родников в расположенную в нижнем этаже сводчатую цистерну приносили водопровод, мастерски сооруженный из глиняных труб. Когда же в небе загорались первые звезды, колеблющееся пламя бронзовых светильников пререзало сумрак покоев; из фигурных курильниц струились ароматы смол, в драгоценные кубки и рас-

писные фаянсовые чаши лилось янтарное вино, привезенное из аштаракских и вагаршапатских садов.

Поселение сначала занимало часть мыса, прилегающую ко дворцу; оно было ограждено каменными стенами с полукруглыми башнями-контрфорсами и воротами под дворцом со стороны Амбердской реки. Можно полагать, что обитатели замка имели здесь церковь, развалины которой пока скрыты под землей¹.

Ознакомление с конструкцией амбердского потайного хода, ведущего к реке, показывает, что в описании потайных устройств Ервандшата Мовсесом Хоренаци, нет ничего фантастического.

Дворец и древние стены первоначального поселения с воротами под дворцом на склоне, обращенном к Амбердской реке, возведены значительно ранее и, конечно, не во времена владычества арабов. Они могли быть построены скорее всего в VI в. при Камсараках, что находит подтверждение и в характере кладки из более крупных камней.

Архитектура замка-дворца проста, сурова и подчинена основному требованию — надежно обеспечивать безопасность владельца, его семьи и челяди. При разработке плана строителя здесь был ограничен контуром наружных стен здания, продиктованным как рельефом местности, так и необходимостью максимально сократить протяжение оборонительной линии. Крупные каменные блоки, из которых сложена облицовка стен, должны были принимать на себя удары вражеских метательных снарядов, стенобитных орудий, а потому и не нуждались в чистой теске. Украшений никаких нет, — только красочные пятна фаянсовых тарелок, вделанных в кладку под зубцами башен, своим блеском притягивали, по поверию, дурной глаз...

Развалины одного из крупнейших городов древней Армении — Двина, бывшего некоторое время столицей страны, находятся в югу от Еревана около современного районного центра Арташата.

Раскопки показали², что заселение центрального двинского холма началось в конце третьего тысячелетия до н.э. В античную эпоху здесь была крепость, за стенами которой при Аршакидах в начале IV в. уже существовало городское поселение. В тридцатых годах этого столетия царь Хосров II Короткий (330—338) перенес сюда столицу из расположенного по соседству Арташата, жители которого стали выселяться из-за заболачивания его окрестностей, вызванного изменением русла реки Аракс. Во второй половине V в. Двин уже большой город, играющий первостепенную роль в политической, экономической и культурной жизни страны.

х) В тексте автора Амберд. В армянских и грузинских средневековых источниках это название упоминается в форме Амберд (ред.).

ны. В V-VII веках Двин был широко известен своим ремесленным производством, значительная часть продукции которого шла на внешний рынок. В оживленной торговле наряду с армянами принимали участие и купцы других национальностей (сирийцы, персы, евреи). Торговый люд был настолько многочисленен, что обитал не только в городе, но и в окрестных селениях.

Равнинное положение города, позволявшее жителям селиться во всех направлениях от цитадели, определяет своеобразие его планировки, сходной с планировкой среднеазиатского феодального города. В центре, расположенном между нынешними селениями Арташатам и Топрах-кала, возвышается холм, который в свое время был занят цитаделью с дворцовыми постройками, образованной двумя линиями стен, от которых на поверхности не сохранилось ничего, кроме едва заметных валов на месте внешних укреплений. Раскопки на вершине холма, расположенного в центре города, открыли остатки дворцовых зданий, находившиеся под землей на разных уровнях. По определению К.Кафадаряна, они были возведены в разное время на протяжении V-IX вв.

С севера к цитадели примыкал небольшой квартал неправильной треугольной формы, защищенный высокими, толстыми стенами с башнями в углах, выложенными из сырцового кирпича, которые оплыли от времени и обратились в бесформенные валы. Первоначально здесь могли быть размещены правительственные учреждения; впоследствии с утратой Двином его административного значения этот квартал, вероятно, богатые горожане заняли под жилые постройки, о чем свидетельствуют остатки дома XII-XIII вв. вскрытые раскопками на северном склоне главного холма.

К западу от цитадели расположен второй холм меньшей высоты, отделенный от нее широким ровом. Возможно, что он тоже был укреплен, так как со стороны рва при раскопках обнаружены остатки каменного сооружения, более всего похожего на основание ворот, которые могли быть построены и просто в конце улицы между домами. Здесь в наиболее возвышенной части, где проводились основные археологические работы, были открыты развалины больших монументальных построек, относящихся ко времени пребывания в Двине главы армянской церкви - католикоса. К западу от предполагаемых ворот стояла большая трехнефная базилика, сооруженная вскоре после введения христианства в Армению. В VII в. она была разобрана и на ее месте сооружен большой купольный собор св. Григория. С севера рядом с собором открыты

богатые палаты, как предполагают, католикоса, а к востоку от них более ранняя однонефная бескупольная церковь. Ремесленники, торговцы и прочий городской люд заселяли обширную территорию, охватывающую центр и тоже огражденную стенами. Остатки их можно видеть к югу и западу от центра города в садах Арташата и на землях Айгестана - селений, обосновавшихся на месте древнего города.

На протяжении почти тысячелетней жизни Двина его укрепления, наверное, не раз обновлялись и усиливались. Положение и конфигурация центральных кварталов, а, следовательно, и ограждавших их стен при этом вряд ли менялись, так как они были связаны с холмом, на котором стояла цитадель, и заключали в себе главные здания города. Изменения могли происходить на окраинах города в зависимости от колебаний в численности населения. Так как в стенах Двина нигде не обнаружено признаков правильной кладки из камня, приходится прийти к выводу, что с самого начала (IV в.) они были кирпичные, как и большинство построек города. Только городские ворота, судя по развалинам у собора, и ряд выдающихся зданий доарабского времени были возведены из камня. Позднее камень был совершенно вытеснен кирпичом.

Около Двина имелась загородная царская усадьба с дворцом в дубовом лесу, называемом Хосровакерт. Этот лесопарк был искусственно насажден в долине гарнийской реки Азат по приказу царя Хосрова II. В огражденный в лесу загон как в Ервандакерт, были пущены дикие животные и звери для царской охоты. Возможно, что остатки этого дворца (Тикнуни - так называет его Фавстос Бузанд), погребенные под развалинами более поздних построек, находятся на одиноком утесе, возвышающемся примерно в 3 км к северо-востоку от главного двинского холма.

Мастера, строившие дворцы в Двине, Аруче и Валаршапате, открытые раскопками, были в более выгодном положении, чем амбердский архитектор. Эти сооружения не служили оборонным целям, и они могли свободно разрабатывать свои композиции, сообщаясь с установившимися традициями.

В центральной части Двина рядом с собором Григория (VII в.), строительство которого в непосредственной близости от крепостного холма вызвало в свое время беспокойство персидского начальника крепости³, стояло большое здание, где, возможно, были размещены покои главы армянской церкви - католикоса (патриарха). Сейчас это здание совершенно разрушено: от стен остались только

фундаменты да кое-где нижний ряд облицовки, от колонн — несколько баз, наполовину скрытых под более поздним кирпичным полом, и одиноко лежащая огромная капитель, украшенная с одной стороны резьбой. Посредине ее, как бы вырастая из ствола колонны, поднимаются два пальмовых листа; по бокам два таких же листа свернуты в кольца и образуют своеобразные плоские волюты; а бока в виде широкой полки украшены двумя рядами арок с трилистниками между ними, опирающихся на гуртик, идущий посредине. Этот узор встречается также на оконных архивольтях ряда церквей VI-VII вв. (Джрвеж, Таргманчап-ванк в Айгешате, Сисиан).

Дворец представляет почти квадратное здание, расположенное почти параллельно собору. Две внутренние стены, идущие с запада на восток, делят его на три основные части. Каждая из боковых частей заключала по пяти комнат, расположенных в ряд. В средней части дворца, судя по уцелевшим на месте базам, стояли два ряда колонн, по четыре в каждом ряду. Высота колонн не может быть установлена, так как от них не сохранилось даже отдельных камней.

По-видимому, дворец состоял из двух одинаковых пятикомнатных зданий с крытыми галереями, стоявших друг против друга по сторонам продолговатого двора. Галереи по концам могли быть соединены крытыми переходами. Кровли галерей поддерживались колоннами, на капители которых вдоль двора были уложены деревянные бруссы; в них можно было врубить стропила, опиравшиеся другим концом на стены. О том, что пролеты между колоннами имели плоское деревянное, а не арочное перекрытие, свидетельствует как форма капителей, так и неглубокий желоб в верхней их плоскости, предназначенный для укладки балок. При наличии двора, помещения освещались через окна, открывавшиеся в галереи, защищавшие обитателей дворца от горячих лучей яркого южного солнца...

Историк католикос Иоанн Драсханакертци сообщает, что князь Григорий Мамиконян построил в Аруче дворец на краю скалистого ущелья к югу от сооруженной им же большой церкви⁴. Еще до раскопок здесь привлекала внимание заложенная в современную ограду огромная каменная капитель колонны, сходная по форме с капителью из Двина: только на ней вместо "волют" из пальмовых листьев вырезаны шестилепестные розетки, а на абак-ланцетки. По поводу этой капители мною в книге "Архитектура древней Армении" было высказано предположение, что она происходит из колоннады дворца Григория Мамиконяна, сходного с двинским. Дей-

ствительно, раскопки, произведенные в Аруче в 1951-1952 гг., открыли на месте, указанном историком, в нескольких десятках метров к югу и юго-востоку от церкви два больших светских здания и часовню⁵.

Одно из этих зданий очень сходно с дворцом в Двине не только по плану, но и по размерам центральной части (кроме длины). Оно расположено параллельно церкви в 15,82 м от южной ее стены. Центральная часть здания, как и в Двине, представляет прямоугольник, в котором на расстоянии 1,90 м (до центров) от продольных стен обнаружены по три базы стоявших здесь некогда колонн. Ширина этого прямоугольника — 11,35 м (в Двине — 11,40 м), длина его, ввиду разрушения в этом месте восточной стены здания не известна, но может быть предположительно восстановлена по остаткам восточных стен боковых помещений, что не противоречит и расположению колонн. В этом случае только число их будет на одну пару меньше, чем в Двине (там их четыре пары).

Вероятно, что центральная часть не выступала из линии восточных стен и по сравнению с двинской постройкой была короче. По сторонам ее, как в Двине, были расположены в один ряд комнаты, число которых из-за разрушений не известно; глубина их была примерно на 3 метра меньше, чем в Двине. С северной стороны обнаружены остатки открытой галереи, кровлю которой поддерживали колонны; в западной части галереи прослеживается угол, это позволяет думать, что она имела продолжение вдоль западной стены здания.

Особо примечательна находка еще одной капители от колонны. Если ранее известная капитель была сходна с двинской по общим формам, то новая повторяет и "пальмовый" сюжет, также только на одной, лицевой стороне. Два пальмовых листа, свернутых в кольца, образуют массивные волюты; между ними над колонной вырастают такие же листья, разделенные (в отличие от Двина) процветшим крестом. На абак вырезана волнистая виноградная лоза с листьями и гроздьями в характерной для VII в. четкой декоративной трактовке. Такое изображение виноградного мотива встречается на ряде церковных построек этого времени, включая и арчускую церковь.

Результаты раскопок в Аруче позволяют с еще большей вероятностью считать, что дворец в Двине построен в VII в. одновременно с большим собором св. Григория, стоявшим рядом с ним, и мог принадлежать либо католикосу, либо Смбату Багратуни...

Уроженец армянской области Тайк католикос Нерсес III Строитель, получивший образование в Византии, возглавлял сколачивавшуюся на сторону Византии часть армянской феодальной знати. Из политических соображений он первоначально втайне готовил воссоединение армянской церкви со "вселенской" (принявшей постановления Халкидонского собора). Предвидя, однако, что его намерения встретят в Двине сильное сопротивление со стороны влиятельных противников византийской ориентации и халкидонитства, Нерсес, заняв патриарший престол, приступил к созданию нового религиозного центра в Валааршапате около почитаемых древних святых.

Новая резиденция католикоса коренным образом отличалась от городских зданий. Это — обширное поместье духовного феодала с вновь насажденными на каменистом месте садами, орошаемыми проведенной из реки водой, постройки которого представляют комплекс залов, жилых и подсобных помещений, обнесенный вместе с новым храмом стеной.

Дворец Нерсеса состоял из двух крыльев, расположенных под прямым углом к западу и к югу от построенного им храма Звартноца. Западное крыло заключало в себе два больших зала, из которых один разделялся колоннадами на три нефа, а также жилые и службы. В южном крыле, отделенном от западного коридором, были расположены в три ряда комнаты с примыкавшей к ним в восточной части баней, сходной по системе обогрева с гарнийской. Со стороны, обращенной к храму, это крыло имело длинную открытую галерею, столбы которой были соединены между собой и с северной стеной этой части дворца арками, поддерживавшими кровлю; основанием для такого предположения служит крестообразная форма сечения столбов, обычная для опор арочных конструкций. Внутри зданий при таких столбах арки расходились во все четыре стороны. В галерее вагаршапатского дворца от наружных пилястр столбов аркам некуда было идти и поэтому следует предположить, что эти пилястры поддерживали вторые фасадные арки, как показано на схематической реконструкции юго-западной части здания, обращенной к храму⁷. Внутренние арки были переброшены от столбов к стене, где их должны были поддерживать кронштейны, так как здесь пилястр не имелось. Разрушенные ныне своды могли быть и цилиндрическими и крестовыми. Последние довольно часто встречаются в церквях VII в. Значит, применение их в вагаршапатском дворце было вполне возможно и не противоречило существовавшей в то время строи-

тельной практике. В реконструкции отдано предпочтение крестовому своду, который позволял сократить высоту кладки над фасадной аркадой галереи, чего нельзя было сделать при цилиндрическом своде, пята которого должна располагаться выше арок. Да и сама форма крестового свода была более нарядной для парадной стороны дворца.

Небольшие размеры помещений южного крыла дают основание думать, что они имели деревянные перекрытия, позволяющие устроить верхний свет в среднем ряду комнат, не имевших наружных стен. Деревянный потолок, несомненно, имел и трехнефный зал, так как, судя по размерам сохранившихся баз, колонны весьма небольшого диаметра могли быть только деревянными. Что касается ряда проемов, выходящих в коридор между южным и западным крылом здания, то здесь форма и размеры сечения столбов свидетельствуют о былом существовании аркатуры, что и понятно, так как над ней располагалась стена, поддерживавшая балки зала и перекрытие коридора, которое могло быть сводчатим. Подобную композицию зала, вероятно, подсказали зодчему формы народного жилья, а не примеры из церковной архитектуры, где к этому времени была вполне разработана трехнефная сводчатая церковь-зала с каменными столбами Т-образного сечения. Второй зал западного крыла дворца, как видно из плана⁸, был перекрыт циркульным сводом, который покоился на арках, перекинутых между массивными пристенными пилонами. Свод, судя по наличию пилястр на пилонах, должен был иметь подпругные арки. Сводчатое перекрытие глубоких прямоугольных ниш, образованных пилонами, могло быть простым цилиндрическим или иметь вид конхи с переходом к ней от прямоугольника через систему тромпов. Так сделано в боковых крыльях армянской церкви VII в. в Лмбате, а раньше — в персидских дворцах Сасанидов и в одной из церквей Курдистана (Керкук). Следует отметить большое преимущество применения здесь конх, так как они лучшим образом связывают отдельные элементы интерьера в единый объем.

Композиция сводчатой залы с пристенными пилонами и куполом в центральной части уже в VII в. была разработана в церковном зодчестве (Птгни). Этот тип "купольной залы", начиная с X в., получил самое широкое распространение в стране.

В юго-восточном углу южной части палат сохранилась абсида небольшой церкви, которая стояла здесь еще до сооружения дворца и вошла в состав его помещений.

2. ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА.

Проникновение христианства в Армению в основном шло с юга, из Сирии. Первые переводы богослужебных книг были сделаны с сирийского текста, что нашло отражение и в вещественных памятниках, как это можно видеть на каменном барельефе в нише южной стены ангийской дворцовой церкви, где в полном соответствии с сирийской версией библии изображена сцена жертвоприношения Авраама.⁹

В IV в. христианство стало государственной религией в Армении и архитекторам пришлось заняться строительством церквей. Хотя на первых порах шло повсеместное разрушение языческих святилищ, некоторые из них, уцелев, могли быть приспособлены для христианского богослужения. Но, конечно, такое решение могло носить только временный характер, и довольно скоро начали появляться специально построенные здания.

Как в Сирии, так и в Армении в раннехристианскую эпоху разрабатываются сходные архитектурные формы. Так, в скромной полуподземной усыпальнице IV в., сохранившейся до наших дней в Ахце на южном склоне Арагаца, о которой упоминает Мовсес Хоренаци, есть много общего с подобными усыпальницами, например, в Миджлеа (IV в. н.э.). Как и там, усыпальница в Ахце представляет в плане крест (но с абсидой), в боковых крыльях которого было устроено подобие саркофагов, украшенных на лицевой стороне барельефами; для спуска ко входу в скале пробит дромос.

Нет оснований и необходимости отрицать сходство некоторых ранних христианских памятников Армении с сирийскими образцами (в основном во внешнем убранстве), так как это сходство отнюдь не умаляет ни их художественных достоинств, ни выдающихся дарований армянских мастеров, и объясняется, конечно, не низким уровнем строительного искусства и архитектурной мысли, а новизной архитектурной темы.

Первые церкви, судя по сохранившимся памятникам, представляли из себя продолговатую залу с деревянным перекрытием, заканчивавшуюся в восточной части алтарной абсидой. Абсида чаще всего бывает скрыта в прямоугольнике стен, но встречаются и постройки, в которых она выступает наружу из восточной стены, имея граненое очертание. В некоторых из этих однефных церквей стены внутри разбиты на части простыми прямоугольными пиластрами, что указывает на то, что деревянное перекры-

тие в них было заменено сводчатым на подпружных арках (Егвард, Ширванджух Гарни и др.). В дальнейшем размеры таких построек уменьшаются, помещение для молящихся по форме приближается к квадрату, и однефная церковь перерождается в небольшую сводчатую часовню с двускатной кровлей, сооружение которой становится под силу рядовому жертвователю. Подобные миниатюрные постройки различного художественного достоинства, относящиеся к разным периодам истории армянского зодчества, можно встретить повсюду - в городах и селениях, на кладбищах, на уединенных утесах и холмах.

В Аравусе Сисианского района сохранился в развалинах прекрасный образец однефной церкви без купола, построенной в V-VI вв., когда эта церковь, по свидетельству историка Стефана Орбелиана, была главной во владениях Сюнийских князей. В пользу такой датировки памятника, известного под древним названием Танаат-ванка, наряду с указанием историка, говорят и особенности самой постройки. Не выступающая наружу алтарная абсида имеет подковообразную арку, украшенную зубцами; вдоль южной стены шла открытая галерея на колоннах, что также характерно для ранних церквей.

Примером однефной церкви с выступающей пятигранной снаружи, полукруглой внутри алтарной абсидой может служить раскопанная мною в 1958 году церковь на кладбище в селении Джрвеж. Это - небольшая прямоугольная постройка, размером внутри (без абсиды) - 8,40 x 4,08 м, с очень толстыми стенами (1,17 м), от которых сохранился внутри только один ряд облицовки из больших хорошо отесанных плит, имеющих высоту 70 - 75 см. Снаружи стены опоясаны поясом из трех массивных ступеней, общая высота которых примерно равна высоте первого ряда внутренней облицовки, благодаря чему следующие (не сохранившиеся) ряды облицовочных камней внутри и снаружи находились на одном уровне. Из деталей архитектурной отделки сохранились три камня карниза с крупными зубцами, в том числе один угловой, и каменный брус из обрамления двери с валиком на углу и прямоугольной пиластрой, поддерживавшей декоративную арку над дверным проемом. Все отмеченные особенности позволяют отнести этот ценный памятник к раннему периоду церковного строительства в Армении, вернее всего к V веку.

Наряду с церквями в виде удлиненных зал вскоре после утверждения христианства появляются более крупные церковные сооружения - трехнефные базилики.

Из дошедших до нас наиболее древних представителей этого типа прежде всего следует отметить замечательную базилику в Еревуке, стоящую ныне в развалинах.

Эта постройка, возведенная на мощном основании из шести ступеней, представляла хорошо освещенную просторную залу, разделенную на три нефа двумя рядами столбов Т-образного сечения. Средний неф почти три раза шире боковых и, судя по уцелевшему углу в средней части западной стены, до разрушения возвышался над их кровлями. Продольные стены этого нефа были возведены на арках, переброшенных между столбами. В них, вероятно, были окна, освещавшие среднюю часть базилики. Главный неф заканчивался в восточной части алтарной абсидой, помещенной между двумя сводчатыми приделами, сильно выступающими на северном и южном фасадах. В западной части базилики этим выступам отвечают две пристройки, имевшие, вероятно, в свое время вид двухэтажных башен, как это можно наблюдать в сирийских памятниках (Калб Лузе, Турманин и др.), с которыми еревуцкая базилика имеет известное сходство. Центральное помещение было окружено с трех сторон портиками, заключенными между башнями и восточными выступами. На плане¹⁰, составленном Т.Тораманяном, показаны арки, которыми колонны портиков соединялись между собой и с пилястрами стен; существование фасадных арок не вызывает сомнений, так как остатки одной сохранились и в восточном конце южного портика, около абсиды, которой он (как и северный) здесь заканчивается; что же касается поперечных арок, то едва ли они вообще были, так как не только не видно никаких следов сопряжения их со стенами, но над самими пилястрами проходит сплошной пояс, украшенный сухариками. Стропила односкатных черепичных кровель боковых галерей опирались, вероятно, одним концом на стены здания выше этого пояса, а другим — на стенки над фасадными арками. Стропила кровли западного портика могли быть уложены одним (верхним) концом на пилястры. Позднее здесь возвели новый портик, остатки свода которого видны и сейчас; при этой перестройке был уничтожен фронтон западного входа. Портики базилики, построенной в V в., предназначались для тех, кто готовился к переходу в христианство и не мог быть еще допущен в храм; об этом убедительно свидетельствует купель (бассейн для крещения), помещенная в абсиде южной галереи.

Вопрос о виде перекрытия еревуцской базилики не может считаться окончательно решенным. И.Стрижковский полагает, что она была сводчатая с неполными полуцилиндрами над боковыми нефами, так как иначе одна из пята оказалась бы ниже замка про-

должных арок между столбами. Такую реконструкцию он основывает на одном камне в северо-восточном углу северного нефа¹¹, и поэтому к ней надлежит отнестись с большой осторожностью, тем более, что можно привести доводы в пользу деревянного перекрытия. Решающее значение при выяснении вида перекрытий в Еревуке должны иметь характерные особенности самого памятника, отличающие его от трехнефных базилических церквей Армении, безусловно имевших своды (Касах, Аштарах и др.). В этих сооружениях строители, прекрасно понимавшие необходимость погашения распора большого свода среднего нефа, не вознесли его высоко над боковыми, а поместили под общей двускатной кровлей, создав устойчивую конструктивную систему, в которой было достигнуто необходимое равновесие между действовавшими в ней внутренними силами. В Еревуке в случае покрытия среднего нефа сводом его основание должно было располагаться выше окон; при этом средняя часть базилики была бы непомерно вытянута по высоте, а весь распор свода приходился на свободно стоящие продольные стены, ослабленные оконными проемами. При деревянном перекрытии стропила могли быть расположены на любой высоте над окнами среднего нефа в соответствии с художественными замыслами выдающегося мастера, создавшего замечательный памятник армянской архитектуры. Какое же назначение могли иметь пилястры Т-образных столбов и наружных стен внутри боковых нефов при отсутствии сводов? Ответ дает сравнение еревуцской базилики с теми сирийскими памятниками, в которых не было сводов. Эти пилястры показывают, что поперек здания во всех трех нефах были переброшены арки; на них так же, как и в сирийских постройках, (например, в Рувеа), могли быть возведены поперечные стены, заканчивающиеся щипцами в средней части и полуцилиндрами по бокам, которые вместе со стропилами поддерживали обрешетку черепичной кровли. И, наконец, в Еревуке могла найти применение комбинированная система перекрытий: в среднем нефу — дерево, в боковых — неполные полуциркулярные своды с подпружными арками.

Архитектурный наряд здания скромный: вокруг окон с циркульным верхом идут тиги, отгибающиеся в стороны у основания проема, в которых можно усмотреть первоисточник классического армянского оконного архивольты — "бровки", ставшего к VI веку излюбленным завершением окон в армянском зодчестве.

Собор в Текоре, которому посвятил обстоятельное исследование Т.Тораманян¹², в нынешнем виде купольное здание, был

уже в глубокой древности перестроен из трехнефной базилики, сходной с ереруйской. Об этом свидетельствуют особенности его плана и отделки. Так, по сторонам алтарной абсиды, noticeably выступающей тремя гранями на восточном фасаде, помещены два продолговатых (с севера на юг) придела. Они образуют на северной и южной сторонах здания два выступа, от которых начинались не существующие ныне открытые галереи, охватывавшие его с трех сторон, на что указывают размеры верхней площадки многоступенчатого основания. Форма и расположение приделов, открытые галереи, в одной из которых имеется не — большая абсида, мощное основание сближают Текор с Ереруйком и позволяют исследователям без боязни впасть в ошибку, считать, что здесь первоначально стояла базилика, сооруженная примерно в то же время, что и в Ереруйке. Такой датировке не противоречит и остролистый растительный орнамент в убранстве дверей текорского собора, разработанном и выполненном с большим мастерством. Оформление дверей состоит из двух приземистых пилястр, лицевые стороны которых имеют по две колонны, объединенные массивными капителями, поддерживающими широкую декоративную арку. Кружевной узор из поставленных в ряд пальмет покрывает поверхность капителей. Эта композиция пользуется большой популярностью среди советских архитекторов Армении, и ее можно видеть на многочисленных зданиях Еревана и других центров республики. Искусная резьба украшает также широкий наличник, окаймляющий дверной проем.

Текорская базилика на своем веку претерпела много всяких трансформаций; самой коренной перестройкой, совершенно изменившей ее внешний и внутренний вид, было сооружение купола на четырехгранном снаружи "барабане". Для этого пришлось сломать столбы, разделявшие внутреннее пространство базилики на три нефа, и заменить их четырьмя пилонами. Между ними были переброшены арки, образовавшие подкупольный квадрат. Переход к восьмиграннику, служившему основанием для завершавшей всю систему полусферы, был достигнут внутри "барабана" с помощью четырех наклонных трапеций в углах. Центральная часть собора была пересечена поперечным нефом — трансептом, который в сочетании с главным продольным нефом образовывал крестообразный верх здания.

В связи с развернувшимся церковным строительством армянским зодчим пришлось решать сложные архитектурные задачи, совершенствуя строительные приемы, выработанные на протяжении

веков сообразно с местными условиями. В стране, изобилующей прекрасным строительным камнем, издавна славящейся искусными каменщиками, зодчие, естественно, должны были обратиться к сводчатым конструкциям, в отличие от деревянных, более отвечающим монументальному характеру возводимых построек. И, действительно, в пятом, а может быть, уже и в четвертом веке, появляются трехнефные бескупольные церкви, покрытые сводами под общей двускатной кровлей. Так создается новый вид базилической церкви, называемый иногда "зальным типом".

Церковь в Касахе — одна из первых сводчатых базилик, подробно обследована и обмерена А. Саиняном.¹³ Это — прямоугольное в плане здание, внутренние размеры которого составляют отношение 1:2. Оно разделено тремя парами столбов Т-образного сечения на три нефа. Расположение столбов примерно такое же, как в Ереруйке, что позволяет отнести памятник по плану к названной первой группе. В продольных стенах столбам отвечают пилястры, на которые опирались подпружные арки боковых сводов. Форма столбов свидетельствует о том, что такие же арки были и в своде главного нефа. Сохранившиеся продольные арки между столбами и подпружные арки сводов имеют ясно выраженное подковообразное очертание, как и план абсиды, выступающей наружу пятью гранями. Все три свода скрыты под общей двускатной кровлей, образовавшей в свое время на западной и восточной стенах фронтоны. Такая форма завершения стен встречается только в самых ранних церквях и в дальнейшем (к VII веку) повсеместно вытесняется шпцом.

А. Саинян на основании изучения на месте отдельных частей здания считает, что современный вид его складывался постепенно. Первоначальную, простую по своему плану постройку он относит к четвертому веку, допуская возможность и более ранней дохристианской датировки, когда могла служить языческим храмом. Затем в V веке были пристроены, по его мнению, абсида, комната и галерея с северной стороны и портики у входов. К этому же времени А. Саинян относит и появление больших окон с подковообразным верхом в абсиде и на торцовых фасадах. В архитектурном убранстве видны также черты, характерные для раннехристианских памятников. Оформление окон занимает по своему виду промежуточное положение между наличником с отогнутым у основания окна концами и бровкой, концы которой отгибаются в стороны сразу же после дуги, окаймляющей верх окна. В Касахе архивольт опускается до середины прямоугольной

части окна, где к нему впритык примыкают горизонтальные части обрамления. Такой, надо сказать, недоработанный вид отделки показывает, что мастер искал, но не нашел еще новой формы, которая на век позднее прочно вошла в творческий обиход армянских зодчих. Дверные проемы, по реконструкции А. Саиняна, были помещены в портиках на двух парах колонн с перекинутой между ними подковообразной аркой, врезающейся в фронтон. Проемы перекрыты архитравными брусками с рельефами на лицевой стороне. Карниз стен и входных портиков — зубчатый.

Касахская базилика (разрушенная ныне в верхней части), безусловно, является одним из первых, если не первым трехнефным церковным зданием без наружного возвышения среднего нефа.

Раскопки в Касахе, как и в других местах, не дали вещественных доказательств, подтверждающих былое существование прямоугольного языческого алтаря.

Церковь в Аштараке в своей основе по общему решению и пропорциями интерьера весьма сходна с Касахской базиликой. Существенное различие видно только в положении алтарной абсиды: Здесь она не выступает на восточном фасаде, а скрыта в прямоугольнике стен между двумя небольшими приделами. Это новое по сравнению с Касахом, Еревуком и Текором решение алтарной части позволяет считать, что аштаракская базилика была построена несколько позднее, вероятно, в первой половине VI века.

Базилика в Двине, как отмечено, была снесена в VI в. в связи с постройкой на ее месте собора св. Григория. Обнаруженные при раскопках собора остатки древних кладок позволяют более или менее верно восстановить ее план. Она была сильно вытянута с запада на восток и имела выступающую тремя гранями алтарную абсиду, заключенную между двумя приделами, по форме и расположению сходными с приделами в Еревуке и Текоре. Выступы приделов и остатки наружных кладок около стен собора вполне обосновывают предположение о существовании открытых галерей, охватывавших здание с трех сторон. Двинская базилика, несомненно была трехнефной. Удлиненная форма трехнефного зала от рассмотренных уже трехнефных бескупольных церквей иближает ее с некоторыми вытянутыми с запада на восток однефными церквями, как, например, в Двине или в соседнем Гарни. Возвышался ли средний неф над кровлями боковых, трудно сказать утвердительно. Неизвестен также и вид перекрытия. Время ее сооружения может быть отнесено к IV—V вв., но утверждение, что

первоначально она была языческим храмом, не может считаться обоснованным.

Базилика в Егварде разделена на три нефа четырьмя парами столбов, поставленных чаще, чем в Касахе и Аштараке. Средний неф почти в три раза шире боковых и заканчивается в восточной части глубокой бемой и алтарной абсидой, которая выступала пятью гранями наружу. Ныне она без особой надобности уничтожена при проведении новой улицы. Боковые нефы в восточной части также заканчиваются абсидами, которые скрыты в углах здания. Весь верх базилики больше чем наполовину разрушен, и поэтому нельзя сказать, каковы были перекрытие, кровля, карнизы и обрамления окон. Частично сохранились лишь отделка одной из южных дверей и идущая в одну строку по южной стене надпись, большие красивые буквы которой по начертанию сходны с буквами надписи VI—VII вв. в Аване. Две сильно выступающие по бокам двери пилястры с простыми капителями, через которые также проходит надпись, несут широкую арку, украшенную тягами, зубчиками и бусинами. На архитраве над проемом помещена резная круглая розетка. Дата церкви точно не известна, но должна быть помещена в последней четверти VI в., так как в однострочной надписи упоминается как основатель католикос Мовсес II (574—604).

Армянские зодчие не останавливаются на результатах, достигнутых при переработке базилики в трехнефную сводчатую церковь. Они блестяще разрешают и задачу сооружения церковного здания, увенчанного куполом.

Едва ли купольная форма постройки была выработана только в связи с церковным строительством, есть все основания полагать, что техника возведения куполов была хорошо знакома армянским архитекторам значительно раньше. То обстоятельство, что в Армении пока не обнаружено купольных зданий, построенных до V в. не может служить доказательством незнакомства архитекторов с куполом в дохристианское время и в первые века христианства. Ведь уже в Еревуке видим превосходную конху большого диаметра над алтарной абсидой, свидетельствующую, что мастер, конечно, справился бы с сооружением купола.

Что касается самой идеи завершения здания куполом, то едва ли была нужда завозить ее откуда-нибудь из-за рубежа — от персов или римлян. Ведь у себя в родной стране, в каждой деревушке армянские зодчие видели на домах столь напоминающую

купол "шатровую" деревянную кровлю, поддерживаемую столбами.

Развитие купольных церковных сооружений в Армении пошло по двум самостоятельным направлениям. С одной стороны, зодчие венчают куполом базиличные здания, с другой — разрабатывают различные типы центрально-купольных церквей, основой которых является квадратное помещение, завершенное куполом. Первыми базиличными и зальными сооружениями, на которых появился купол, пока можно считать перестроенный собор в Текоре и малую церковь в Артике.

Сопоставляя сведения древних историков о первых церквях Армении, и, в частности, об Эчмиадзине, с наличными остатками церковных построек первых веков христианства, вероятнее всего предположить, что до последней четверти V в. собор был обобщен для того времени базиликой с деревянной кровлей и только при правителе марзпанской Армении, "танутере и марзпане" Ваане Мамиконяне собор был капитально перестроен и получил один, а может быть, и пять куполов.

В связи с работами по устройству в соборе нового алтаря потребовалась разборка существовавшего возвышения, что дало возможность произвести здесь раскопки. Одновременно А. Саинян, руководивший этими работами, обследовал основания стен и подкупольных пилонов. Под полом алтаря были обнаружены остатки небольшой абсиды, а под базами нынешних пилонов — базы пилонов более древней постройки, которая, по мнению А. Саиняна, представляла трехнефную сводчатую базилику, построенную в первые годы христианства в Армении. Базилика эта стояла до 80 г. V в., т.е. вплоть до того, как была разрушена до основания Вааном Мамиконяном, предпринявшим на ее месте сооружение существующего ныне собора.

Дошедшая до нас крестообразная композиция с четырьмя пилонами и выступающими наружу абсидами, как полагает А. Саинян, была создана уже при Ваане Мамиконяне.¹⁴ Ознакомление с остатками древних сооружений в соборе наводит нас на мысль, что первой христианской постройкой здесь была не трехнефная базилика, а однефная церковь, которой и принадлежала обнаруженная абсида.

Вопросу о происхождении и развитии центрических купольных композиций в Армении все исследователи уделяют большое внимание, считая, что основой их в церковном зодчестве является квадратный в плане объем, завершенный куполом. Однако до настоящего времени в Армении ни в светской архитектуре,

ни среди церквей раннего периода не было обнаружено купольных зданий этого простейшего типа и исследователям приходилось ограничиваться лишь предположениями.

Раскопки, произведенные нами в 1960–61 гг. в селении Вохджаберд, расположенном на горном шоссе в 17 км от Еревана, восполнили этот существенный пробел в истории средневекового армянского зодчества. Были найдены два тромпа из четырех, создавших в углах переход от квадрата к кругу купола. В отличие от зданий с восьмигранным барабаном, где размер тромпа должен быть равным стороне восьмиугольника, здесь тромпы меньше. Кроме того, лицевая поверхность камней, в которых они высечены, имеет циркулярное очертание. А это означает, что тромп (прямоугольный в плане) входил непосредственно в состав свода у его основания. Это для Армении первый случай купольной церкви без барабана, указывающий на очень раннюю дату (возможно, IV век.).

К сожалению, такие существенные детали как карниз и обрамления окон при раскопках не обнаружены. Восточная базилика в противоположность западной, где нефы разделялись рядами часто поставленных колонн, могла быть увенчана куполом без каких-либо органических изменений в конструкции. Если в западной базилике нельзя этого сделать без введения дополнительных опор, то в восточной было вполне достаточно, увеличив сечения столбов, расставить их с таким расчетом, чтобы средний неф оказался разбитым на квадраты. Подобную расстановку столбов можно видеть в церквях в Еревуке, Касахе, Аштараке, хотя они и не имеют еще купола. Армянские зодчие в полной мере учли это обстоятельство и создали в первой половине VI в. ряд превосходных купольных базилик.

Одним из характерных образцов этого типа является великолепный собор в Мрене, сооружение которого, согласно имеющейся на нем строительной надписи, закончил в 639 или 640 г. князь Давид Сааруни.¹⁵ Здесь вытянутый с запада на восток прямоугольный зал разделен на три нефа двумя парами стройных пилонов, по форме и расположению напоминающих скорее столбы базилики, чем опоры купольного здания. В этом нетрудно убедиться, сравнив их сечение с сечением столбов уже знакомых нам базилик; налицо — совершенно логичное развитие Т-образной формы. Средний неф значительно выше боковых; его продольные стены, возвышающиеся над односкатными кровлями боковых нефов, возведены на арках перекинутых от пилонов к

пилястрам западной и восточной стен зала. Все три нефа пересечены в среднем пролете (а не перед алтарем) трансептом такой же высоты, как и главный продольный неф; стены трансепта, в свою очередь, основаны на арках идущих от пилонов к пилястрам северной и южной стен. Средний продольный неф и трансепт, покрытые по полуциркульным сводам двускатными кровлями, образуют верхнюю крестообразную часть здания, вырастающую из основного прямоугольного массива, в центре которой высится барабан, покрытый куполом. Так в купольных базиликах V в. зарождается форма крестовокупольного храма, столь характерная в последующие века для церковного зодчества страны.

Арки между пилонами образуют подкупольный квадрат, в углах которого размещены трюмпы, служащие переходом к восьмигранному барабану, увенчанному полусферой, скрытой под пирамидальной кровлей. Угловые части храма перекрыты продольными цилиндрическими сводами, над которыми расположены односкатные кровли. Это показывает, что архитектор, проектируя свою постройку, взял за основу базилику, в которой в связи с купольным решением ему пришлось все нефы пересечь трансептом.

Бама, выступающая, пятигранная снаружи, абсида и два придела по бокам удлиняют здание в восточной части, вследствие чего с юга и с севера барабан кажется сдвинутым к западу.

Из описания Мренского собора видно, что зодчие первоначально ставили купол на базилику с таким расчетом, чтобы он находился в центре помещения для молящихся, основной объем которого имел подчеркнутую большей высотой крестообразную форму. Этого они достигли, сократив число столбов на одну (западную) пару. Г. Милле, давая описание византийских памятников, приводит примеры подобных церквей в Византии, которые по плану он называет "сложным крестом". У автора вопрос о возникновении подобного плана не освещен, но имеется указание, что такие же сооружения встречаются и в Армении. Он справедливо отмечает, что собор в Мрене и церковь Гаяне в Вагаршапате напоминают базилику, а также, что крестовокупольные церкви Армении представляют собой базилику с трансептом посередине¹⁶. Действительно, названные памятники, созданные значительно раньше подобных им византийских, убедительно свидетельствуют о том, что в Армении этот тип был разработан на основе базилики. Одно это обстоятельство уже показывает несостоятельность не так давно широко распространенного взгляда на армянское зодчество как на одну из ветвей византийского искусства.

В Армении процесс формирования крестовокупольного типа был завершен в то время, когда в Византии только начали создаваться первые известные нам церкви типа "сложного креста".

Кроме собора в Мрене, к числу выдающихся памятников этого типа должны быть отнесены церкви в Багаване, Одзуне и Вагаршапате (св. Гаяне).

Сооружение грандиозного храма в Багаване (близ Диадина) было закончено в 639 году¹⁷. По своим размерам (46x27м) он превосходит все наиболее крупные постройки первой половины V в. Сейчас он стоит без купола, убранство входов частью отсутствует, частью переделано; многочисленные широкие окна заложены, что придает фасадам несколько подслеповатый вид; и все же этот могучий памятник армянского зодчества производит исключительно сильное впечатление. Превосходно разработана восточная часть с тремя выступающими трехгранными абсидами, завершенными монументальным карнизом с крупными зубцами.

Точная дата сооружения церкви в Одзуне не известна. Характер архитектурных форм и убранства позволяет вполне уверенно отнести этот памятник к первой половине V в., а то и к более раннему времени. Здесь даже сохранена примечательная деталь, присущая древним армянским базиликам: вдоль южной и северной стен идут открытые галереи с приземистыми столбами, соединенными арками. В западном конце они упираются в глухую паперть с входом посередине, а в восточном — заканчиваются маленькими часовенками. Из элементов скромного убранства обращают на себя внимание играющий на солнце светом и тенью арочный карниз, барельефы по сторонам арок оконных проемов и наличник западной двери, украшенный резной, очень хорошо прорисованной выходящей виноградной лозой.

Церковь Гаяне в Вагаршапате, капитально перестроенная католиком Езром в 630 г., повторяет купольные базилики: купол находится в центре помещения для молящихся, алтарная часть с двумя приделами и снаружи имеет вид более низкой постройки, удлиняющей восточную половину здания. Однако сравнение пилонов Вагаршапатской церкви с мренскими показывает, что архитектор хотел подчеркнуть центричность своей постройки: здесь (как и в Багаване) профилированные стороны пилонов обращены не в средний неф, как в Мрене, а в подкупольную, просторную часть. Открытая паперть с западной стороны пристроена в 1683 г.

Главная абсида и абсиды приделов в церквях этой группы

иногда выступают гранями из основного массива здания (Мрен, Багаван), что можно объяснить их близостью к древним базиликам Армении, в которых, как уже видели, также встречаются выступающие абсиды.

В дальнейшем зодчие начинают ставить купол в центре всей постройки. Они достигают равновесия между западной и восточной половинами без изменения схемы купольной базилики тем, что приближают алтарную абсиду и расположенные по бокам приделы к восточной паре пилонов.

В V в. были построены соборные церкви в Двине и Талине, в которых зодчие развили тип купольной базилики, придав ей под шипцами южного и северного фасадов выступающие абсиды.

Двинский собор св. Григория, постройка которого была начата Смбатом Багратуни и закончена католикосом Комитасом в первой трети VI века¹⁶, разрушен до основания; но все же по остаткам, вскрытым раскопками, путем сопоставления их со сходными по плану, лучше сохранившимися развалинами в Талине можно составить представление в его виде. Свидетельство Себеоса, на котором мы основываем датировку двинского собора, не оставляет сомнений в том, что речь идет именно об этой постройке. Историк отмечает беспокойство персидского начальника двинской крепости по поводу того, "что (церковь) очень близка к крепости и представляет опасность со стороны врагов". Действительно, раскопанные развалины находятся у самого крепостного рва к западу от главного холма.

Судя по плану, собор представлял купольную базилику, с несколько удлиненной западной частью и гранеными снаружи абсидами, выступавшими на трех фасадах, кроме западного. Из-за разрушений и после раскопок остается нерешенным вопрос — существовали ли северная и южная абсиды с самого начала или были пристроены позднее. Основанием для этих сомнений являются остатки стены в северной абсиде внутри храма. От архитектурной отделки памятника ничего не сохранилось; можно лишь полагать, что найденная на кладбище соседнего селения Арташат левая половина большой плиты со сценой сбора винограда и крестом представляет часть архитрава, который в свое время перекрывал одну из дверей собора.

В Талине основной принцип композиции первых купольных базилик — постановка купола в центре помещения для молящихся — уже не соблюден. Подкупольная часть как бы придвинута к алтарю, а западная значительно удлинена. В результате, восточная

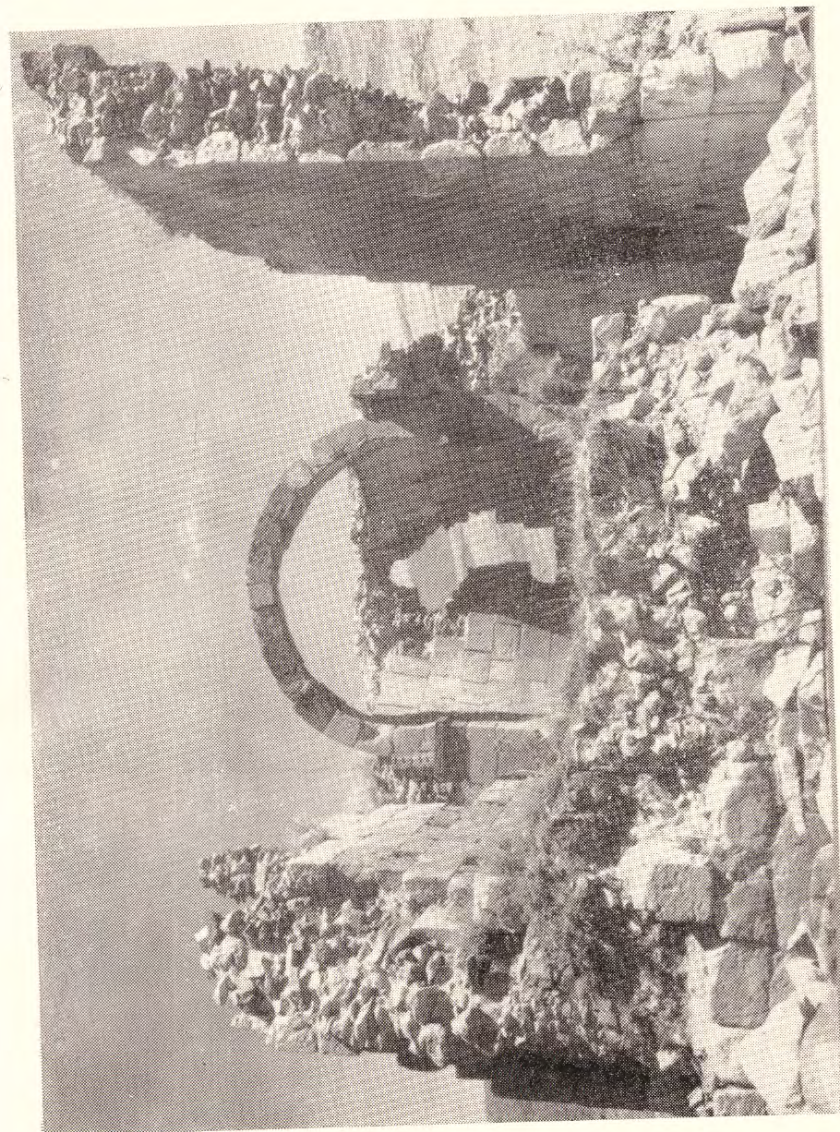

Рис. 1. Танаатская церковь. IV—V вв. Алтарная апсида.

Рис. 2. Еревуйская базилика, V в.

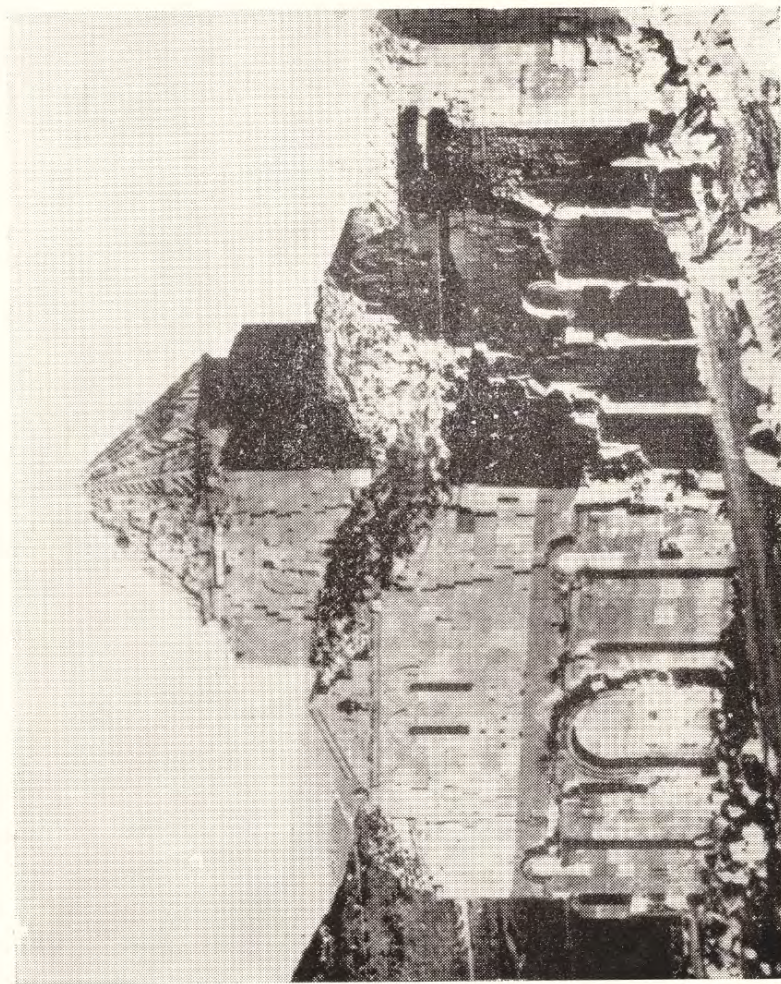

Рис. 3. Текори, V в.

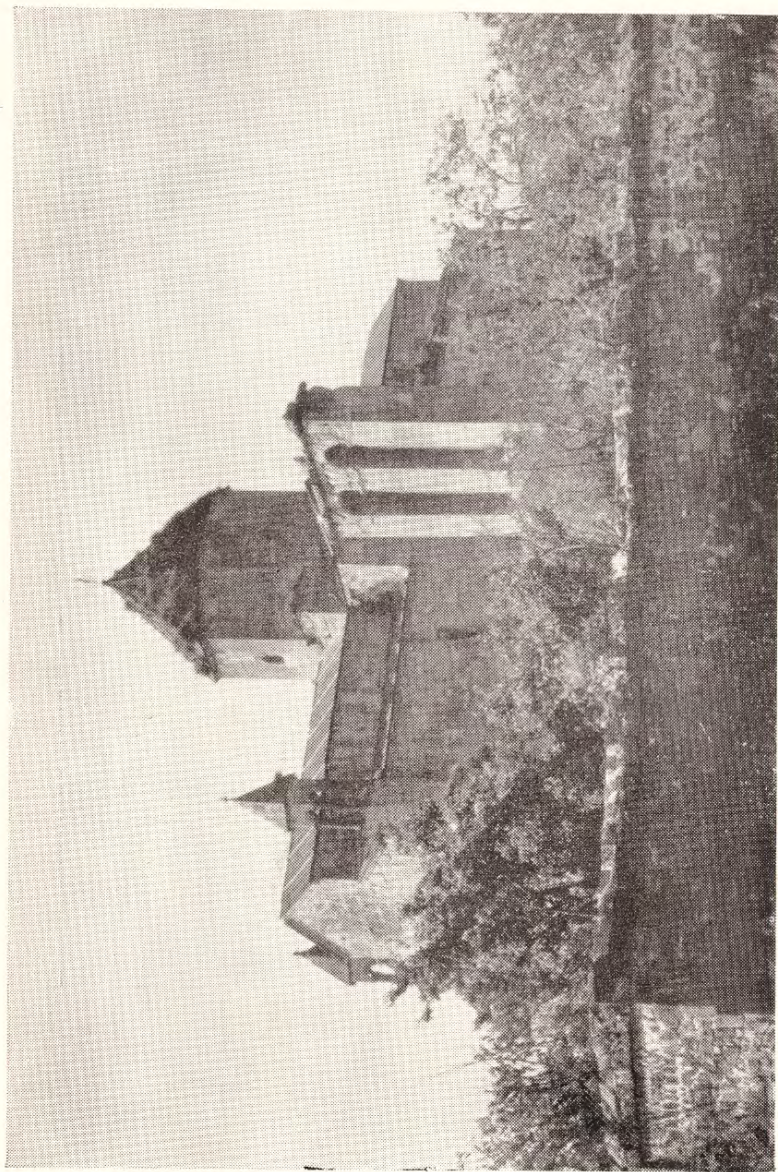

Рис. 4. Одзун. Храм VI столетия и стела V—VI вв.

Рис. 5. Птгнавәнк, начало VII в. Арка апсиды.

Рис. 6. Птгнаванк, начало VII в. Деталь северного пилона.

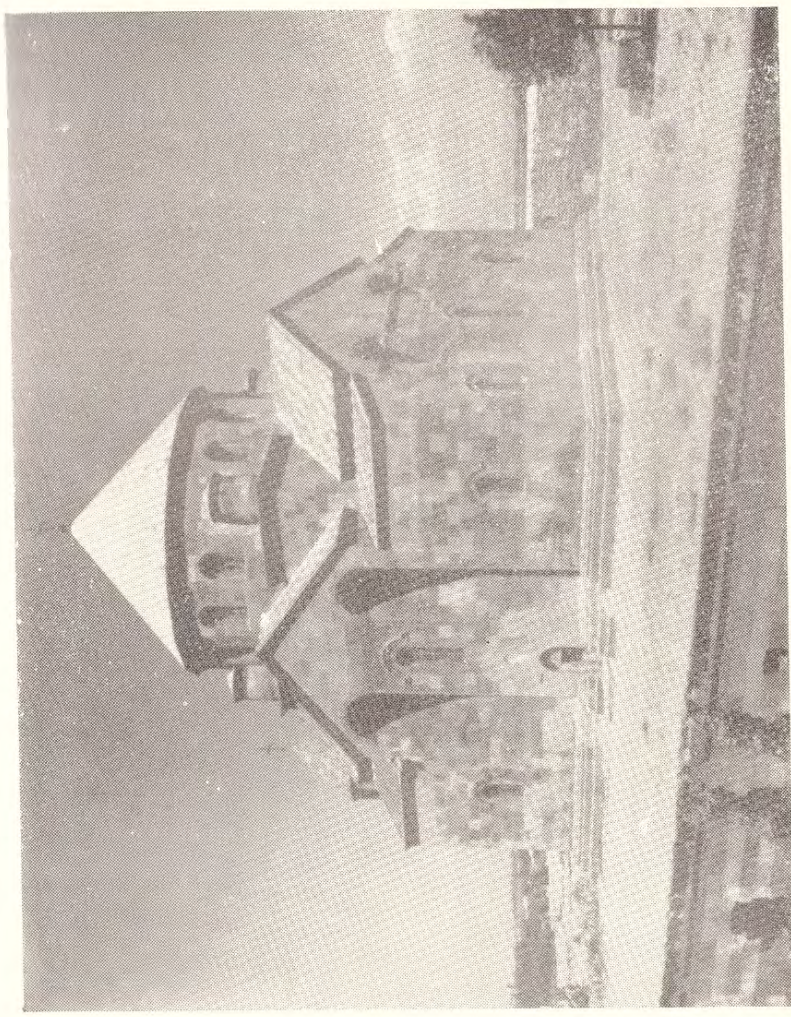

Рис. 7. Храм Рипсимэ в Вайотсдзоре (Эймядзин). Основан в 618 г.

Рис. 8. Церковь Кармравор в Аштараке, VII в.

половина здания, считая от оси купола, оказалась короче западной. Замена тропов сферическими парусами и соответственное увеличение числа граней барабана до двенадцати отличают также этот памятник от церковных построек первой половины V в. В наружном убранстве видно несомненное влияние Звартноца. Грани абсид и барабана в Талине отделаны полуколонками и арочками, украшенными на абсиде виноградной лозой, ветвями граната и корзиночным плетением. Карниз, как в Аруче, Артике и других памятниках второй половины V в., наклонный, с большим выносом, покрытый резьбой в виде плетеной корзинки. Подобный вид карниза, насколько пока известно, появился впервые на Звартноце и вызвал многочисленные подражания. Исключение представляет здесь карниз барабана, где сохранена древняя зубчатая форма, данная в своеобразной переработке. Система размещения больших окон такая же, как в церкви в Аруче, о которой будет сказано дальше; это наряду с приведенными особенностями свидетельствует об одновременности сооружения обоих памятников во второй половине V в. (аручская церковь твердо датирована строительной надписью и сообщениями историков). Сюжеты резьбы на бровках имеют многочисленные параллели на других постройках V в. Примечательно, что на одной из бровок вырезаны кессончики, заполненные розетками, как это сделано на верхней полке карниза в Звартноце.

Армянские зодчие умели мастерски возводить своды, перекрывающие большие пролеты, и поэтому могли обходиться без излишних промежуточных опор. Действительно, уже во второй половине V в. появляется совершенно новый тип однопролетной церкви, завершенной куполом, известный в научной литературе под названием "купольной залы". Первоначально купол ставился, вероятно, так же, как и в купольных базиликах, над серединой помещения для молящихся, вследствие чего восточная половина, заключающая алтарь и приделы, была длиннее западной, что можно видеть, например, в церкви Шогакат в Вагаршапате, постройке 1694 г., сохранившей, по нашему мнению, высказанному еще в 1923 г., план V в.

Наиболее ранним памятником того типа из числа известных в настоящее время можно считать полуразрушенную церковь в селении Птгни неподалеку от Еревана, счастливо избежавшую позднейших перестроек и переделок. Документальных данных о времени ее сооружения не имеется. Однако архитектурные формы, конструкция и характер убранства позволяют поместить ее дату в конце

VI в., поскольку, по древнему свидетельству, это селение в начале VII в. служило местопребыванием епископа.

Церковь представляла собой большую залу с двумя па-рами пилонов, сильно выступающих из толщи продольных стен, ярко освещенную многочисленными широкими окнами. Между пилонами были переброшены арки и своды (вдоль северной и южной стен), которые с тропями в углах образованного ими подку-польного квадрата служили основанием разрушенного ныне вось-мигранного барабана. От пилонов к широким пилястрам западной и восточной стен шли цилиндрические своды, на которых бы-ли возведены продольные стены верхней крестообразной в плане части постройки; стены такой же высоты были выложены и на пи-лонах, являясь их продолжением. Таким образом, верхняя часть здания с куполом в центре и в постройках этого типа получает крестообразную форму. Три крыла этого креста перекрывали по-луциркульные своды, а четвертое, восточное, заканчивалось конхой алтарной абсиды. Все своды верхней части были скрыты под двускатными кровлями. В углах над продольными стенами вместе с частями сводов кровли односкатные. Церковь сна-ружy имела вид, сходный с трехнефной купольной базиликой, и только широкий шпiнец да объемистый восьмигранный барабан указывали в свое время на отсутствие отдельно стоящих опор. В восточной части находится алтарная абсида с приделами по бо-кам; между ней и абсидами приделов помещены треугольные в плане ниши, покрытые коническими сводами (тропами), назна-чение которых, с одной стороны, облегчить в этих местах ка-менный массив, и с другой — осветить алтарь не только через одно центральное окно, но и через два боковых, открывающихся в эти ниши, как, например, сделано в церкви этого же типа в Аруче.

Во второй половине VII в. известный армянский государ-ственный деятель Григорий Мамиконян (ум. в 681 г.), постав-ленный арабами наместником страны, построил в своей резиденции в Аруче (ныне Талине) большой храм того же типа, что и в Птгни. Все древние авторы, упоминающие в своих сочинениях о сооружении этого выдающегося памятника (Гевонд, католикос Иоанн, Асолик, а за ними и Киракос Гандзакеци, Вардан, Мхитар Аириванеци), согласно называют строителем Григория Мамиконяна. На самом храме, снаружи, под центральным окном алтаря от име-ни его и супруги Елены вырезана строительная надпись с датой основания храма в 29 году царствования византийского импера-

тора Константа-Константина. Указание на этот год повело к целому ряду недоразумений и к сомнениям в подлинности надпи-си, так как по византийским источникам Константин царствовал всего 27 лет. Но это расхождение с надписью и свидетельства-ми древних армянских историков Мовсеса Каланкатваца и Вар-дана, согласно которым Константин царствовал 29 лет¹⁹, мешает лишь установить дату с точностью до года и совсем не дает оснований для сомнений в том, что строителем был Григорий Мамиконян.

При подходе к Талишу (Аручу) с юга, со стороны Коша, где тоже сохранились развалины крестообразной церкви VII в., с высот на расстоянии 3-4 км открывается панорама предгорья, на котором расположилось селение. Отсюда особенно хорошо вид-ны масштабы постройки Григория Мамиконяна. Она не имеет ни купола, ни барабана; на протяжении веков почти на два метра вросла в землю и все же господствует и над домами жителей и над кущами садов. Отсутствие купола не мешает оценить досто-инства композиции величественного интерьера с выступающими из стен пилонами и мощными сводами, ярко освещенного много-численными широкими окнами. Только в отделке некоторых дета-лей (капителей, внутренних карнизов) аручский мастер несколько уступает своему предшественнику из Птгни. Однако, взяв в Птгни идею протрапственного решения церковного здания, мастер не пошел по пути простого повторения; он внимательно присма-тривался к тому, что делалось в архитектуре в его дни, не бо-ялся заимствовать новинки. В это время был только что закон-чен или заканчивался Звартноц, произведший, надо полагать, сильнейшее впечатление на современников, так же как и в наши дни он даже в развалинах поражает всех, кто его осматривает. Несомненно, оказывается под влиянием Нерсесовой постройки и аручский архитектор. Он ставит барабан в своей постройке не на повсеместно распространенные до того тропы, а на паруса, которые, по нашему мнению, в развитой форме впервые в армян-ской архитектуре были применены в Звартноце. Даже в орнамен-тации бровок наряду с наиболее распространенными сюжетами пер-вой половины VII в. появляются ланцетки, разработанные так же (вплоть до профиля), как в Звартноце. Здесь они вырезаны на полосе, имеющей небольшую выпуклость, в то время как обычно на памятниках первой половины VII в. орнаментированная часть бров-ки бывает плоской. Привычный зубчатый или арочный карниз мас-тер заменяет карнизом, взятым также из Звартноца. Наконец,

разрушенный ныне барабан аручского храма был украшен полуколонками, соединенными между собой арочками; угловые камни барабана были обнаружены около северной стены здания.

Крестообразная форма церкви, вероятно, была известна армянским зодчим значительно раньше сооружения композиционно сложного памятника в Аване около Еревана, самого раннего из документально датированных. Об этом свидетельствует крестообразная усыпальница в Ахце. Мы пока достоверно не знаем древнейших представителей этого купольного типа и потому принуждены в качестве примеров приводить церкви, построенные не ранее VI-VII вв.

Основой архитектурной композиции в крестообразных купольных церквях является центральное, квадратное в плане пространство, увенчанное куполом. Около него располагаются четыре крыла, образующие крест, обычно несколько вытянутый с запада на восток. Крылья креста в большинстве случаев бывают попарно равны, но встречаются отдельные постройки с удлиненной западной частью (Джрвеж, Талин). Поперечные размеры крыльев в небольших церквях равны стороне подкупольного квадрата и потому они примыкают друг к другу, образуя внутренние углы, на которые опираются четыре арки, несущие вместе с tromпами (коническими парусами) восьмигранный барабан и купол. В тех случаях, когда углы отделяются в виде колонок, как в Аштараке и Агараке, или включают дополнительный прямоугольный профиль, как в Дмбате, Талине и др., арки, несущие барабан, делаются двойными. Внутренний контур крыльев бывает различный. В церквях в Дмбате около Артика, Коше, Кармравор в Аштараке, Саркиса в Бджни три крыла внутри прямоугольны в плане, а четвертое, восточное, включает в себе алтарную абсиду. В малой церкви в Талине, построенной князем Нерсехом Камсараканом, наоборот, прямоугольно лишь несколько вытянутое западное крыло, а в трех других скрыты абсиды. Такой же план имеет и раскопанная мною в 1957 г. церковь в Джрвеже, построенная на рубеже VI-VII вв., вероятно, католиком византийской части Армении — Иоанном. В Агараке (к западу от реки Ахурия), Парби на Арагаце, Ошакане все четыре крыла имеют форму абсид. Прямоугольные крылья покрывались цилиндрическим сводом, абсиды — конхой.

Интересное исключение представляет стройная церковка конца VI в. в Дмбате. Здесь южное и северное крылья несут не цилиндрические своды, а конхи, переход к которым получен с

помощью двух рядов тромпов.

Своеобразно разработана конструкция перехода к барабану в крохотной церковке св. Саркиса в Бджни. Здесь угловые грани барабана возведены тоже на арочках, перекинутых между арками крыльев креста, но под ними в углах помещены не полуконусы, а ложчатые сводики.

Особое место среди простых крестообразных церквей занимают церкви в Артике и Аламне.

Малая церковь в Артике, по мнению А. Еремян, построена в V в. и может считаться наряду с Текором одной из первых купольных церквей Армении. Основой ее является однонефная сводчатая зала с абсидой в восточной части. В продольных стенах перед алтарем расположено по проему с арочным перекрытием такого же пролета, что и сама зала. Арки этих проемов с триумфальной аркой абсиды и подпружной аркой свода зала образуют квадрат, переходящий через тромпы в восьмигранный, завершенный куполом. По сторонам подкупольной части расположены два прямоугольных помещения с абсидами, придающие церкви крестообразную форму. Снаружи в западных стенах этих боковых крыльев устроены полукруглые ниши — деталь, присущая наиболее ранним церквям и позволяющая полагать, что в западной части артикской церкви имелись открытые галереи.

Церковь св. Анании в Аламне построена согласно надписи в 637 г.²⁰ Так же как и в малой артикской церкви, за основу здесь взята однонефная сводчатая зала с выступающей пятигранной алтарной абсидой, перед которой и был поставлен купол; по бокам подкупольной части также выступает на фасадах по пятигранной абсиде, что придает плану вид креста с удлиненным западным рукавом. Абсиды ниже основного массива, и это обстоятельство позволяет считать, что зодчий при разработке своего проекта исходил не из крестообразной формы, где все крылья равноценны по объему, имеют одинаковую высоту и окаймлены карнизом на одном уровне, а предпочел решение, представляющее сочетание купольной залы с выступающими на фасадах абсидами меньшей высоты.

Иначе разрешен крестообразный план церквей VII в. в Мастаре, Артике, Воскепаре, Ариче и позднее, в X в. в Карсе. Они рассчитаны на большее количество людей и потому, за исключением построек в Воскепаре и Ариче, имеют большие размеры. Мастера здесь увеличили площадь центральной подкупольной части, стороны которой больше поперечника четырех абсид, образующих в

плане крест. Вследствие такого решения плана углы центральной части выступают на фасадах между абсидами, имеющими снаружи многогранную форму. Только в небольшой церкви в Воскепаре снаружи они прямоугольны, что придает ей некоторое сходство с рассмотренными нами памятниками в виде простого креста. В Артике северная абсида отличается от западной и южной своим полукруглым внешним очертанием и отсутствием убранства в виде полуколонн и арок. Такой вид она, вероятно, приобрела в результате древней реставрации. В Артике, как и в других церквях этого типа, основой барабана являются восемь арок, обрамляющих четыре конха абсид и четыре полуколонны над выступающими углами главного массива церкви. Отделка абсид полуколонками и орнаментированными арочками, а также звантопская форма карниза позволяют, без опасения впасть в ошибку, датировать арктический памятник второй половине VI в. Поэтому на схематической реконструкции показан двенадцатигранный барабан, украшенный полуколонками и арочками, как в Аруче и Талине. В Артике подъем центрального объема над абсидами особенно значителен и, когда здесь стоял нарядный барабан, здание имело устремленный вверх величественный вид.

Весьма своеобразна форма барабана церкви в Мастаре, восемь углов которого срезаны наподобие треугольных ниш. По нашему мнению, мастер применил такой прием не из-за декоративных соображений, а для того, чтобы сократить поперечник барабана с угла на угол и тем сгладить впечатление грузности.

В 20-х числах апреля 631 г.²¹ (как гласит строительная надпись) была закончена постройка собора в древнем Багаране на берегу реки Ахуран, в котором талантливым зодчим был избегнут основной недостаток Мастары — некоторая грузность центральной части.

Особое место по типу и формам занимает большая группа памятников, сооруженных в VI—VII вв. преимущественно в расположенных неподалеку друг от друга селениях нынешних Котайкского и Эчмиадзинского районов. В основе они также имеют купол на квадрате, у всех сторон размещены абсиды; но в противоположность постройкам в Мастаре и Артике, абсиды не выступают на фасадах, так как между ними во всех четырех углах устроены приделы и нижняя часть здания представляет прямоугольный массив, заключающий в себе все помещения. Кроме того, углы центрального квадрата внутри разработаны в виде характерных для этого типа трехчетвертных ниш с дверями, ведущими в приделы.

Древнейший из известных армянских памятников этого вида — церковь в Аване в 6 км от Еревана. Себеос сообщает, что церковь в Аване построил католикос византийской части Армении Иоанн, который, вернувшись из персидского плена, умер в Аване, где и был похоронен около 609 г.²²

Аванская церковь, как и другие постройки этого типа, имеет план в виде креста с четырьмя приделами в углах. Приделы круглые, покрытые соответственно сферическими сводами с гуртами. Такой вид приделов дал повод полагать, что аванская церковь имела пять глав (куполов)²³. Центральный барабан со сферическим покрытием был основан на арках абсид и ступенчатых арочках над угловыми трехчетвертными нишами.

Наружный контур церкви — прямоугольный, здесь еще нет ниш, прорезающих массы камня между абсидами и приделами, которые в последующих постройках этого типа делают фасады в соответствии с внутренним строением здания. Какой вид имела снаружи верхняя часть церкви — была ли она крестообразна, как в других постройках того же типа, сказать трудно. Судя по остаткам горизонтального карниза в средней части западного фасада, здесь мог быть в случае крестообразного верха не шпиль, а фронтон.

Лучше других сохранившаяся западная стена позволяет судить о том, какой вид имели фасады. Здесь нет лишнего. В середине западной стены — главный вход; так же как и в ереруйской базилике, по бокам проема стоят трехчетвертные колонны, несущие переброшенную между ними профилированную подковообразную арку, врезающуюся во фронтон. Дверь перекрыта громадным каменным брусом, над которым под аркой помещено полукруглое окно-люнет. Два широких окна с полукруглым верхом освещают расположенные в западных углах церкви приделы, на арке входа и бровках окон играют светом и тенью ряды сухариков. Свернутые в кольца листья заполняют резной наличник двери. На южном и северном фасадах было всего по одному окну (из абсид), а на восточном — три окна (из абсиды и приделов). Судя по сохранившейся на северной стороне бровке и найденным в земле фрагментам, убранство всех окон было одинаковым и весьма близким к ереруйской базилике, несмотря на то, что бровки здесь и не доходят до низа проема.

В 10/12 км к востоку от Авана, в Арамусе стоят развалины церкви, подобной аванской. Вся разница между ними заключается в том, что здесь приделы в плане не круглые, а прямо —

угольные. Так же как в Аване, в Арамусе еще нет наружных ниш между абсидами и приделами. Единственная сохранившаяся бровка на совершенно лишенной облицовки восточной стене несколько богаче аванских: сухарики на ней идут в два ряда один над другим в шахматном порядке.

Сходство в общей композиции и деталях отделки позволяет думать, что церковь в Арамусе могла быть построена одновременно с аванской. Правда, древние, но несовременные события, историки (Киракос Гандзакечи, Самвел Анеци) сообщают, что церковь и дом в этом селении были построены местным уроженцем и католикосом Давидом (728-741), но, как полагает И.А.Орбели глагол շինել употребляется в надписях не только в значении строить, сооружать, но и стращивать, возобновлять, вероятно, в случае больших починков и исправлений²⁴. А в таких, несомненно, должны были нуждаться постройки в стране, совсем еще недавно перенесшей бурю арабского вторжения.

В селении Айгешат близ Эчмиадзина стоят развалины церкви, известной под названием Таргманчац-ванка, которая сходна с только что отмеченным. Не отличаясь от них по своей схеме, в некоторых деталях она примыкает к памятникам, построенным на один-два десятка лет позднее. В ней уже имеются глубокие ниши, прорезающие каменные массивы между абсидами и прямоугольными угловыми приделами, которыми архитектор мастерски расчленил фасады в соответствии с внутренним строением.

С каким подлинно инженерным чутьем и знанием свойств камня и растворов нужно было сконструировать и возвести эту постройку, чтобы одинокая арка после разрушения почти всей системы продолжала нести возведенную на ней стену барабана. Этот осколок барабана и купола с гуртами, ныне уже не существующий, особенно ценен для исследователя тем, что позволяет реконструировать разрушенную купольную часть в ряде церквей этого типа.

Церковь Рипсиме в Валааршапате построена, по свидетельству Себеоса в 618 году католикосом Комитасом²⁵, имя которого, как строителя, упоминается и в двух надписях на ее стенах. По плану и общему решению церковь Рипсиме сходна с находящимся по соседству Таргманчац-ванком, построенным примерно в то же время, что позволило мне в книге "Архитектура древней Армении" высказать предположение о первоначальном виде купольной части памятника. Мы по-прежнему склонны видеть на церкви Рипсиме обычный для всех памятников рассматриваемого периода простой

восьмигранный стройных пропорций. Общее архитектурное решение вагаршапатской церкви такое же, как и в Таргманчац-ванке.

К рассмотренной группе тесно примыкает церковь в Гарнаовите (Адиамане) на Арагаце. Здесь основная архитектурная идея не была достаточно выяснена строителем, мастером средней руки, и в результате его постиг ряд неудач, усугубленных нагромождением ненужных деталей вроде ниш, не к месту размещенных в щипцах фасадов. Но основной недостаток выразился в неправильной разработке центральной части церкви под куполом. Здесь угловые трехчетвертные ниши отвернуты с диагонали в сторону, к югу и северу и потому выпали из центрального объема как его составная неотъемлемая часть, обратившись в проходы, ведущие в приделы. Поэтому арки их не входят, как обычно, в систему, несущую барабан с куполом, и архитектору пришлось прибегнуть к весьма искусственному решению перехода к барабану с помощью четырех самостоятельных тромпов в углах.

Церковь в Гарнаовите можно датировать второй половиной VII в., так как наряду с чертами, встречающимися в церковной архитектуре на протяжении всего VII в., здесь имеется деталь — колонки в основных нишах, появляющиеся лишь во второй половине века (собор в Талине, церковь Зоравор в Егварде). В это время тромпы уступают место сферическим парусам, но сохранение древней формы перехода к барабану в Гарнаовите может быть объяснено недостаточной опытностью местного мастера.

Церковь в Сисиане отличается от построек рассматриваемого типа формой и отделкой своего барабана. Он имеет двенадцать граней, украшенных парными полуколонками, соединенными сильно выступающими арочками, и завершен карнизом с сильным наклонным выносом. Такой же карниз окаймляет квадратное основание барабана и частично сохранился на неперестроенных частях основных стен. Как уже было показано, эти формы барабана и карниза появились только во второй половине VII в., к какому времени и должно быть отнесено окончание строительства сисианской церкви.

Церковная жизнь в Армении в VI-VII вв. характеризуется оживленной борьбой между двумя течениями в христианстве, восточным — монофизитством и западным — халкидонитством, борьбой, которая выходила далеко за пределы богословских споров, тесно переплетаясь с политикой. В это время на патриаршем престоле можно было встретить представителей обоих течений, за которыми стояли влиятельные группы нахараров различных

политических ориентаций. В непосредственной связи с этой борьбой находится появление в Армении необычного церковного сооружения, необычного по своим формам и смелого до дерзости по конструкции.

После неудачного для персов завершения длительной войны с Византией значительная часть персидской Армении оказалась в сфере византийского влияния. Византийцы, прекрасно оценивавшие по собственному опыту роль церкви в государственных делах, неоднократно предпринимали меры к тому, чтобы распространить свое влияние и на нее. Для этого лучше всего подходили сторонники халкидонитства в среде высшего армянского духовенства. В конце 630 г. или начале 631 г. патриарший престол занимает Езр-халкидонит; в 641 г. Езра сменяет знаменитый Нерсес III, прозванный Строителем.

По свидетельству своего современника, историка Себеоса, Нерсес был "родом из Тайка, из села под названием Ишханк. Он в молодости воспитывался в Греческой земле, изучил ромейский язык и словесность и, вступив на военное поприще, странствовал по разным странам в качестве воина"²⁶. Приняв монашество, он достигает епископского сана и занимает кафедру в родном селении Ишхане, где строит соборную церковь. Эти сведения черпаем из ряда древних источников, дополняющих без всяких противоречий друг друга. Степанос Таронечи (Асолик) называет армянского католикоса Нерсеса III Строителя (641 - 661) епископом тайкским²⁷. В полемическом трактате о вероисповедных спорах между армянской и грузинской церквями католикоса Арсена Сапарели (830-887) Нерсес назван Ишханели (т.е. епископом ишханским).²⁸ В произведении Георгия Мерчулы "Житие св. Григория-Хандзитийского", посвященном жизни и деятельности известного грузинского "подвижника" IX в., говорится, что Григорий, прибыв с учениками в окрестности Ишхана, узнал о былой его славе и находившихся в нем церквях и далее "Куропалат (Баграт) прибыл в Ишхан и с ним вместе блаженные мужи отец Григорий и отец Сава. Куропалат очень любил ту местность, но к чему затягивать речь? Божьей волею Сава сделался епископом в Ишхане, построенном блаженным католикосом Нерсесом, в соборной церкви и на кафедре его, которая многие годы была во вдовстве"²⁹. Ишханская постройка Нерсеса возведена до 641 г.

Имеются основания полагать, что уже в Ишхане были заложены основы новой архитектурной композиции, повторенной, а, может быть, и развитой на один-два десятка лет позднее в

Звартноце, честь создания которой принадлежит вдохновенным мастерам, работавшим у Нерсеса. Не исключена возможность, что он сам, зная строительное дело, внес творческий вклад в это замечательное произведение архитектуры. И не потому ли он вошел в историю под именем Строителя (зодчего).

Как уже сказано, в 641 г. Нерсес вступает на патриарший престол в Армении. По свидетельству Себеоса, он до поры до времени скрывал свои халкидонитские взгляды и только по прибытии к нему в Двин византийского императора Константа открыто о них объявил и стал весьма решительными мерами бороться в халкидонитство свою паству.

Нерсес перенес свою резиденцию из Двина в окрестности Вагаршапата, где построил дворец и храм, известный под названием Звартноца. Перенос был вызван, вероятно, отчасти тем обстоятельством, что в Двине имелась недовольная его отступничеством от монофизитства партия князей во главе с Теодоросом Рштуни. При этом временами положение для Нерсеса настолько осложнялось, что ему пришлось даже на шесть лет удалиться из Айрарата в свою вотчину Тайк³⁰, поручив наблюдение за строительством Звартноца своему будущему преемнику Анастасу.

Эти сооружения были раскопаны в самом начале настоящего столетия Хачиком Дадыном. Описание конструкций и размещение различных деталей храма даем на основании опубликованных исследований Т. Тораманяна³¹.

План центральной части Звартноца имеет внутри крестообразную форму. Четыре мощных пилон с трехчетвертными колоннами в углах в свое время вздымались на двадцатиметровую высоту. Между ними были переброшены арки, несшие вместе с парусами многогранный барабан и купол. Четыре абсиды, размещенные между пилонами, разработаны совсем не так, как это видим в других церквях V в. Там стены абсид глухие, здесь же они, как и в Ишхане, внизу прорезаны колоннадами. Массивные базы колонн просты по профилю; они сохранили наверху лунки для железных штырей, которыми скреплялись со стержнями колонн, и крестообразно расположенные бороздки для заливки этих штырей свинцом. Нижняя часть капители разработана в виде плетеной корзинки; над ней помещены волюты, между которыми вырезаны медальоны с ясно читающимися монограммами "Нерсес" и "католикос". Греческий прифт на монограммах, так же как и обнаруженная здесь греческая надпись, подтверждают правдивость сообщения Себеоса о грекофильстве Нерсеса. За пилонами против

ниш в их тыловой части стояли четыре одинокие колонны, увенчанные в свое время громадными капителями с изображением орлов с распростертыми крыльями. Эта форма капителей, вполне соответствующая основаниям, на которых и сейчас стоят базы этих колонн, а также листовидный орнамент, идущий вокруг всей капители, решительно отвергают предположение о том, что они завершали трехчетвертные колонны пилонов, расположенные под парусами. Между одиночными колоннами и серединами абсид с внешней их стороны были переброшены выгнутые в плане арки, непосредственно связанные со сводами, перекрывавшими пространство между пилонами и абсидами. Эти арки образовывали в плане полный круг и несли вместе со сводами кольцевидную стену второго (среднего) яруса. Это было самое уязвимое место смелой конструкции. Недаром в анийском храме Гагика I, построенном по образцу Звартноца, вскоре после окончания постройки пришлось возвести дополнительные кладки, заполнявшие проемы между средними колоннами абсид и вокруг одинокой колонны за юго-западным пилоном, а также усилить и сами арки. Здесь, наверное, и появились катастрофические деформации, приведшие оба памятника к гибели. За колоннами абсид шла двухэтажная галерея, ограниченная тридцатидвухгранной наружной стеной. Барабан венчала островерхая пирамида, а средний и нижний ярусы были покрыты односкатными кровлями. Таким образом, храм имел вид трехъярусной, многогранной снаружи башни, как показал на своей реконструкции Т.Тораманян.

В восточной части, за алтарем, сохранился подвал прямоугольной пристройки; под алтарем был также довольно глубокий подвал, куда вели узкие, крутые лестницы, помещенные около восточных пилонов. Снаружи стены первого яруса были декорированы парными полуколоннами на стыках граней, между которыми были переброшены декоративные арки, украшенные превосходно вырезанными в камне виноградными листьями и гроздьями. Между арками у них основания находились рельефные поясные изображения лиц монашеского чина с различными инструментами в руках; около одного из этих барельефов вырезана скромная армянская надпись, сохранившая нам имя (Иоанн) изображенного здесь человека. Обычно считают, что на барельефах изображены мастера-строители во главе с архитектором Иоанном; над ними между арками шел орнаментированный пояс из ветвей граната с плодами и виноградных лоз. Под арками было размещено тридцать два продолговатых окна нижней гале-

реи первого яруса, а выше гранатового пояса находилось столько же круглых окон верхней галереи этого яруса, имевших обрамление в виде венков из листьев и ланцеток. Карнизы с большим наклонным (около 45°) выносом украшали прямолинейная корзинчатая плетенка и розетки в кессончиках на верхней полке. В храм вели пять дверей с обрамлением в виде портиков, основанных на парных полуколонках по бокам проемов, между которыми были переброшены арки, врезавшиеся во фронтоны. При раскопках были обнаружены фрагменты мозаики, остатки росписи по штукатурке, прекрасная черепица. Все эти предметы в настоящее время хранятся в специально построенном при памятнике музее.

По своим формам Звартноц являет резкий контраст с расположенными поблизости памятниками Вагаршапата, что, несомненно, должно было производить (в полном соответствии с замыслом Нерсеса) большое впечатление на современников.

Реконструкция Звартноца, выполненная Т.Тораманяном, в отношении его внешнего вида была через несколько лет подтверждена откопанной в Ани моделью храма, построенного там Гагиком I по образцу Звартноца. Представляется недостаточно оправданным внутренним вид верхней галереи первого яруса, отрывающейся у Т.Тораманяна в абсиды семью проемами, разделенными колонками. Следует отметить, что среди большого количества извлеченных из земли частей внутренней отделки найдена всего лишь одна капитель, которая могла венчать одну из колонн верхней галереи, а по реконструкции Т.Тораманяна их было не менее восемнадцати (при отсутствии верхней колоннады в алтаре). Мы склонны принять решение, разработанное ишханским архитектором.

Вопрос о формах Звартноца нашел отражение в исследованиях ряда авторов. А.В.Кузнецов, высоко оценивая смелость и мастерство зодчего Звартноца, высказал мысль, что второй ярус храма и снаружи мог иметь вид четырехабсидного креста. Эта мысль нашла дальнейшее развитие в реконструкции С.Мнацаканяна, который одновременно реконструирует и храм Гагика I в Ани, но отлично от Звартноца³³, хотя точный в своих сообщениях Степанос Таронечи (Асолик) пишет, что анийский храм по желанию Гагика I должен был явиться повторением разрушенного Звартноца. Отмечая существование этих вариантов реконструкций обоих храмов, мы отдаем предпочтение реконструкциям Т.Тораманяна, которые не вступают в противоречие ни со свидетельством историка — современника строительства анийского памятника, ни с формами его модели.

Внимание исследователей привлекал вопрос о происхождении типа и архитектурных форм Звартноца. Поиски решения этого вопроса следовало бы начинать с соборной церкви в Ишхане. Но поскольку о сходстве ее с Звартноцем можно пока (до раскопок) высказывать лишь более или менее правдоподобные предположения, то приходится исходить из наличных материалов, которые дают развалины вагаршапатского храма. Вместо того, чтобы заняться изучением истории развития архитектурной мысли в самой Армении, еще совсем недавно все дело сводили к выяснению вопроса, под каким влиянием создавалась средневековая армянская архитектура. Не избег этой участи и Звартноц. Его обычно сопоставляли с византийскими памятниками и в первую очередь с церковью св. Виталия в Равенне. Так, например, Н. И. Брунов писал: "Восточная переработка композиции Виталия в Равенне дана в монументальном произведении армянской архитектуры — церкви Звартноц около Эчмиадзина".³⁴ Однако, если внимательно присмотреться к тому, что было построено в Армении незадолго до Звартноца,³⁵ то станет ясно, что армянским зодчим не было надобности заниматься сложной переработкой звездчатой композиции далекой равенской постройки в крестообразную, так как к этому времени она была хорошо известна в армянской архитектуре.

Существование таких совершенных по замыслу и исполнению архитектурных сооружений, как Таргманчац-ванк и церковь Рипсиме, показывает, что армянским мастерам уже была по плечу самостоятельная разработка сложного проекта Звартноца. Единственным основанием для предположений о возможных заимствованиях из архитектуры Византии может быть деятельность Нерсеса до его возвращения в Ишхан. Нерсес, конечно, бывал в Константинополе, где ему могли запомниться формы экседры в Истиниановом храме, которые, возможно, он и воспроизвел в абсидах Звартноца. Общее же решение отличается самостоятельностью, новизной и исключительной конструктивной смелостью, что позволяет поставить автора (может быть, самого Нерсеса) построек в Ишхане и Вагаршапате в ряды наиболее выдающихся зодчих древности.

Поистине пышный расцвет армянского зодчества раннефеодальной эпохи был прерван завоеваниями Арабского халифата и только после нового возрождения армянской феодальной государственности, в условиях зрелого феодализма, происходит новый расцвет армянской архитектуры.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ИСКУССТВО

I. Общая характеристика изобразительного искусства средневековой Армении.

Памятники изобразительного искусства средневековой Армении сохранились в достаточном количестве, для того, чтобы можно было исследовать основные этапы и направления этой области творчества армянского народа.

Живопись, стенная и книжная, а также скульптура (в основном это был рельеф) развивались одновременно, имели общие корни в народном миропонимании, а потому нередко — и сходство в характере художественного языка в хронологической последовательности его развития. Это положение относится не только к живописи и скульптуре, но и в равной мере и к керамике, тканям, изделиям из металла.

Общность мотивов и стиля объединяет все виды изобразительного искусства. Различие материала почти не отражалось на формотворчестве, но, конечно, сама трактовка зависела от приемов и размеров, доступных той или другой технике. Если сравнить камнерезный или фресковый орнамент с книжным или чеканным, то они только на первый взгляд покажутся мало похожими, на самом же деле разница обусловлена техническими приемами и размерами. Некоторые мотивы орнаментальной иконографии, свойственные дохристианским культурам, и закрепившиеся в народном творчестве как первичные, особенно устойчиво и прочно, прошли через все этапы развития искусства, были переосмыслены христианством и утратили свое смысловое значение возможно лишь в самое последнее время.

Так, Урартская пальма (со стенной живописи Тейшебиани и Зребуни) с широкими петлеобразными вайями (листьями), выходящими из вершины ствола, в дальнейшем встречается в живописи и резных мотивах базилик Касаха, Ереурика,

отразив блеск александрийской культуры в живописных капителях Либата, акантовом фризе Аруча и хоранах Евангелия Млке, а также в камнерезных украшениях Птгни, Звартноца и др., не миновав и антиохийскую традицию, через миниатюры Эчмиадзинского Евангелия (концевые и начальные) и длинный ряд последующих памятников армянского искусства, вытягивается, наконец во фриз стройного пальметочного орнамента (иногда в соединении с лозой), столь блестяще использованного киликийскими мастерами и в таком виде сохранившегося даже в орнаментике XVIII века.

Чрезвычайно глубокими и устойчивыми оказались в средневековый период традиции художественной культуры эллинистической Армении, в связи с тем, что сами эллинистические армянские мотивы и формы были связаны с урартской основой, слились с ней, вследствие чего не утратили национального своеобразия.

Эллинистические мотивы узнаются как старые знакомые в многочисленных и разновременных вариантах, мелькающих иногда даже на самых последних этапах средневекового искусства Армении: в резьбе надгробных хачкаров Джульфы, в орнаментике последних украшенных рукописей, в узорах крестьянских паласов, глиняной и медной посуды, на изделиях из дерева. Отражения эллинизма проявляются не только в отдельных орнаментальных мотивах, но часто в самом строе и ритме композиции, в выразительности движений.

Особенно замедлено было изменение форм и приемов изобразительного искусства в раннесредневековый период, как замедленно было в эту эпоху отступление старых богов с их культом и ритуалом перед новой идеологией и новым пантеоном.

Но не все мотивы были одинаково устойчивыми. Многие из них — как языческие, так и христианские, — просуществовав какой-то отрезок времени, иногда короткий, иногда более продолжительный, предавались затем забвению, полному или временному, чтобы затем всплыть вновь, обычно ненадолго, спустя одно, а то и более столетий. Сходные явления наблюдаются и в иконографии лицевых сюжетных изображений; иногда это была отдельная деталь композиции, иногда же из общего цикла выпадали целые сцены.

Армянское искусство, как и искусство любого другого народа, на протяжении почти полутора тысяч лет своего развития, находилось в постоянном взаимодействии с искусствами своих соседей, испытывало влияние одних и оказывало влияние на другие. В тех случаях, когда вследствие общения с теми или иными на-

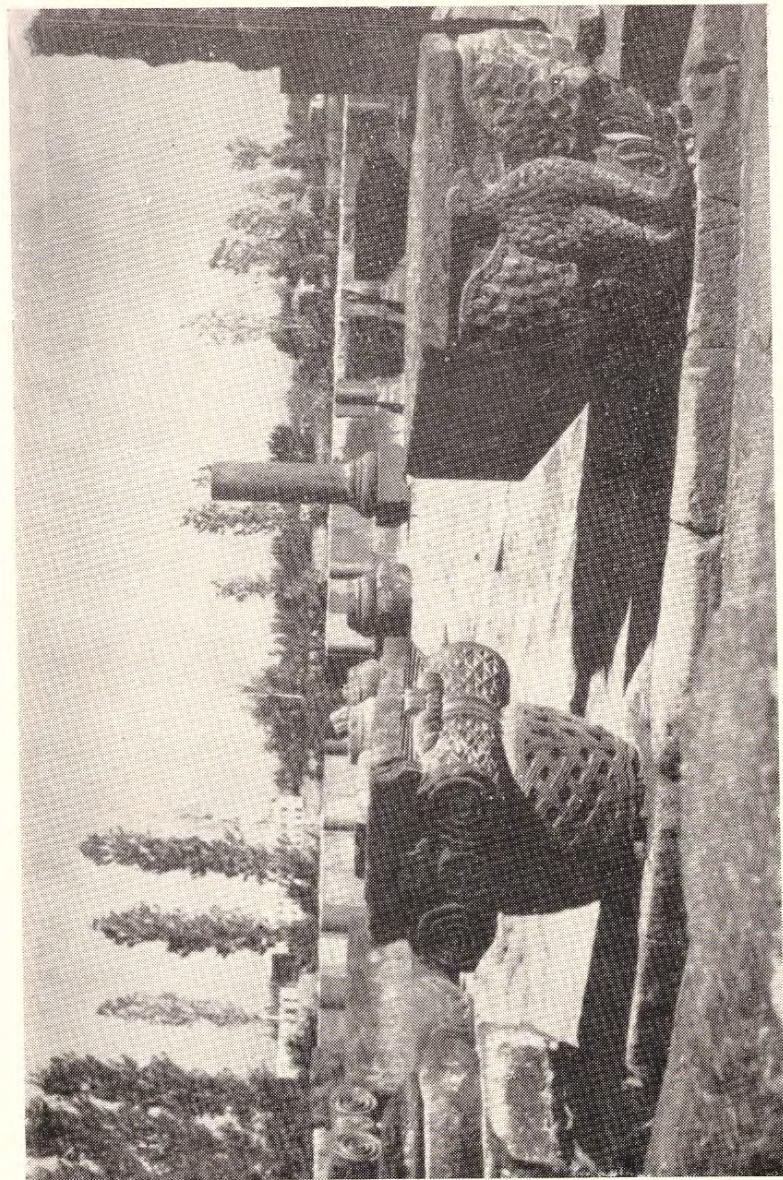

Рис. 9. Храм Звартноц, VII в.

Рис. 10. Храм Звартноц, капитель, VII в.

Рис. 11. Храм Звартноц, VII в., фрагменты орнаментальной резьбы.

Рис. 12. Оклад Эчмиадзинского Евангелия. Слоговая кость, VII в.

Рис. 13. Благовещение Захарии. Концевая миниатюра Эчмиадзинского Евангелия, VI—VII вв.

Рис. 14. Благовещение Марии. Концевая миниатюра Эчмиадзинского Евангелия, VI—VII вв.

Рис. 15. Поклонение волхов. Концевая миниатюра Эчмиадзинского Евангелия, VI—VII вв.

Рис. 16. Крещение. Концевая миниатюра Эчмиадзинского Евангелия, VI—VII вв.

Рис. 17. Лмбатаванк, VII в. Фрагмент правого тетраморфа.

Рис. 18. Лмбатаванк, VII в. Фрагмент с головой левого тетраморфа.

Рис. 19. Роспись апсиды Аручского храма, VII в.
(прорись—реконструкция Н. Г. Котанджяна)

Рис. 20. Фигуры апостолов на северной апсиде Аручского храма, VII в.
(прорись—реконструкция Н. Г. Котанджяна).

родами (иногда ближними, иногда же — весьма дальними) армянские мастера находили в их искусстве какие-то моменты, созвучные своему творчеству, они заимствовали их, переосмысливали в соответствии со своим национальным характером и вкусом и вводили в художественную систему искусства Армении. Вполне закономерно, что в изобразительном творчестве армянского народа можно встретить в переработанном виде отдельные сюжетные или орнаментальные мотивы искусства стран Средиземноморья, Ближнего и Дальнего Востока, до самого Тихого океана. Такой размах указывает на широту общения армян с другими народами, а следовательно, — на высокую ступень развития его культуры.¹

Социальные противоречия, сдвиги в идеологии, политические события, экономические колебания очень быстро влияли на количество создаваемых памятников, на их размеры, на их иконографию и стиль, на обучение мастеров, оплату их работы, следовательно, на техническое мастерство и на выбор материала.

Произведения изобразительного искусства, которые заказывались представителями правящей верхушки, исполнялись мастерами хорошо и длительно обучавшимися. Заказчик мог предъявлять свои требования, которые мастер по-видимому, даже при желании не всегда мог обойти. (Несомненно, мастерами с соответствующей подготовкой были стенописцы, т.к. заказчиками фресок могли быть лишь лица из верхов).

В другом положении были художники, не прошедшие такой "академии", вносящие в иллюстрирование произведений религиозной тематики принципы и приемы народного искусства. Отсутствие длительного обучения, и отсутствие контроля со стороны заказчика позволяло такому мастеру работать более самостоятельно.

Многие произведения живописи и резьбы по камню отмечались памятными записями. В отдельных случаях записи эти дают достаточно определенные сведения об авторе, заказчике, месте и времени исполнения, но чаще они не полны и сообщают лишь одно — два сведения, но уже и это дает возможность сгруппировать по особенностям стиля и иконографии ряд памятников и подвести таким образом некоторое основание под понятие той или иной школы.

Обычно такие художественные школы образовывались при каком-либо большом монастыре (в котором имелись живописная мастерская и скрипторий, а иногда также переплетная мастер-

ская) или на территории ограниченного района, для которого подобный монастырь являлся главным, ведущим. Но были и школы очень обширного охвата (как, например, Васпураканская в XII веке в дальнейшем раздробившаяся на ряд более мелких), объединявшие несколько отдельных центров, связанных, однако, чертами определенной стилистической общности. Сказанное касается произведений живописи и каменной резьбы, хотя в последней этапы развития и границы школ намечены менее четко, чем в первой.

Средневековое изобразительное армянское искусство в основном было религиозным по своему содержанию. Религиозную тематику имели росписи и рельефы, украшавшие храмы, а также книжная миниатюра, иллюстрированная чаще всего, Евангелия, реже, полностью Библию или другие ее книги.

Это не значит, однако, что в средневековой Армении не существовало светского искусства, но оно было менее распространено и хуже сохранилось. Труды армянских историков донесли до нас описания парадных залов во дворцах, украшенных росписями светского содержания. Кроме того, даже в рамках религиозной тематики средневековые мастера находили повод для передачи своих наблюдений над природой и окружающей жизнью. Одних мастеров больше привлекала тщательная разработка формы, они стараются как можно естественнее передать детали цветка, изгибы стеблей, правильность и четкость геометрического узора, перья, завитки, окраску, так что можно легко узнать тех или иных представителей фауны и флоры. Других более интересовала передача мимолетного положения, характера движения, его силы и стремительности, при отвлеченности самого образа.

Характерными чертами армянского искусства на протяжении почти полутора тысяч лет его развития, одинаково свойственными как памятникам "академического", так и "народного" направлений являются монументальность, ясность построения и в тематических, и в орнаментальных изображениях, и декоративность, выразившаяся в исключительно высокой культуре орнамента, а в живописи, кроме того — и в меняющейся, но всегда своеобразной красочной гамме.

Хронологически развитие искусства в средневековой Армении не выглядит гладким поступательным движением. Исторические условия часто и очень глубоко нарушали политическую и экономическую жизнь страны, а такое нарушение сопровождалось срывом творческого движения, общим его ослаблением, а в даль-

нейшем частичным его застоем. Прерванное движение возобновилось затем с той ступени развития, на которой его постигал удар. Однако чаще наблюдается, хотя и замедленное, но все же поступательное развитие искусств даже в трудные годы, характеризовавшиеся утратой лишь некоторых звеньев общей цепи.

2. Скульптура

В 301 году нашей эры христианство было провозглашено царем Трдатом III Великим государственной религией. Некоторая часть населения к тому времени была уже знакома с новой верой, были даже новообращенные, которые признали ее, отвергнув пантеон, догматы и культ дряхлеющего язычества. Но большинство населения, преимущественно простые люди, осталось верным древним богам своих отцов и праотцов, чтит их и совершало обряды их культа, а иногда и пыталось отстаивать и защищать их. Поэтому Григорию Просветителю и его сподвижникам при насаждении христианства, уже после объявления его государственной религией, приходилось довольно часто прибегать к решительным мерам, в том числе к уничтожению как самих идолов, так и всех предметов культа. Для того, чтобы лишить народ возможности поклонения старым богам и доказать их бессилие, все связанное с ними уничтожалось. Мало что могло уцелеть после таких мероприятий и "экспедиций". Но что-то все-таки сохранилось.

Одним из самых ранних памятников скульптуры, частично еще связанным с язычеством, являются плиты из усыпальницы царей Аршакидов в Ахце (IV в.). Несмотря на разрушенность всего сооружения, основное его помещение сохранилось, и в нем по левую и правую стороны от прохода обнаружены две открытые гробницы (ныне пустые). Каждая из них перегорожена каменными плитами. В северной части находится плита с орнаментом из овов и другая — с изображением Даниила между двух львов (Даниил во рву львином). В южной части расположена плита с окружностью, в которую врезан равноконечный крест и на нем две птицы, плита с изображением птицы и бычка среди виноградных лоз, а также плита, на которой представлен охотник, поражающий копьём вепря, атакованного собаками. Все изображения исполнены не очень искусно, рельефом различной высоты, но в общем невысоким.

На плите с изображением борьбы человека с вепрем отра-

зились астральные, дохристианские представления — совмещение бога Торка с Ара Прекрасным и борьба со злыми силами при помощи добрых гениев-аралезов-собак. Остальные плиты принадлежат уже христианскому культу. Равноконечный крест с птицами — весьма распространенный мотив всего раннехристианского искусства.

К IV веку и более позднему периоду относятся стелы с рельефами. Большей частью это квадратные в плане, монолитные столбообразные изваяния, все четыре стороны которых покрыты изображениями в два-три, а иногда и более рядов. Кубический постамент стел сделан из отдельного камня, на котором нередко помещается изображение Даниила во рву львином (причем два льва обычно занимают боковые стороны, а Даниил лицевую), но встречаются и другие мотивы. На вертикальной, основной части стел, на трех, а иногда и четырех сторонах помещались самые разнообразные изображения: Богоматерь с младенцем на троне, в сопровождении ангелов или без них; Богоматерь в рост; царь Трдат в царской одежде, но со свиной головой; Григорий Просветитель, святые, ангелы, воины, а также отдельные события священной истории: три отрока в печи огненной; Взятие пророка Ильи на небо; Жертвоприношение Авраама; Пштение Ильи вороном и др.

Стелы эти имели, несомненно, мемориальное значение, в широком значении, они служили не только надгробными памятниками, но ставились и в ознаменование какого-либо важного для данной местности события. Если изображение Даниила во рву львином может иметь собственно поминальный смысл, то изображение царя Трдата — свиноголовца с таким значением никак не связано, и в подобных стелах скорее следует видеть памятный знак о событиях, относящихся к принятию христианства в Армении. Библейский Даниил, брошенный Навуходоносором в ров львиный, символизирует Григория Просветителя, посаженного язычником царем Трдатом в колодезь (где он пробыл тринадцать лет вместе со змеями) и так же, как и Даниил, избежавшего гибели, освобожденного, и подобно ему исцелившего своего мучителя. Вполне согласовано с этим событием изображение свиноголовца Трдата, получившего в возмездие за подобное отношение к Григорию звериный облик кабана и избавившегося от этого бедствия только молитвами освобожденного Григория Просветителя.

Эта увлекательная раннехристианская легенда, создан-

ная, по всей вероятности, на библейской основе, так хронологически близка ко времени исполнения стел, что приняла характер исторической правдоподобности.

Кроме отмеченных сюжетов и персонажей, помещенных группами в два или три ряда на одной стеле, встречаются изображения отдельных святых или одного свиноголовца, или свиноголовца рядом с Григорием Просветителем (например в храме Талина), а также орнаменты в виде крестов, виноградных лоз с гроздьями, цепей, составленных из сердец и треугольников, пальметок, иногда с цветком в середине. Орнаменты часто служат подножием для фигур.

Особенный интерес представляет памятник в Одзуне, имевший, вероятно, погребальный характер. Две четырехгранные стелы из зеленовато-голубого песчаника, вершины которых представляют собой подобие моделей маленьких двухэтажных построек², помещены под двумя арками и имеют сравнительно мелкие изображения святых и отдельных евангельских событий, расположенный в несколько рядов.

Очень тонкий характер резьбы, совершенно не соответствующий основной резьбе храма, заставляет думать, что стелы были исполнены до построения храма. Следовательно они должны быть датированы не позже V века. Эту раннюю дату подтверждают и особенности иконографии изображенных сцен, относящиеся к самым ранним версиям. Так, в "Рождестве" присутствуют только Богоматерь, Иосиф и младенец, в "Крещении" только Предтеча и Христос, погрудно стоящий в воде, а в Иордане помещена колонка с крестом; "Благовещение" представлено в варианте "Благовещения у источника". В пользу такой ранней датировки говорят также костюмы мужчин и женщин, и архаический характер орнамента.

По тем же признакам надо отнести ко времени до построения храма и крест, вделанный в его восточную стену, а также развитую в настоящее время на две части композиции "Вознесения". Не только эти темы, но и их иконографическая трактовка очень древние: так под руками креста помещены два дерева — древо жизни и древо познания добра и зла³.

В наиболее ранних храмах (IV—V вв.), таких как Касах, Ереурик, Мрен, Текор, Двинский собор имелись порталы, люнеты которых были украшены резьбой по большей части с каким-либо определенным раннехристианским сюжетом символического значения, иногда с отражениями языческих образов. Так, в Ереурике

Льонеты порталов представляют два приема исполнения: в верхней части рисунок прографлен и прорисован темно-красной краской, в нижней, прямоугольной, исполнен очень низким рельефом и местами слегка подкрашен. Эти льонеты заполнены равноконечными крестами, по бокам от которых помещены изображения солнца — языческой эмблемы, изредка даже заменяющей крест. На рельефах в Еревуке и Касахе представлены различные мотивы раннехристианской символики: олени под пальмами, виноградные лозы и пальмы по сторонам креста.

В льонетах же храмов впервые встречаются и ктиторские портреты, являющиеся продолжением более древнего обычая, отмеченного у историков. Так, в Мрене (639 г.) композиция представляет справа князя, слева — княгиню, подходящих в молитвенных позах к четырем святым, стоящим прямо, из которых один, возможно, Христос. Подобное построение с определенно выраженным центром характерно для всех льонетов Мрена. В полукруглой части наверху изображены два ангела, вписанные под дугу из виноградной лозы. Фигуры ангелов завершают всю эту монументальную, парадную по характеру и в то же время какую-то свободную по композиции сцену. В том же Мрене над северным входом находится сцена водружения креста тремя лицами: каким-то феодалом, только что спешившимся (оседланный конь стоит за ним), камнерезчиком или просто рабочим, закрепляющим крест в земле и, по-видимому, священником, держащим кадило; за ним на ступенчатом холме — большое ветвистое, прекрасно исполненное дерево, имевшее, вероятно, не только декоративное значение — это древо жизни, которому суждено быть замененным другим деревом жизни — Крестом.

Большой интерес представляют ктиторские и другие изображения рассматриваемого периода.⁴

Ближайшим по времени к Мрену является рельеф в Питгни. Над одним из южных окон в виде бровки помещено "Вознесение" в одной из своих кратких редакций: два парящих ангела поддерживают диск с погрудным изображением Христа-Эммануила, ниже по арке, с каждой стороны — по три медальона с апостолами. В горизонтальных окончаниях бровок слева представлен Манвел Амасуни в виде всадника на скачущем коне, стреляющего из лука в львицу, тогда как на правом конце — пеший охотник, припав на одно колено, нацеливается копьем в нападающего льва. Под арочками оконных бровок местами размещены птицы, напоминающие некоторых птиц Карсского евангелия (50-ые годы

XI в.), на отдельном камне — лев под пальмой. Рельефы исполнены не очень искусной рукой, но динамичны и выразительны.

Примером раннего (У в.) и очень развитого декоративного убранства льонета может служить обломок камня, найденный в Двине, на котором был помещен четырехконечный крест, как бы выросший из середины древа жизни между двумя сильно стилизованными пальметками (мотив, неоднократно примененный в Еревуке). Из этого же основания, только ниже, расходятся толстые побеги вьющейся виноградной лозы с гроздьями и листьями, между ними расположены (на сохранившейся половине) две человеческие фигуры различной величины и корзина, наполненная ягодами. Виноградная лоза, особенно идущая от креста, символизирует христианское учение, иногда самого Христа, и, следовательно, люди, помещенные в завитках — это те, кто принимает его учение. Судя по длинной одежде и закрытым головам (у большой фигуры, впрочем, это может быть и нимб) здесь представлены женщины, возможно, за сбором винограда⁵. Но как бы ни истолковывать значение, символически или исторически, здесь наибольший интерес представляет то обстоятельство, что мастер трактует всю сцену как бытовую. В дальнейшем, в VI-XI вв. на льонетах или вообще над входом в здание сюжетные композиции не применялись.

Большим разнообразием в рассматриваемый период, отличается также украшение капителей. Если к основному, наиболее распространенному типу армянских капителей применить систему античных ордеров, то он ближе всего подходит к капители ионического ордера (также, впрочем, как и капители Гарнийского языческого храма). Будучи основным типом в архитектуре, он является преобладающим и в живописном изображении капителей в армянской стенописи и миниатюре⁶.

В своеобразной, монументальной форме представлены капители дворцов Двина и Аруча, в которых с чрезвычайной смелостью волюта заменены пальмовыми листьями, согнутыми в спирали, между которыми поднимается вертикально группа пальмовых листьев. Волюта нередко заменяется диском с крестообразной плетенкой (одна из капителей Двина) или солнечной розеткой (алтарные пилястры Еревука и капители в Ишхане). Отмеченная двинская капитель своим валом из плетенки, составляющим нижнюю ее часть, роднится с некоторыми капителями Звартноца, в которых плетенка образует корзину, сходную с византийской корзиночной капителью. Капитель грандиозного круглого храма "Бдящих сил", Звартноца, построенного католиком Нерсесом III

Строителем в период с 641 по 661 г., отличается той же монументальностью и особенной величественностью, которыми отмечены архитектура и скульптурное убранство этого храма.

Художественное оформление капителей Звартноца распадается на группы. К одной из них относятся двойные капители парных колонн наружной колоннады — они украшены листовым орнаментом, образующим симметричный куст, охватывающий капитель и состоящий из видоизмененной пальметки. Почти совершенно в той же трактовке эти пальметки встречаются на двойных капителях в Текоре и на капители нижней колонны усыпальницы в Агуди.⁷

Вторую группу капителей Звартноца составляют пышные корзиночные капители колонн внутренней крестообразной колоннады; между их волютами, положенными на корзину, помещены круги с монограммами (по-гречески) католикоса Нерсеса или с крестами.

Особенной монументальностью и выразительностью отличается третья группа капителей, образуемых фигурой взлетающего орла, на четырех одиночных колоннах, свободно стоящих в углах внутренней круговой галереи. Пропорции и положение орла с повернутой набок головой и широко распростертыми, как бы охватывающими капитель с боков, крыльями, очень выразительны, а движение живо и остро передает момент подъема птицы в воздух; по сторонам орла, внизу, — тот же листово-пальметочный мотив, что и на наружных капителях⁸. Очень внушительную, но более однотипную группу представляют капители алтарной колоннады в храме Ишхан. В постройке X в., исполненной при Давиде Куропалате в Тайкской области, сохранилась часть апсиды в виде аркатуры на восьми низких колоннах, принадлежавшей храму, построенному тем же католикосом Нерсесом Строителем в 601 г. Только у двух из восьми капителей присутствуют ионические волюты, выступающие в сильном конусовидном рельефе; остальные капители образуются плоскостями различной неправильной формы, на которых вырезаны разнообразные комбинации, в основном, из растительных мотивов: завивающихся стеблей с лепестковыми розетками, каштановых листьев, пальметок и т.д. Ни одной христианской эмблемы на этих капителях не изображено.

Если мотивы из Звартноца и Ишхана не нашли в дальнейшем применения на капителях армянских храмов, то в орнаментике их резьбы большинство этих мотивов вошло прочно, как, например, розетка, по преимуществу восьмилепестковая⁹, пальметка в различных вариантах и комбинациях, плетенка, лист

каштана и др.

В Питни и Сисiane в связи со своеобразной "ступенчатой" аркой использован интересный прием в декорировке капителей, ее украшающих. Капители эти также расположены ступенями, и, т.к. они не широки, то мастер включает в каждую из ступеней лишь часть пилястры: одну волюту, и в углах — плод граната или кисть винограда.

Наиболее распространенными видами наружного резного украшения были карнизы под краем кровли, бровки над окнами, иногда связанные попарно горизонтальной тягой, тяги декоративных арок по стенам храма и по барабану, колонны и капители, наличники ниш, окон и входов, фриз, опоясывающие иногда весь храм, широкие скульптурные пояса с изобразительными сюжетами, ктиторские группы, единоличные изображения, отдельные сцены культового или светского характера и орнаментальные мотивы, преимущественно зверино-птичьего содержания, а также настенные хачкары. Орнаментальные мотивы в сооружениях раннесредневекового периода и в следующую эпоху Багратидов сравнительно мало менялись, а многие из них дошли не только до конца XI в., но применялись и значительно позже.

До конца XI века, в карнизах часто встречается плетенка, а также различные комбинации арок, овалов, пальметок, ромбов, сердец, розеток.

Кроме капителей внутри храмов этого времени часто встречаются различные украшения. Отметим некоторые из них: это небольшие равноконечные кресты, вырезанные на стенах Лмбата, Богоматерь с младенцем на троне в Одзуне, концентрические круги Талинского собора. В ходе реставрации Эчмиадзинского храма в 1955 году были обнаружены древнейшие базы с орнаментом в виде плетенки и насечек, мотивы которых указывают на их раннее происхождение. Подобная же находка обнаружена и в церкви Рипсимэ (618 г.).

Внешнее убранство резьбой армянских церквей значительно обильнее и разнообразнее, чем внутреннее. И это понятно, т.к. резное украшение внешних поверхностей стен здания лучше видно, и к тому же гораздо большее количество зрителей может любоваться им.

В Армении почти нет культовых зданий, которые хотя бы самым скромным образом не были бы украшены снаружи.

Любопытный пример дает один из самых ранних памятников — базилика в Егварде, от которой сохранились лишь нижние

части стен с остатками надписи, крупными прекрасного очертания буквами — опоясывающей весь храм. Надпись эта столь декоративна и монументальна, что ее одной было бы достаточно, чтобы украсить стены храма.

Наружные аркатуры, украшающие стены и апсиды многих храмов (Звартноц, Талин, Артик) и еще чаще огибающие граненые и круглые барабаны имеют исключительно декоративное значение. Колонны наружных аркатур обычно бывают тонки, но они часто составлены из двух, трех или пучка колонок. Широкие тяги арок наружной аркатуры ранних памятников (Талин, Артик, Сисиан и др.) имеют капители, в которых подушки обычно состоят из расширенного и видоизмененного фризового орнамента, одного или двух.

По богатству декоративных украшений можно выделить два памятника этого периода: Звартноц и храм в Сисиане. Помимо рассмотренных выше резных капителей Звартноца весь храм огибал широкий орнаментальный пояс. Он состоял из арок, опирающихся на двойные колонны и украшенных виноградной лозой, и поясных изображений строителей со своими инструментами в руках¹⁰, помещенных в антрвольтах из широко разросшихся ветвей граната с обильной листвой и плодами различной величины, реалистично исполненными. Не менее нарядные карнизы и наличники окон дополняли убранство этого памятника Нерсеса Строителя. Человек большой эрудиции, много путешествовавший, обладавший несомненно большим художественным вкусом, Нерсес построением такого оригинального и богато украшенного храма намеревался подчеркнуть и свое значение, и значение того вероучения (хелкидонитского), которому он отдавал предпочтение. Следует отметить также стойкость народного творчества и вкуса мастеров — простых людей, — сумевших подчинить национальным традициям византийские стилистические наплыны.

Вскользь упоминался в связи с орнаментальной резьбой и Сисианский храм, но более интересны его фигуративные изображения. Снаружи, под карнизом купола, на фризе из плетенки, опоясывающем барабан, имеются на каждой стороне фасада по погрудному изображению евангелиста. Кроме того, в верхней части четырех из восьми наружных ниш помещены опять-таки погрудные изображения святых. Но особенно значительны три поясных горельефных ктиторских портрета внутри храма: сиюникского князя Козата, епископа Овсепя и монаха Теодороса. Помещенные на большой высоте над тропами северо-восточной и северной стен, они

исполнены тем не менее с большой реалистичностью и поражают яркой индивидуальной характеристикой, с которой по остроте трактовки не может сравниться ни один другой более поздний ктиторский портрет¹¹.

Завершая обзор раннесредневековой пластики, необходимо упомянуть о той крайне характерной области камнерезного искусства Армении, зарождение которой восходит к рассматриваемому периоду. Речь идет о хачкарах¹².

В большинстве своем хачкары, конечно, памятники намогильные. Но были хачкары также votивного или общественного значения, — мемориальные в широком смысле, подобно стелам, на смену которым они появились. Такие хачкары устанавливали вблизи храма, иногда вырезали на его стенах или вдевали в них уже в готовом виде; иногда же помещали внутри храма.

До сих пор не выявлена та форма подобных памятников, которую можно было бы считать переходной от стелы к хачкару, что должно было бы произойти в VII—IX вв., так как хачкары X в. представляют уже иконографически вполне сложившийся тип.

Весьма вероятно, что идея хачкара возникла из первобытного культового стоячего камня — менгира или части дольмена, который как языческий должен был быть крещен, осеян крестным знаменем после принятия христианства. Основой иконографии всех хачкаров является большой крест с расширенными концами, проросший из пальметочного основания; под ним — большой, нередко выгнутый круг, орнаментированный чаще всего лучеобразно; и обрамляющая широкая кайма, верхняя часть которой, обычно нависающая как карниз, бывает много шире боковых.

3. Стенная живопись

Судить сегодня о монументальной живописи Армении раннесредневекового периода можно, лишь восстанавливая, на основе дошедших до нас немногочисленных остатков, черты иконографии и стиля фресок VII—VIII вв. Сохранившиеся фрагменты стеной живописи этого времени свидетельствуют о высоком профессиональном уровне и своеобразии стилистических приемов и иконографических вариантов.

К числу ранних образцов средневековой армянской живописи относятся остатки росписи в Маназкерт (70-е гг. VII века)¹³ и одноцветная темнокрасная роспись капители одной из пилястр колоннады, пристроенной в VII в. к Касахской базилике VIII в. Сочетания равноконечного креста в круге и пальм с петлеобразными листьями, а также одноцветный графический прием исполнения род-

нит эту живопись с росписью по плоской, тоже графической резьбе наружных лияетов трех порталов и капителей в базилике у в. в Ереруйке. В Ахце, непосредственно у входа в усыпальницу Аршакидов, был обнаружен обломок фриза или капители, ложчатая резьба которого загрунтована и обведена красной линией.

К ранним памятникам относится и декоративная цветочная композиция (VI-VII вв.) на частично сохранившемся алтарном столбе ныне не существующей церкви Погос-Петрос в Ереване. Эта живопись была закрыта тремя слоями позднейших записей, начиная с XIV в., каждый раз на новом грунте¹⁴. Композиция представляет: на карнизе четыре кустика цветов, ниже большой раскидистый букет в расписной вазе, по сторонам которой расположены две пальмы и два кипариса с раздвоенными вершинами, на деревьях сидят птицы. Еще ниже, в ширину всего столба, помещены кессоны из листьев и цветов, напоминающие кессоны Гарнийского плафона. Изящество и легкость, мягкая тональность, акварельный прием исполнения на тончайшем, но очень крепком стуке (грунте), пережитки эллинистических мотивов и приемов позволяют отодвинуть этот памятник в очень раннюю эпоху. В значительной мере это подтверждается еще одним обстоятельством: на карнизе, сверх цветочных кустов, белой краской сделаны два креста с равными, раздвоенными концами; техника исполнения и материал этих крестов явно отличаются от таковых же основной живописи. Весьма вероятно, что кресты были печатью, наложенной в первые годы деятельности христиан на языческую живопись (подобные примеры встречаются среди сирийской и палестинской ранней каменной резьбы)¹⁵.

От VII в. сравнительно хорошо сохранились росписи Лмбата в Аруча, хуже - Талина. Фрагменты росписей в соборах Артика и Сисиана, в Малой церкви Коша, в Циранавор и Кармравор в Аштараке, в Зоравар близ Егварда и в Звартноце, находящиеся в еще худшей сохранности, дают тем не менее возможность представить черты их иконографии и стиля¹⁶.

Особой художественной выразительностью отличаются росписи начала VII века церкви св. Степаноса в Лмбате¹⁷, где в конхе сохранилась нижняя часть композиции "Христос во славе": полукружие радужной мандорлы¹⁸, часть трона и подножие, украшенное самоцветами и жемчугом, и ноги сидящего Христа. Это изображение фланкируется двумя тетраморфами¹⁹, четыре белых крыла которых усеяны глазами, а рядом с ногами которых помещены "трон" - огненные колеса. Вся эта композиция помещена

на фоне языков пламени, как это описано в Видении Иезекииля (Библия. Книга пророка Иезекииля, гл. I, ст. 4-27). С обеих сторон этой сцены, у самого края апсиды изображены два зеленых шестикрыла, над ними, на капителях, выходящих углом на восточную стену - типичный для VII века орнамент из лотосовидных пальметок.

Исключительная выразительность лиц тетраморфов (лица шестикрылов не сохранились), роднящая их, несмотря на иное эмоциональное содержание, с архангелами одновременной никейской мозаики, звучное сочетание в основном трех чистых тонов (различных оттенков красного, яркозеленого и белого), уверенный, свободный от трафарета живописный прием исполнения, ставят этот памятник в первые ряды произведений раннесредневековой христианской живописи в целом.

На восточной стене в Лмбате, рядом с апсидой, находятся значительно хуже сохранившиеся всадники: с севера на белом коне, вероятно, Св. Саркис, с юга - Св. Георгий на вороном коне. Поворот торса и лиц воинов, плащи, развевающиеся за их спинами и короткие копья-жезлы с крестом на конце в их руках, поворот голов, пышные хвосты, высокий подъем шеи, торжественно-тяжелая поступь коней, отсутствие злых сил под их ногами, - все эти иконографические черты роднят наших всадников с циклом таких же святых воинов в росписях коптского монастыря Баут в Египте.

Ниже конхи, по всей вероятности, были расположены двенадцать апостолов и Богоматерь, что установило бы наличие композиции "Вознесения", иконографически объединяющей иллюстрирование "исторического" события по Евангелию и Деяниям с Видением Иезекииля.

Подобная декоративная система росписи апсиды наблюдается и в Большом храме в Талине (также VII в.), где на стенах ясно видны контуры нимбов апостолов. Соответственно с очень обширными размерами талинского храма и конхи, все построение, вероятно, выглядело много грандиознее, особенно в окружении медальонов с праотцами. По триумфальной арке здесь тянутся навстречу друг другу две очень красивые гирлянды из чередующихся на черном фоне разноцветных овальных ягод в зелени - гирлянды выходят из нарисованных над капителями ваз и сходятся в замке арки. На южной стене апсиды - ясные следы "Входа в Иерусалим". Многочисленные фрагменты с остатками красок и контуров фигур и архитектуры, рассеянные по всем стенам и сводам, указы-

вают на то, что храм в Талине был весь расписан²⁰. На внутренних сторонах западных пилонов еще можно рассмотреть двух всадников на рыжем и вороном конях. Тональность талинских фресок отличается от росписи Дмбата только использованием черного цвета.

Иная схема "Вознесения" украшала громадную апсиду храма в Аруче, построенного Григорием Мамиконяном в 60-70 годы УП в.²¹ В конхе апсиды на синем фоне находилась семиметровая фигура Христа, стоящего на подножии, между двумя фигурами, вероятно, ангелов (сохранились лишь ничтожные фрагменты их одежды). Левой рукой Христос держит огромный, ниспадающий округлыми складками, свиток с евангельскими текстом на армянском языке. Ниже, огибая всю апсиду, проходит широкий (более 80 см) фриз из акантовой лозы, в пышных завитках которой размещены корзины с плодами, сосуды, фрукты, в том числе гранат и виноград. Игра зеленого, белого и темнокрасного тонов на черном фоне исключительно эффектна. На стенах апсиды, под фризом с северной стороны расположены шесть апостолов, стоящих прямо, у некоторых в руках книги; на противоположной стороне несомненно были изображения остальных шести апостолов, а в простенках между окнами — Богоматери и ангелов. Такая схема является иконографическим и идеологическим совмещением композиции "Господь, дающий закон" с "исторической", по Евангелию, трактовкой "Вознесения". Внизу у подножия сохранилась подпись художника — "Степанос".

Непринужденностью и пластичностью фигур и других форм, равновесием значения линии и плоскости изображения, многими орнаментальными мотивами (акантовый фриз в Аруче, обрамления праотцев в Талине и др.) отмеченные памятники в значительной мере хранят еще печать восточных эллинистических традиций.

Если в росписях Дмбата и Талина есть основания усматривать близость с Сирией (Евангелие Рабулы) и Египтом (фрески Бауита), то в композиции Аруча можно до известной степени найти близость с памятниками Палестины и Рима, в также усмотреть здесь пережитки alexandрийских традиций.

Обширные земли, окружавшие Дмбат и Талин, в УП веке принадлежали княжескому роду Камсараканов, в своих религиозных и культурных запросах в основном ориентировавшихся на Восток, тогда как в Аруче господствовали князья Мамиконяны, не только сражавшиеся с ромеями, но и входившие довольно часто в контакт с ними, чем и можно до известной степени объяснить ис-

пользования этих двух различных схем "Вознесения".

В Сисиане, в храме УП в., в западной части сохранились небольшие, неясные по содержанию, но четкие по общей тональности фрагменты росписи. Под капителем одной из северных пилонов видны остатки ярко-охряных нимбов и ярко-зеленого фона, в западной части небольшие отрезки двух смежных орнаментов — красных колец на зеленом фоне и арочного типа орнамента желтого цвета на темно-синем фоне. Чистый и яркий синий цвет, тонкий слой грунта, мотивы орнамента — все говорит за родство этой росписи с Дмбатом и Талином.

В Коше, в апсиде миниатюрного храма отчетливо видны остатки композиции "Христос во славе", а на уровне окна — очень интересная по иконографии сцена, в которой при евхаристическом расположении действующих лиц (двенадцать апостолов, подходящих по шесть с двух сторон к Христу, изображенному дважды на откосах окна) Христос протягивает апостолам не чашу с вином и блюдо с хлебами, а свиток с текстом. Т.о., здесь мы имеем совмещение "Евхаристии" с вариантом сцены "Господь, дающий закон"²².

Остатки фресок Артика позволяют предположить, что система росписи его апсиды была сходна с таковой в Аруче.

Остатки росписи просматриваются и в двух церквях в Аштараке: в церкви Циранавор, в апсиде различаются слабые контуры двух фигур в нимбах²³, в Кармравор — под опавшей побелкой обнаружили ноги и края одежд святителей. Сложнее всего обстоит дело в храме Зоравар близ Егварда. По-видимому, все восемь апсид этого сильно разрушенного октогона, были в свое время расписаны. Ныне в одной из сохранившихся апсид просматриваются остатки орнамента из кругов²⁴.

Монументальной живописи раннесредневековой Армении была известна также и мозаика. В Двине, в соборе У века был открыт пол, выложенный орнаментом из крупных специально обточенных камней. Несколько небольших кусков мелкой орнаментальной с золотом мозаики найдено в Звартноце, а также много кубиков — в Эчмиадзинском соборе.

Широко известны мозаичные полы в армянских церквях и монастырях IV—УП вв. в Иерусалиме, исполненные мелкой мозаикой из натуральных камней. Среди них особенно примечателен мозаичный пол армянской церкви на Елеонской горе (размером 6,7 x 4 м) с изображением птиц, рыб и виноградных гроздьев,

заключенных в орнаментальные обрамления. Прекрасная сохранность и исключительная гармония в подборе цвета камней позволяют считать эту мозаику выдающимся произведением раннесредневекового искусства.

Следует также отметить еще один живописный прием, идущий, надо полагать, из глубокой древности — прием окраски прямо по камню внутри здания или снаружи каких-либо архитектурных деталей: например, красных лучей в трюпах церкви в Коше, наружных ниш в Зораваде и Иринде (желобчатый свод ниш часто окрашивался темно-красным цветом или, чередуясь через один желоб, в красный и охряный). Иногда на откосах окон изображался равноконечный крест (как в Лмбате). Иногда же при выступании во всей кладке более светлого скрепляющего раствора между камнями, эти швы отмечались красными линиями или поперечными черточками.

4. Книжная живопись (Миниатюра)

Изобретение в 405 году Месропом Маштоцем и Сааком Партевом армянского алфавита повлекло за собой, в цепи других важнейших культурных явлений, и зарождение книжной живописи. Хотя образцов армянской миниатюры первого века письменности не сохранилось, а самые ранние из дошедших до нас памятников датируются V-VI вв., несомненно, что уже рукописи IV века должны были иллюстрироваться. Этого прежде всего требовали потребности христианского культа, к тому же, ближайший сосед Армении, Сирия, а также Палестина, Египет и Рим уже создавали в этот период схему украшения живописью рукописных книг. Приняв участие в создании как иконографической системы, так и специфического художественного языка средневековья, используя при этом местные живописные традиции, армянские художники V-VI веков создают прекрасные произведения книжной живописи. Памятников этого периода сохранилось немного, но тем ценнее их значение. Датированные рукописи дошли до нас лишь от IX века. Такая поздняя дата начала армянской книжной живописи, как уже было отмечено, не может быть приемлемой и следует обратиться к памятникам не датированным, но по стилю и чертам иконографии, несомненно, более ранним.

Таким памятником являются четыре концевые миниатюры Эчмиадзинского Евангелия 989 года (№ 2374 М)²⁵. Расположенные на четырех страницах двух пергаментных листов и изображающие "Благовещение Захарии", "Благовещение Марии", "Поклонение вол-

хвов" и "Крещение", они были подшиты в конце книги несколько позже времени написания ее текста. Об этом говорит то обстоятельство, что отдельные рисунки на полях и между столбцами текста — (которые в нескольких местах частично перекрывают буквы, а по стилю своему не могут быть отнесены ко времени более позднему, чем X в. — являются вольной перерисовкой некоторых концевых миниатюр. Перерисованы были две сцены: "Поклонение волхвов" и "Явление ангела женам"; первая из них находится на лицевой стороне второго концевого листа, образец же "Явления ангела женам" отсутствует, но т.к. типаж и весь стилистический характер обеих перерисовок одинаковы, то есть основание предположить, что в то время, когда исполнялись эти маргинальные рисунки, концевых листов с миниатюрами было, по крайней мере, три.

И. Стржиговский, при исследовании живописи Эчмиадзинского Евангелия²⁶, говоря о четырех концевых миниатюрах, определяет их (так же, как и переплет слоновой кости, в который заключена рукопись) как сирийский памятник V-VI вв. Датируя миниатюры И. Стржиговский привлекает для сравнения сирийское Евангелие Рабулы 586 г. Действительно, сюжеты трех миниатюр Евангелия Рабулы представлены на концевых листах Эчмиадзинского Евангелия; в сирийской рукописи нет только "Поклонения волхвов", т.е. четвертой концевой миниатюры Эчмиадзинского Евангелия.

В обеих сценах "Благовещения" в Эчмиадзинском Евангелии фоном служит архитектура. Она совершенно одинакова, только здания повернуты в "Благовещении Захарии" влево, а в "Благовещении Марии" — вправо. В Евангелии Рабулы Благовещение Захарии происходит не на фоне здания, а на фоне орнаментированной арки-апсиды, где находится алтарь, за которым стоит благовествующий ангел. Захария же помещен на переднем плане. В "Благовещении Марии" Богородица стоит на выдвинутом вперед подножии, и фигура ее только частично находится на фоне торцевой стороны здания — базилики с двускатной кровлей. Поза и жест Марии сильно отличаются от ее же позы и жеста в Эчмиадзинском Евангелии.

Несколько большее сходство можно отметить в сценах Крещения. В обеих рукописях здесь присутствуют только Иоанн Предтеча и Христос, причем положение их по отношению друг к другу одинаково — Иоанн держит правую руку над головой Христа, который по грудь погружен в воду. Над Христом располо-

жен летящий вниз крупный голубь и над ним, из сегмента неба, — благословляющая рука. В "Крещении" Евангелия Рабулы, справа помещено невысокое тонкое дерево, а внизу, на берегу Иордана — цветы; ни того, ни другого нет в миниатюре Эчмиадзинского Евангелия, заключенной в широкую раму, в четырех углах которой изображены головы в кругах или нимбах; и между ними по три чаши на вертикальных сторонах, и по две — на горизонтальных. В каждой чаше, наполненной водой, стоит грудью вперед утка, распутив крылья и вытянувшись вверх; она чистит на груди перья. Между чашами расположены блюда.

Крещение — как "историческое" событие, с которым связано закрепление за Христом возлагаемой на него миссии стать жертвой во искупление первородного греха — описывается с незначительными изменениями всеми четырьмя евангелистами и потому следует полагать, что именно они и изображены в четырех углах обрамления. Чаши и блюда представляют евхаристические сосуды — потиры и дискосы, украшенные драгоценными камнями. Сидящая в чаше птица — несомненно утка; излагая мысль о подобии жертвы Христа и жертвы пеликана²⁷, художник вероятно заменил довольно неуклюжего пеликана грациозной уткой.

Евангелие Рабулы, как памятник исключительно точно определенный по времени и месту исполнения, является мерилем при изучении других произведений раннехристианской книжной и монументальной живописи. Отмеченные выше черты общности между "Благовещением Захарии", "Благовещением Марии" и "Крещением", помещенными по сторонам хоранов Евангелия Рабулы с теми же сценами среди концевых миниатюр Эчмиадзинского Евангелия, говорят об определенной общности этих двух памятников. Но черты сходства не могут заслонить гораздо более значительные моменты расхождения: миниатюры Эчмиадзинского Евангелия отличаются от беглых рисунков Евангелия Рабулы не только композиционным мастерством и совершенством исполнения, не только гораздо большей выразительностью в изображении человеческих фигур, но и большей торжественностью, а также обстановочной и орнаментальной полнотой. Стилистическая разнородность миниатюр Эчмиадзинского Евангелия и Евангелия Рабулы, иконографические расхождения в одинаковых темах говорят о том, что ни одно из них не послужило образцом для другого. Можно однако допустить, что среди нескольких рукописей, использованных Рабулой при иллюстрировании Евангелия 586 года, был и какой-

то памятник, с которым до некоторой степени связаны концевые миниатюры Эчмиадзинского Евангелия.

Особой торжественностью среди концевых миниатюр Эчмиадзинского Евангелия отличается "Поклонение волхвов". Эта симметричная композиция изображена на архитектурном фоне, представляющем собой базилику, оба фронтона которой развернуты на зрителя; средняя часть здания занята широкой аркой апсиды с раковинообразной конхой, врезающейся в кровлю до самого конька. По сторонам, в боковых частях здания, из-под декоративных завес, видны ряды колонн в обратной перспективе, которые отделяют главный неф от боковых. Богоматерь, сидящая в центральной апсиде на богато украшенном троне, держит на коленях не самого младенца Христа, а щит с его изображением²⁸. Эта, довольно редкая деталь была в свое время отмечена Н.П.Кондаковым²⁹, который связывает происхождение этого иконографического типа с изображениями Христа-Эммануила на рельефных серебряных пластинках, энколпионах и вислых печатях, уже во II веке превратившихся в торжественные декоративные церковные щиты с изображением божества.

Художник Эчмиадзинского Евангелия, желая подчеркнуть торжественность момента, отрывает его от "исторической" основы, лишает иллюстративности и представляет здесь таким образом парадную сцену поклонения народа изображению Христа.

К числу наиболее ранних памятников с Христом на щите, поддерживаемом Богоматерью, относится, наряду с Эчмиадзинским Евангелием, и изображение на фреске в одном из помещений Баумита. Как и в Эчмиадзинском Евангелии, в коптской фреске по сторонам сидящей на троне Богоматери стоят два ангела, кадящие изображению Христа, как бы представляемого верующим самой церковью, олицетворяемой Богоматерью. Но "Поклонение волхвов" Эчмиадзинского Евангелия трактовано более торжественно. Подчеркнув значительность сцены прямо сидящей монументальной фигурой Богоматери, художник симметрично строит композицию, значительно более помпезную и внушительную. У трона Богоматери он изображает только одного ангела, чтобы можно было поставить рядом с ним одного волхва, а по другую сторону — двух волхвов. Вряд ли здесь имеет место, как объясняет Н.П.Кондаков, случайное соединение двух канонических сцен — "Преподнесения щита с Христом" и "Поклонения волхвов". Скорее, "Поклонение волхвов" символизирует поклонение народов, которых волхвы — восточные цари-маги — представляют, и тогда вся сцена,

утратив свою "историчность", символизирует поклонение изображению Христа, преподносимому церковью.

Все четыре концевые миниатюры Эчмиадзинского Евангелия своеобразны по стилю, колориту и типу. Они отличаются ясностью идейного содержания и, как следствие этого, стройностью и цельностью построения, а также сочной и широкой манерой исполнения, напоминающей энкаустическую лепку красками. Отмечены выше манера и технические приемы, подбор густых, полновзвучных, по большей части темных тонов, озаряемых небольшим количеством очень ярких пятен, обильное ожемчуживание и украшение драгоценными камнями, сближают эти миниатюры со стенной живописью Дмбата и Аруча УП в. и с миниатюрами более позднего памятника — Евангелия царицы Млке, 862 г.

Отмеченная выше стилистическая, колористическая и даже техническая общность концевых миниатюр Эчмиадзинского Евангелия с росписями Дмбата и Аруча вводит их в круг армянских памятников, с которыми их сближает в свою очередь и типаж действующих лиц: высоко поднятые густые брови, широко раскрытые, близко к переносице поставленные громадные глаза с подвижным зрачком под верхним веком, с чуть заметной горбинкой длинный и узкий с маленькими ноздрями нос, широкий рот, иногда несколько неопределенного очертания, удлинённый книзу, почти правильный овал лица, подчеркнута светлый цвет кожи с легким румянцем. Этот, созданный на реальной основе своеобразный тип всегда оживленного армянского лица красной нитью проходит через все изобразительное искусство армянского народа, в немногих случаях затусневываясь какими-либо привходящими веяниями и, конечно, стилистически меняясь во времени. Изменения никогда не подводят созданный армянский тип ни под византийский, ни под латинский образцы.

Этот армянский тип лиц далек от типажа евангелистов и других персонажей в сирийских рукописях. Более мелкие и более пропорциональные, лица сирийских миниатюр, кроме начертательной разницы с армянскими, не имеют того оживленного выражения и подвижности, которыми отличаются лица в подавляющем большинстве армянских рукописей.

Из памятников других народов рассматриваемого периода ни один стилистически и иконографически не может быть прямо связан с концевыми миниатюрами Эчмиадзинского Евангелия; нет также памятников, пусть даже другого времени, к которым они могли бы примкнуть. Таким образом, единственной стилистической

(хотя и относящейся уже к УП в.) группой, в которую они могут войти, являются фрески Аруча, Дмбата, а также созданное в 862 г. так называемое Евангелие Млке³⁰. Хотя отмеченные памятники созданы на протяжении четырех веков, но национальная принадлежность их определена. Несомненно, за этот исторический период в Армении создавались и другие произведения, которые могли бы дать более связанную картину эволюции армянской живописи; но они не сохранились, однако она может до некоторой степени пополниться за счет возникающих в том или другом виде иконографических отражений.

Несомненно, что концевые миниатюры Эчмиадзинского Евангелия — не первый опыт миниатюр армянских художников в книжной живописи: уровень мастерства свидетельствует о том, что расцвет миниатюры сопровождал общий расцвет армянской культуры в раннесредневековый период.

5. Музыка

В Армении с возникновением раннефеодальных отношений формируется армянская христианская церковь, которая, выполняя роль официального идеолога феодализма, берет под свой контроль армянскую культурную, в том числе и музыкальную жизнь. Она борется, в частности, против отражающих языческое жизнеощущение устно развивающихся крестьянских и гусанских песен, противопоставляя им церковную, первоначально аскетическую музыку, а после изобретения письмен также и армянскую новорожденную, в языковостилистическом отношении сознательно основанную на светском искусстве духовную песню. Объективным результатом этой борьбы является то, что в течение веков постепенно меняются этические понятия как крестьян, так и гусанов, что, в конечном итоге, находит свое выражение и в крестьянских и в гусанских песнях.

Независимо от этого в Армении в период раннего феодализма продолжают процветать ветви светской музыки. Музыкально-поэтический опыт армянских крестьян настолько обогащается, что особое внимание древних историографов привлекает умение простолудина симпровизировать песни по разным случаям (в частности — сатирические, называемые "шер", "срич" и т.п.)¹. А изучение древних слоев армянских народных песен показывает, что в период раннего феодализма в армянском песнетворчестве заметно увеличивается роль лирического и лирико-драматического начала². По всем данным, именно в этот период армянские (ново-

го типа) городские песни и пляски, ответвленные от крестьянских, начинают обнаруживать иной (по сравнению с последними) колорит и оттенок, в частности оттенок более субъективной лирики и новое качество отшлифовки формы³. Серьезные сдвиги происходят в области эпического и гусанского песнетворчества в целом. Создаются и кристаллизуются большой народный эпос, известный под названием "Персидская война", и примыкающая к нему более локализованная "Таронская война", в которых художественно повествуется вековая борьба Армении с Сасанидской Персией⁴. А несколько позже, к концу рассматриваемого периода, армянское эпическое песнетворчество, как бы собирая все свои силы идейно-художественного порядка, порождает эпопею "Сасна црер" ("Удальцы Сасуна") или "Давид Сасунци" ("Давид Сасунский"), где обобщаются лучшие достижения многовекового искусства виписанов.

Заметно возрастает роль гусанов как в быту крестьянина, так и в жизни дворянина. Согласно 12-му канону четвертого собора в Двине, "некоторые из азатов и простых всадников, прибывая в какое-нибудь селение, оставляют село и живут в монастырях и в обителях святых, оскверняя священные божьи места певцами-гусанами и танцовщицами-вардзаками, что для христиан страшно слушать, тем паче совершать"⁵. А по свидетельству Ив. Мамиконяна, один из князей Арцруни подарил своему любимому гусану даже два доходных села⁶. Судя по ряду характерных высказываний древних мыслителей, а также по наличию в ранне-средневековых духовных песнях виртуозных пассажей инструментального типа, идущих от гусанского вокально-инструментального искусства, в последнем к II-III векам формируются насыщенные фиоритурами концертные жанры. Талантливейшие из гусанов приобретают славу во всей Армении и даже за ее пределами.

Особо следует отметить, что в ранне-средневековой Армении развивалось светское гусанское музыкально-поэтическое и вокально-инструментальное искусство⁷.

Об инструментарии ранне-средневековой Армении дают нам представление армянский перевод Библии, авторы которого свободно употребляют ряд хорошо известных широким кругам названий как-то: кнар (цитра, лютня, вообще струнный щипковый), сринг (свирель, флейта), цинцха (кимвалы), тавия (арфа), пол (труба, дуда, вообще духовой инструмент), джнар (лира), ехджор (или ехджерарох - рог), зангак (колокол, колокольчик), тымбук (барабан - рамообразный, двухсторонний и т.д.). К ним нужно

прибавить: паркапызук (волынка), ергюн (многоствольная флейта), шепор (длинная серебряная труба), ергеон (гидравлический орган) и галарапох (изогнутая труба). Из рукописных материалов по содержанию восходящих к раннему средневековью, следует обратить внимание на изображения гусанских ансамблей.

Значительную часть названных инструментов в основном применяли гусаны. Но небольшие группы из числа их в той или иной мере и форме применялись в быту всех слоев населения страны.

Духовное музыкально-поэтическое искусство до начала столетия пережив этап брожения и первичных накоплений, образовавшихся в условиях тесных отношений с греческими и сирийскими центрами христианства и на фоне богатых и чрезвычайно живучих музыкальных традиций языческой Армении, благодаря созданию армянских писмен быстро обретает свою почву и поднимается до степени профессионального искусства страны. Далее оно претерпевает сложную и длительную эволюцию и наконец прочно утверждается как одна из национально-самобытных областей восточно-христианского культурного мира, занимая положение несколько восточнее (по духу и форме) в сравнении с византийской церковной поэзией и музыкой.

После принятия христианства в Армении одной из важнейших областей деятельности церковников, получивших греческое или сирийское образование, был устный перевод доступных народу зачал, молитв и, в частности, псалмов (составляющих главнейшую часть служений часов, а также литургии того времени), даже в самой церкви⁸, так как служба велась на чужих народу языках⁹. Молитвы и в особенности псалмы, которые переводились устно, народ (его верующая часть) учил наизусть¹⁰ и пел, естественно, основываясь на собственной вековой музыкальной практике¹¹. Так возникло и, по крайней мере к середине IV века, прочно укоренилось в Армении народно-национальное направление озвучивания христианских культовых литературных текстов¹².

Непосредственно после изобретения писмен усилиями двух выдающихся деятелей - Месропа Маштоца и Саака Партева, а также их учеников переводятся Библия и другие тексты¹³, в первую очередь - Литургии Василия Кесарийского, а результате чего богослужение арменизируется, вновь упорядочивается и обогащается¹⁴. В это же время, естественно, возникает и необходимость реформы музыкального оформления службы и обрядов,

за что берутся опять-таки Маштоц и Саак, положив в основу церковной музыки армянские традиционные гласы, специально упорядочивая их и обучая им учеников. Церковь даже стихийно присваивает упоминавшееся выше народно-национальное направление псалмопения и кладет его в основу музыкального компонента первого армянского Молитвенника-Восьмигласника¹⁵. Им была Псалтырь, специально отделенная от Ветхого Завета и разделенная на восемь канонов. Этим канонам, каждому из которых присовокупляли библейский гимн-славословие, и соответствовали типовые мелодии древнеармянской (упорядоченной Сааком и Маштоцем) системы восьмигласия, что ясно видно по гласовым обозначениям, сохранившимся в некоторых рукописных псалтырях. Канон в свою очередь, делился на семь так называемых "губха", состоящих от двух до шести псалмов (смотря по объему последних). Три остальных Давидовых псалма (148-150) приводились в качестве необходимого дополнения.

Формируется древнеармянский Часослов с добавлением к содержанию Псалтыри переведенных с греческого словесных текстов двух широко распространенных песен¹⁶ и некоторых оригинальных молитв, ектений и возгласов. Восемь канонов этой Псалтыри-Часослова первоначально были распределены по шести часам церковного дня и пелись в унисон, двумя хорами антифонно по два канона в первый час ночи и в час утренний; и по одному - в часы третий, шестой, девятый и вечерний. При богослужении особо выделялись, во-первых, библейские гимны, имевшие протяжные мелодии и, во-вторых, седьмые "губха" каждого из канонов, называвшиеся "канонаглубхами" (буквально - головная часть канона). Они, в отличие от остальных "губха" канонов, исполнявшихся предельно просто, можно сказать *quasi recitativo*¹⁷, воспроизводились "громким гласом" (բարձրահնչիւն բարձրաձայն), говоря словами католика и мыслителя VIII в. Иоанна Одзнецки.

Описанный Псалтырь-Часослов вплоть до VII-IX веков представлял единственный канонический (официально санкционированный) Сборник-Восьмигласник. Стиль его музыкального содержания (в пределах искусства песенного пения) определялся исполнением псалмов, псалмопением или вообще псалмодическим пением, характеризовавшимся предельно обобщенной образностью мелодического компонента. Псалмопение, как особый вид церковного искусства, в известной мере эволюционировало и позже. Но более перспективной (в условиях армянского, как и византийского и си-

рийского церковного пения) оказалась гимнодия. Связанная с оригинальной духовной песней и неся в себе свежую волну жизненных элементов народного творчества, она в конечном итоге выработала систему средств для более гибкого озвучивания стихов и для художественного воплощения произведений мону-ментального характера. Армянская духовная оригинальная песня возникла сразу после изобретения армянских письмен¹⁸. Отцы армянской церкви, не довольствуясь традиционными песнопениями, сочиняют небольшие поначалу духовные песни - "кцурды", представляющие собою перифразы библейских псалмов и гимнов и генетически связанные с последними также в музыкальном отношении.

Эти "кцурды", до VII-IX веков совершенно свободно проникая в церковный обиход, интенсивно развивались и выросли в самостоятельные гимны, позже называвшиеся "шараканами"¹⁹. Кцурды были своего рода аналогами греческих тропарей и сирийских мадраше. И творческая задача сводилась к тому, чтобы усвоить этот жанр на основе армянского народно-национального мелоса. С целью успешного ее разрешения с особой целенаправленностью изучались греческие и сирийские образцы (из последних, мадраше Ефрема Сирина - в древнеармянском переводе)²⁰. Одновременно, духовенство широко пользовалось языково-стилистическими и другими богатствами, веками накопленными в народной и гусанской музыке. Положив в основу церковной музыки армянские традиционные гласы, оно уже делало самый важный шаг в этом направлении. Ибо благодаря этим гласам от народно-гусанского искусства к церковному песнетворчеству переходили не только ладовая структура музыки и главные принципы развертывания типовых мелодий, но и конкретные мелодические обороты и даже более или менее целостные мелодии. Понятно, что тем или иным путем просачивались также особенности аналогичных гимнодии форм языческого культового пения.

Однако все эти элементы не привели бы к какому-либо органичному результату, если бы армянское духовное песнетворчество не имело своего внутреннего стимула эволюции. Наблюдения показывают, что по мере развития армянского церковного искусства постепенно и последовательно углублялся подход к словесным текстам, озвучиваемым в монодиях. Достигалось же это путем систематического повышения удельного веса и формообразующей роли именно музыкального фактора. Преодолевая некоторую схематичность псалмодических напевов, духовенство до-

бывалось большей эмоциональной насыщенности, теплоты, психологической дифференцированности и яркой образности мелодий в гимнах²¹. При этом оно умело переносило на почву армянского церковного пения влияния и внешние, и идущие от светского искусства собственного народа. Процесс исторической эволюции гимнодии в раннесредневековой Армении, последовательно направленный вверх, таит в себе ряд сложных переходов и зигзагов. В целом, однако, он образует три крупных этапа развития: у столетие – время развития монументального стиля, II–III столетия – период утверждения монументального стиля и перехода к монументально-декоративному и X столетие, открывающее эпоху подлинного монументально-декоративного стиля.

Авторами оригинальных духовных произведений в V веке были Месроп Маштоц (с чьим именем связаны песнопения покаяния, исполняемые во время Великого Поста), Саак Партев (сочинивший песнопения на Воскресенье Лазаря, на Вербное Воскресенье и дни Страстной недели) и их ученики, в том числе: Мовсес Хоренаци, перу которого принадлежит целый ряд песен на Богоявление, на Сретение, на первый день Успения Богоматери и т.д., Иоанн Мандакун, который сочинил песнопение на св. Кивот Господен, и песни посвященные Иоанну Крестителю, апостолам и св. Переводчикам; Степанос Сюнеци (первый), создавший восемь рядов песен на Воскресение Господне и др. Почти все они своим высшим образованием были связаны с большими общехристианскими центрами того времени (Кесарий Каппадокийской, Константинополем, Александрией, Эдессой и Антиохией) и это, несомненно, было одним из факторов, обусловивших расцвет армянского духовного музыкально-поэтического искусства в V веке, в частности искусства кцурдов²². Их творчество, и в той его части, которая сохранила хотя бы основные стилевые и композиционные особенности также музыкального компонента, являет интересную картину различных (по складу и фактуре) малообъемных форм (хоровых и сольных). Тут и простейшие силлабические номера, и более кантиленные образцы²³, и структурно-протяжные песни²⁴, и даже произведения, через которые позже осуществляется переход к импровизационно-протяжным монодиям²⁵.

Шестой век – период новых внутренних накоплений и внешних сближений в истории армянского духовного песнетворчества. Это то столетие, когда Византия окончательно обращает свое культурное лицо к христианскому Востоку, а армянская действительность с ее грекофильским течением, философами, грамматиками и

и риторам более тесно связывается с эллино-византийской. В Армении внимательно следят за кристаллизацией в византийской музыке более объемного и сложного жанра по сравнению с тропарями – жанра "кцурда" или "кондака". Ближе знакомятся с творчеством одного из величайших византийских поэтов-музыкантов – Романа Сладкопевца. И, что не менее важно, ведутся серьезные работы в направлении совершенствования дела высшего образования на месте²⁶.

Так подготовлялся следующий период подъема гимнодии. Начало глубоких сдвигов знаменует высокохудожественное произведение Комитаса Ахцеци "Души, посвятившие себя". Выделяющееся искусно размеренным словесным текстом (написанием алфавитным акростихом) и, соответственно этому, организованным ритмом и яркой песенной мелодией, произведение это создает новый уровень в армянском духовном искусстве и придает ему новые стимулы развития²⁷. На творческую арену выступает ряд других поэтов-музыкантов, прочно утвердивших песенно-кантиленное начало: Аняния Ширакаци, сочинивший большинство песнопений на Воскресенье, песни на первый день Преображения и на первый день Пятидесятницы; Саак Дзорапореци, создавший большую часть песнопений, вошедших в каноны Церкви и Кресту; Иоанн Одзнец – автор гимнов, воспевавший пророков и апостолов, и др. Число новых, оригинальных, созданных в условиях свободного проникновения в обиход песнопений так увеличивается, что возникает необходимость канонизации признанных церковью произведений. Это поручается известному песнетворцу и теоретику VI века Барсегу Тчону, который и осуществляет одну из первых попыток составить собрание армянских оригинальных духовных песен. По всей вероятности, ему же принадлежит и опыт упорядочения гласов этих песнопений.

Благоприятные условия для более широкой деятельности в этой области появляются в первой половине VII века, когда армянская церковь осуществляет последние значительные мероприятия по примеру греческой. Это – систематизация гласов оригинальных песнопений (с учетом главных положений общехристианского восьмигласия); внесение в церковное искусство жанра канона (состоящего из 8 – 9 од, относящихся к одному и тому же церковному празднику; и одобрение идеи целесообразности разработки и применения системы хазовых (невменных) знаков для записи обиходных мелодий. Инициатором соответствующих работ выступает поэт-музыкант и ученый, автор ряда гимнов, по-

священных мученикам и всем усопшим, Степанос Сюнеци (второй). Его плодотворная деятельность проходит в условиях всеобщей научной и творческой активности. Более высокого уровня достигают высшие школы Сюника, Айриванка, Гехарда и Макениса²⁸. Широко обсуждаются вопросы обрядов и служб²⁹. Составляются новые ритуальные книги³⁰. Наконец, на поприще музыкально-поэтического творчества выделяются, кроме Степаноса Сюнеци, его же талантливая сестра Саакдухт, его одноклассник – выдающийся музыкант Гырзик Айриванеци, одареннейшая поэтесса-композитор Хосровидухт и др., развившие мелизматический стиль пения.

Стиль этот, своими истоками связанный с Востоком вообще, в армянской церковной музыке пустил корни еще в V веке. Практика распевания, а иногда и растягивания слогов даже в древнейших структурно-протяжных гимнах и тенденции разукрашивания типовых мелодических оборотов в песнопениях праздничных органично подготавливают мелизмы произведений VIII столетия и появление импровизационно-протяжных монодий. Последние отличаются свободным использованием мелизмов, украшений и многозвучных юбилеев, как это имеет место в известном гимне Хосровидухт "Дивлюсь я" ("Զարմանալի է ինչ"). В этот же период заметно интенсифицируется и процесс становления жанра более свободного от канонов армянской духовной музыки – жанра тагов – концертно-виртуозного характера праздничных монодий широкого дыхания, относящихся к области мелизматического стиля пения.

Со второй четверти VIII века, вследствие тяжелого политического и экономического положения Армении, весьма затрудняется развитие армянской музыкально-культурной жизни. Девятое столетие, однако, имеет важное значение, как в смысле утверждения предыдущих достижений, так и в смысле подготовки начинающегося в X веке подъема. По данным, сообщаемым Ст. Орбеляном, высшая школа Татева в 896 году была полна "многочисленными философами музыки"³¹. В Севане католикос Маштоц I Еливардеци упорядочивает одну из главных ритуальных книг – "Маштоц" (Требник, Эвхологий). Делаются первые попытки хазовых записей. В X веке, особенно в "период столетнего мира", естественно, движение это еще более ширится. Расцветают новые школы (высшего типа), как, например, Нарецкая³², появляются новые маститые музыканты, как Анания Нарекаци; упорядочиваются другие ритуальные книги, в том числе Тонацуйц (Типик) и Айсмавурк (Четыр Минеи).

Однако X век по своему музыкально-историческому содержанию является отнюдь не простым продолжением начатого в предыдущем столетии движения. В благоприятных условиях этого периода, с одной стороны, завершается путь профессионального песнетворчества раннесредневековой Армении с возникновением крупных явлений обобщающего характера (заключавших в себе накопления предыдущих веков), с другой – эти же явления, содержащие и много качественно новых жизненных элементов, одновременно знаменуют начало подъема армянского искусства эпохи развитого феодализма. Такого рода явление представляет собой, в частности, музыкально-поэтическое творчество Григора Нарекаци – сына выдающегося деятеля средневековья, знатока профессионального песнетворчества Хосрова Андзеваци, питомца Нарецкого монастыря и воспитанника "философа" (музыки) – Анания Нарекаци. Исследование все более и более приводит к заключению, что Григор Нарекаци, "первый великий поэт" Армении, тот, который своим творчеством гениально возвысил армянскую поэзию, "резюмируя все то, что было выражено в духовной лирике предшествующих веков"³³, и как музыкант сообщил огромные стимулы развития армянскому средневековому профессиональному песнетворчеству, особенно своими тягами, этими развернутыми монодиями типа концертных арий.

Из многочисленных тагов Григора Нарекаци до нас (со своими мелодиями) дошли только пять: лирико-драматический "Очи-море" (на Рождество), величественный таг "Птица", спокойно-величавый "Телега идет с Масис-горы", лирико-созерцательный "Птице, птице" (все три – на Воскресение), и ораторско-вещательного характера "Глас грозный" (на Воздвижение Креста). Но и этого достаточно, чтобы составить хотя бы примерное представление о могучем творчестве Нарекаци и утверждать, что оно являет собой один из ярких и значительных разделов как армянского, так и восточно-христианского средневекового искусства в целом.

Таков вкратце путь становления и развития армянской музыки во второй половине I тысячелетия н.э., утвердившейся в восточно-христианской культуре как национально-самобытное по духу, языку и стилю искусство. До известной степени стало ясно, как на этом многовековом пути армянская музыка могла впитать многое, шедшее от местных культур Армянского нагорья, Кавказа и Закавказья, Ближнего Востока и Малой Азии, от

культур Ахеменидской Персии и Сасанидского Ирана, Греко-Римского мира и Византии, и приспособить заимствованное к нуждам собственного роста. Это уже является важным достоинством. Однако есть основания утверждать, что армянская музыка не только испытывала, но и сама оказывала немалое влияние на искусство окружающих стран и народов, внося ценный вклад в синкретическую музыкальную культуру Ирана и Византии.

Вопрос о роли, которую сыграли в прошлом подвластные Ирану народы, в том числе армяне, в формировании его (Ирана) музыкальной культуры, вообще говоря, один из неосвещенных. Специально не изучена даже более доступная и весьма обещающая тема армяно-персидских литературных связей³⁴. Мы здесь можем довольствоваться указанием лишь на два-три характерных факта. Персидское название, устоявшееся еще в языческие времена праздника весны "Баргандан" (всюду проводившегося в сопровождении пения, плясок, игры на инструментах и зрелищных представлений) является заимствованием из армянского языка³⁵, где оно ("барекендан", букв. — доброе возрождение) сохранилось по сей день, в качестве простонародного наименования христианского праздника Недели Сыропустной, т.е. в значении, соответствующем масленице. В VI веке (до арабского нашествия), когда при содействии персидского царя Хосрова II ценителя искусств в Ктесифоне предпринимают канонизацию светской музыки, из Армении приглашают армян-музыкантов. С их участием и теоретически осмысливается так называемый "Хосров" (т.е. восточный) стиль. Два крупных музыканта утверждают это: Перс Барбад, знаменитый лютнист VI века³⁶ и выдающийся армянский певец Саргис, который был хорошо известен и при персидском дворе³⁷. Наконец не исключено, что примерно в этот же период в научных кругах Ирана было составлено представление о результатах изысканий греков в области музыкальной акустики благодаря трудам Анания Ширакаци.

Что касается вопроса о прямых либо косвенных влияниях элементов армянской национальной культуры на формирование и развитие византийской духовной музыки, то он не менее сложен, чем предыдущий³⁸. Нам представляется, что дорога к разрешению его в известной мере проложена. Прежде всего необходимо отметить, что описанный выше армянский Псалтырь-Часослов с его восьмью канонами и соответствующими им

восьмью гласами — древнейший из известных науке сборников-восьмигласников. Сирийская и византийская псалтыри имели иную структуру³⁹. А Восьмигласник не только времен Иоанна Дамаскина, но составленный патриархом Северием Антиохийским (V-VI вв.), были сборниками оригинальных (а не библейских) песен.

Далее следует обратить внимание на состояние византийской музыки в период иконоборчества. Известно, что движение это нарушило (и надолго) непрерывность эволюции восточно-христианских традиций в византийском искусстве. Уничтожались старинные рукописные сборники гимнов, предавались забвению произведения Романа Сладкопевца (+ после 555 г.), преследовались его последователи, поэты-музыканты Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, патриарх Герман и др. Армения не знала иконоборчества. И в то время, как в Византии отвергались произведения великих песнетворцев-иконопочитателей, выдающийся музыкант Гързик Айриванец (VIII в.) в своем творчестве "расширял", "развивал" и "расцветивал" мелодии песен Романа Сладкопевца, распространенные в свое время в Армении. Учитывая, с одной стороны, данные о характере музыки гимнов Сладкопевца, близкой к речитативу, и с другой — то обстоятельство, что произведения Гързика и его современников Степаноса Сюнеци и Саакадхут, написанные в формах "меседи", "стохоги", "меледи" несколько позже были занесены в сборники мелизматических песен, называемые "Манрусум" и "Гандзаран", можно прийти к естественному заключению: "расширяя" и "расцветивая" (по словам историка) мелодии Сладкопевца, Гързик по существу развивал мелизматический стиль пения.

Самое примечательное в том, однако, что когда с середины IX века, благодаря стараниям Федора Студита и братии Студийского монастыря византийские музыканты взялись за восстановление прерванной линии восточнохристианских традиций и развитие мелизматического стиля пения, они обратились к творчеству именно Романа Сладкопевца⁴⁰ и к тому же методу переинтонирования ("расширения" и "расцветивания") мелодий его гимнов.

Армянские музыканты опередили византийских в разработке мелизматического стиля пения (что объясняется также более тесными связями Армении с Востоком вообще), и это не должно было пройти мимо внимания византийских песнетворцев.

Итак, говоря о вкладе армян в развитие византийской музыки и, тем самым, также восточнохристианского искусства, мы должны выделить три момента: участие армян еще в первые века

н.э. в закладывании основ народной ветви церковного пения на Востоке; составление отцами армянской церкви в начале V столетия оригинального по структуре Псалтыри-Часослова-Восьмигласника (что относится не только к практике, но и теории христианской музыкальной культуры); и, наконец, важная инициатива в деле разработки мелизматического стиля пения.

Другим критерием внутренней содержательности, значительности и объективной ценности описанного выше длительного исторического процесса становления армянской музыки, безусловно, является факт возникновения музыкально-эстетической и теоретической мысли в языческой Армении и дальнейшего ее (мысли) развития в эпоху раннего средневековья.

6. Театр

В странах Передней Азии, с исчезновением античного классического театра, на развалинах эллинистических традиций (IV-V вв.), формировалась театральная культура иного типа, в дальнейшем именуемая средневековой. Прежде чем укорениться в Западной Европе (IX-XII вв.), средневековый театр прошел своеобразный путь развития в Каппадокии, Сирии, Византии, Армении (IV-XV вв.).

Жизнь феодального общества внешне выглядит подчеркнуто-театрализованной. Она представляет своеобразную театрократию — совокупность зафиксированных обычаев, ритуалов, этикетов. Церемониальность выступает тут как необходимым социальный акт, регулирующий человеческие отношения. Однако театральность общественной жизни не отождествляется с театральным искусством той же общественной среды, как бы ни была неоспоримой их внутренней связь. В средневековой городской жизни театр фигурирует как автономное явление, свободное от религиозных и бытовых целей. Театр занимает особое место в художественном сознании феодального общества, не сливаясь с его официальной идеологией. Его нельзя смешивать ни с церковной литургией, ни с народными ритуалами и играми. Армянские средневековые авторы пользуются для его обозначения специфическим термином *րիւր*, заимствованным от древнегреческого слова *θέατρον* и сирийского *tatrā*.¹ Этот термин не относится ни к литургической драме (ранние формы которой в Армении намечаются с V в.), ни к ритуалам другого порядка. Считать литургический цикл прямо-таки театральным искусством спорно. Театральный синтез в нем покоится не на основе конкретного драматического действия и не

служит художественным целям. Служащие литургию не индивидуализированы в качестве сценических образов, а выступают как официальные посредники между молящимися и Господом. Алтарь и занавес символизируют лишь иерархический предел между ними. Подобное соотношение в принципе отличается от соотношения сцены и зрительного зала, хотя и имеется некоторое внешнее сходство. Кроме того, театральные эффекты в литургии предусматривают не столько художественное, сколько религиозное сознание "зрителя". В отличие от воскресной литургии "патарат", к театру сравнительно близка литургическая драма. Однако она формировалась как часть официальных ритуалов и в средние века не называлась театром. На Западе литургическая драма проявляла тенденцию к секуляризации и стала структурной основой мистериального театра (XII-XV вв.). В армянском средневековье она сохранилась в традиционном виде и тем самым недостаточно театральна. Все данные вынуждают пока только предполагать о существовании церковного театра в средневековой Армении и обращаться лишь к терминам театральность и театрократия. К подобным категориям относятся также народные ритуалы и празднества, составляющие необходимую часть общественного быта. В народных играх, весьма богатых действием и зрелищностью, не разделены функции исполнителя и зрителя, не определены грани между объектом и субъектом воспроизведения. Народная игра, в сущности представляет собой одну из ступеней средневековой театрокрации с присущими ему культовыми, утилитарно-бытовыми, отчасти и художественными функциями.

Средневековый армянский театр по существу не средневекового происхождения. Его корни уходят в далекое прошлое фольклорно-игровых традиций армянского народа. Весь театральный мир раннехристианской эпохи восходит к двум началам — к нисходящей линии позднеантичных театральных традиций и переднеазиатскому игровому, песенно-эпическому фольклору. Античные традиции не оказали существенного влияния на армянский театр раннего средневековья, хотя с греческим театром армяне были знакомы еще в I в. до н.э. Греческий театр проник в Армению на последнем этапе своей истории. Эта эпоха позднего эллинизма, когда в Атике оставались лишь воспоминания от классического театра, а в республиканском Риме угасали последние возгласы политической трагедии (претекстата). В начале нашего летоисчисления общественная почва драмы была поколеблена, и развивающимся театральным жанром был мим, который остался в

наследие раннему средневековью. Раннесредневековая культура развивалась в виде преобразования античной культуры, однако эти два мира разобщены в социально-мировоззренческой основе: в этом разобщении основную роль сыграло христианство. Театр в раннем средневековье возвращается к своим фольклорным первоосновам².

Армения находилась в греко-сирийско-коптской, то есть восточной части христианского мира, где феодализм должен был развиваться раньше, чем на латино-кельтско-германском Западе. Начало армянского средневековья следует за конечной датой истории древнего мира (300 г.), намеченной Энгельсом³. 301 г. — дата принятия христианства как государственной религии в Армении. По меткому замечанию проф. Н. Адонца, "классическая страна феодализма, Франция, в пору расцвета феодальных порядков представляла такую же картину, как аршакидская Армения"⁴.

Как в странах Западной Европы, так и в Передней Азии социальной почвой средневекового театра был торгово-ремесленный город. Периоды расцвета армянского средневекового театра совпадают с периодами развития городской культуры. Его хронологические границы — начало IV — конец X вв. (1668 г. — начало армянского школьного театра, 1730 — начало классицистической драматургии.)

К исходу античной и эллинистической культуры прерывается связь литературы и театра. Пьесы греческих и римских авторов, лежащие в монастырских библиотеках, в раннесредневековой грамматической литературе рассматриваются как эпические диалоги⁵. Античная драматургия для средневековых мыслителей утратила театральный смысл, постольку утрачено было представление о ее постановочной форме. Автор "Книги хрии" Афтоний (IV в.) и греко-византийские толкователи "Искусства грамматики" Дионисия Фракийского — Мелампод, Диомед, Гелиодор, Маркиан и др. весьма далеки от дифференцирования драматического и эпического. К проблеме художественного творчества они подходят с позиций морально-философских воззрений неоплатоников и их раннехристианских последователей. Кажется, некоторые из них не были знакомы с подлинными текстами античных трагедий, а имели под рукой их ораторскую интерпретацию христианского содержания. В грамматическом толковании, приписываемом Маркиану, комедиограф Менаандр (ок. 343 — ок. 291 до н.э.) считается сочинителем трагедий-тренодий (ῥήνυδία)⁶. Книжным суждениям греко-византийских грамматиков следуют и армянские

толкователи Дионисия Фракийского — Давид, Аноним, Мовсес Кердол, Стефанос Сюнеци, Амам Аревелци, Григор Магистрос⁷ и др. В их дефинициях и примерах отсутствует хотя бы далекое представление о драматическом действии. Однако в исследованиях по истории древнего и средневекового армянского театра абстрактные морально-эстетические суждения грамматиков-схоластов представлены как прямые свидетельства о существовании театра классического или эллинистического типа в раннесредневековой Армении⁸.

Древнегреческому слову τραγῳδία в армянском переводе риторического трактата Афтония ("Книга хрии") и в схолиях к "Грамматике" Дионисия Фракийского соответствует слово յըբըրգուրիւն (волбергутюн), которое, по мнению историков армянского театра, является древнейшим наименованием трагедийного театра в Армении.

Заменяя греческое слово τραγῳδία новым литературно-грамматическим термином յըբըրգուրիւն, раннесредневековые армянские грамматики в сущности отождествляли его с другим понятием — жанром ῥήνυδία примыкающим к древнегреческой элегии. Слово յըբըրգուրիւն (ῥη — плач вопль, երգ — песнь, волбергутюн — плачепение, воплепение) является структурно-смысловым отражением греческого ῥήνυδία (ῥήνυος — плач, ыр — песнь, тренодия — плачепение) и вошло в литературу в конце V в. В ранних памятниках древнеармянской литературы (Агатангелос, Фавстос Бузанд) этого слова не встречаем. Формально соответствуя в переводных текстах слову оно, однако, не является театральным понятием так как в раннем средневековье античная трагедия воспринималась в литературном, а не в театральном аспекте.

Если Давид всецело исходит из перевода "Грамматики" Дионисия Фракийского, если Стефанос Сюнеци свое самостоятельное понимание приспособливает к риторическим канонам Дионисия Фракийского или пользуется уже аберративными суждениями греческих толкователей (Маркиан)⁹, то толкователь XIII в. Есаи Ничеци непосредственно обращается к смыслу слова յըբըրգուրիւն понятного для армянской действительности ("Волбергутюн называется у нас скорбь, смешанная с мотивом надежды")¹⁰. Стефанос Сюнеци и другие толкователи имеют в виду средневековую поэзию трагического характера, которая по содержанию и по форме была похожа на прообраз древнегреческой элегии, явившейся фольклорным жанром, именуемым ῥήνυδία или ῥήνυος. Тренос — одна

из первоначальных форм древнегреческой устной поэзии. В период ранней классики тренос приобрел литературную форму (элегия). Греческие толкователи Дионисия фракийского, считающие трагедию надгробной скорбью, взяли за основу то обстоятельство, что одним из элементов культа Диониса был тренос. А исследователи нового времени приняли это как свидетельство, не учитывая, что даже самые ранние толкователи Дионисия фракийского — не современники античной классической трагедии. Между ними и классическим переводом древнегреческого театра — более пятисот лет.

Армянские толкователи Дионисия фракийского придают значение не тем элементам дионисовского ритуала, которые существенны с точки зрения определения драматургической формы. В греко-византийских толкованиях их привлекает книжное воспоминание, относящееся к треносу, так как в армянском раннем средневековье были поэты, "образованные риторикой" и сочинявшие скорбные песни. Таким поэтом считался Давид — автор "Стихотворения о Титране". А произведение Давтака Кердола (УП в.) "Плач о смерти великого князя Джуаншера" следует считать классическим примером средневековой трагедийной поэзии. В нем намечены те требования "искусства риторики" ("գրչափսիս գերարիւն"), которые предъявляли грамматик к поэту-волбергаку.

Литературный жанр *ղբ* (волб) или *ղբերգարիւն* (волбергутюн) восходит к древнейшим фольклорным истокам, к языческим погребальным обрядам, в которых немало драматического и театрального: танцы и песни скорби составляли одну из отраслей древнейшего армянского драматического фольклора. Однако драматический фольклор не мог привести к необходимости и тем более постановок на сцене произведений античных авторов. Переводы и толкования философских сочинений античных мыслителей вовсе не создавали условий для усвоения античного театра и драматургии в средневековой Армении. Тем более, языческий погребальный обряд в христианском средневековье не мог перерасти в литературный театр; приняв некоторое христианское содержание, он приобрел более сдержанный облик, постепенно утерав театральные элементы.

В армянских схолиях к "Грамматике" Дионисия фракийского литературный вид волбергутюн представлен в двух наименованиях. Схема Дионисия фракийского обязала армянских толкователей соответственно трагедии и элегии формально подразделить понятия *ղբերգարիւն* и *մեղմուսիւն* (дамбанакан) — создать два названия для одного и того же предмета, сформу-

лировав два определения, различных по форме, но сходных по содержанию. Исходя из позднегреческого или ранневизантийского понимания трагедии (Гелиодор, Маркиан), армянские толкователи привели его в соответствие с понятием волб, а для элегии, точно соответствующей понятию волб, создали термин дамбанакан, который равноценен слову *ἐπιτάφιος* (эпитафия). Субординация терминов и отождествление понятий обусловлено не только схемой Дионисия фракийского. Армянские толкователи, отрываясь от предметного значения терминов, обращаются к абстрактным морально-эстетическим определениям. Дифференцируя литературные виды или жанры, они косвенно подходят к определениям эстетических категорий, вследствие чего трагедия, элегия, эпитафия предстают обособленными как жанры и отождествленными как эстетические категории.

Армянские схолии к "Грамматике" Дионисия фракийского свидетельствуют о христианизации античной литературоведческой мысли и ее приспособлении к средневековым литературным этикетам и "искусству риторики". Создатели армянской ранне-средневековой литературной и эстетической мысли, пожалуй, имели возможность ознакомиться с античной и эллинистической драматургической литературой, но не с древнегреческим театром. Их грамматические труды (в жанре толкования), являющиеся обобщением литературоведческой мысли и эстетических воззрений армянского раннего и классического средневековья, не содержат теории драмы в прямом смысле. Однако в них содержатся косвенные сведения о раннесредневековом драматическом фольклоре и театре.

Понимание театра, как светского вида искусства, у средневековых армянских авторов обобщено единым термином *կատակերգութիւն* (катакергутюн — песнь мимов-комедиантов, или потешная песнь). Этот термин впервые употребляется в древнеармянских переводах "Грамматики" Дионисия фракийского и "Книги хрий". В литературных памятниках, предшествующих эллинофильской школе, имеются слова *կատակ* (катаканк) и *կատակութիւն* (катакутюн), синонимичные рассматриваемому термину. У них общий корень — *կախ* (катак), означающий игрище, потешник, комедиант, мим. Термин *կատակերգութիւն* (*կախ* — игрище, *երգ* — песнь) эллинофильское образование, поскольку основное значение слова принадлежит первой его составной части. Однако в отличие от слова *ղբերգարիւն* (волбергутюн) оно создано на подлинной основе армянского языка и не имеет в гре-

ческом языке своего структурно-словесного эквивалента. Будучи переводом слова *κωμῳδία* и соответствуя ему в слове арменизированных терминов Дионисия Фракийского, катакергутюн лишь приблизительно соответствует ему по структуре.

В средневековых текстах термины *κωμῳδία*, *comædia* и *կոմիկոգրաֆիկ* приобретают универсальное морально-философское значение и относятся в основном к этическим, а иногда и к художественным понятиям. Слово "комедия" у средневековых авторов отождествляется с теми явлениями и понятиями, которые не соответствуют этикетам духовных, официальных, сословно-классовых и индивидуальных отношений, утвержденных в средневековом обществе. Комедийное отождествляется с повседневным, безобразным, "аморальным", свободным от этических норм, отношением к созданной богом действительности. В соответствии с этим комедией именуется вообще светская бытовая тематика в литературных и фольклорных жанрах, а также в театрально-зрелищных явлениях. Все эти значения взаимообусловлены, ибо в средневековом мышлении моральные и эстетические понятия не дифференцированы.

Под словом *κωμῳδία* греко-византийские толкователи Дионисия Фракийского имеют в виду комедию периода упадка эллинистического театра и мим, которые переживали подлинный расцвет в Византии и в ареале ее культурного влияния. В армянских толкованиях Дионисия Фракийского установлено риторическое понимание комедии и комедийного. Это теоретическое обоснование школьной дисциплины *κωμικὴν ἡθικὴν* (ара-спелаваржутюн), преподававшейся в средневековых духовных академиях. Так называлось чтение и толкование притч или народных новелл. Грамматики-толкователи к этому ряду относят также басни Олимпиана, нравоучительные сюжеты из Ветхого Завета и евангельские притчи. С этой точки зрения, многие страницы армянской средневековой художественной прозы, которые сохранились в риторической обработке, являются примерами средневекового понимания комедийного, как морально-эстетической категории и литературного вида.

Об отождествлении комедии с народной сатирой сообщает Стефанос Сюнеци (+ 735). Согласно установленному Сюнеци риторическому канону, в толковании притч и назидательной прозы следует имитировать стиль народной сатирической речи "*ἡ κωμικὴ γὰρ ἐστὶν ὁ ἐπὶ τῷ χάρει λόγος*" ("еперекан чар"), имеющий ясно выраженный театральный характер. Нас интересует не столько театральные при-

знаки средневекового "искусства риторики", сколько объект сравнения его теоретиков. Рассуждения Стефаноса Сюнеци и других грамматиков относятся к театру, который в их терминологии называется *κωμικὴν ἡθικὴν* ("катаканц нуагел хосис" — песнь и речение комедиантов)¹². А древнегреческое слово *βῆσις* у них передано через *աշխարհորեն* (ашхарорен), что означает по-мирскому.

Синкретический фольклор средневековья, который предполагает элементы театрального действия, Стефанос Сюнеци прямо не именует комедией, поскольку слово катакергутюн являлось литературным термином, и в народном говоре не так назывались мирские (светские) игры и сказы. Стефанос Сюнеци называет катакергутюном риторические притчи, библейские сказания, историко-эпические предания "о древних и новых, о язычниках, об иудеях и христианах"¹³, сравнивая их с устным народным творчеством и театральным фольклором. Однако интересующее нас свидетельство Стефаноса Сюнеци заключено в слове *κωμῳδία* (арнэл) — делать, исполнять, представлять, превращать, готовить, поправить. От слова *κωμῳδία* происходит принятое в театральной терминологии XIX в. слово *κωμῳδία* (арар-акт). Между тем, предшественник Стефаноса Сюнеци, толкователь Дионисия Фракийского Амам Арелелци (жил в IX в.) обратился к более общему слову *κωμῳδία* (дзевацианэл — перевоплощаться, представлять). И если добавить к этим словам риторические наставления вардапета Иоанна Ерзнкаци или Цорцорец по прозвищу Плуз (ок. 1250-1326), "исполнять в действии и чтении" и "представлять по облику каждого"¹⁴, то картина будет более чем ясной: рассуждения армянских грамматиков "о чтении" относятся не только к "искусству риторики", но и в равной степени к объекту сравнения — народному театру своего времени.

Армянские толкователи Дионисия Фракийского называют комедиантов "гусанами", "катаками" и "шарасацами". Последнее слово (менее употребительное в литературе) происходит от слова *շար* (шар — песнь ср. груз. "шайри"). Будучи своеобразным песенным жанром, шар создавался не в отдельности, а в театральном контексте. Древнейший образец этого жанра приведен в книге "История Тарона" Иоанна Мамиконяна (XIII в.): "Навстречу им вышли хоревты и, воспевая многие деяния, славили их, а затем на вловение трупов песню (*շար*) сочинили"¹⁵. Это своеобразная параллель или средневековый пережиток сатирического хора. К этому жанру относится также средневековая песня "Են

соль земли". Слово Христа, обращенное к апостолам, катаки превратили в иронию:

Солью чистейшей был сатана на небе,
Надменностью он стал бессмертным
И превратился в сор на гнушение.
Солью был Адам в раю,
Пока не переступил законы... I6.

Именно в подобных песнях, сочиненных в театральном развлечении, армянские комедианты – катаки "порицали зло и восхваляли добро" "гласом своим ироническим". Эти песни созвучны французским фавлю и немецким шванкам (XII–XIII вв.), которые пели бродячие жонглеры на рыночных площадях и в местах сборищ.

Грамматики раннего средневековья комедией называют не только все виды и жанры устного творчества и народной сатиры, но и древнейшие эпические песни, именуемые *հազմերգերի* (агнергутюн). Этим термином обозначаются мифологические и исторические сюжеты, исполняемые актерами средневекового площадного театра – гусанами (слово *գուհի* в словарях древнеармянского языка соответствует древнегреческому слову *μῦθος*). Этот вид народного хороводного искусства, названный *սիրի ցիր-սիրի ցիր* ("такх паранцикк ергоц" – эпическая песнь в хороводах) в грамматической литературе прямо сравнивается с древнегреческой рапсодией (*ῥαψῳδία*). Древнегреческие понятия *κωμῳδία* и *ῥαψῳδία* весьма далеки друг от друга, как литературные жанры, однако их армянские эквиваленты (по толкованию грамматиков) имеют одно общее означаемое (десигнат). Мовсес Хоренаци (V в.) называет рапсодией (*հազմերգերի*) цикл эпических песен о царе Тигране, "о котором рассказывали старцы наши, что пели с бандурой" I8.

Свидетельство Хоренаци дополняется словами Аракела Сюнеци (XV в.): "рапсодию эту поют с пляской в хороводе" I9. Стихотворное описание рапсодии приведено в одном из анонимных толкований Дионисия Фракийского:

Пляшут все, прыгая, хлопая руками,
И ходят, образуя хоровод.
И игру в театры затеяв,
Двигая тело извиванием,
Песнь разгульную слагают²⁰.

Толкователь грамматики позднего средневековья приводит этот отрывок средневековой народной поэзии в качестве иллюстрации фольклорного жанра агнергутюн.

Итак, отождествление комедии *հազմերգերի* с рапсодией *հազմերգերի* не является результатом беспредметных суждений грамматиков, а имеет реальную почву в лице площадного театра раннего и классического средневековья. В одинаковых дефинициях этих понятий (у грамматиков) косвенно определяются основные специфические особенности раннесредневекового армянского театра, выявляются его сходные черты с древней хороводной драмой и восточными эпическими традициями.

Фольклорные источники "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци своими жанровыми или видовыми наименованиями представляют общую картину синкретического фольклора раннего армянского средневековья. Среди них упоминается и древняя хороводная драма под специфическим названием "*երգի ցույց և արար*" ("ергк цюц ев паруц")²¹. Приблизительное толкование этого понятия мы находим почти во всех исследованиях, относящихся к вопросам древнейшего армянского фольклора. Однако трактовка его нам представляется незаконченной и во многом спорной. К этому наименованию Хоренаци обращается в VI главе первой части "Истории" по поводу устных сказаний о возникновении народов и топонимии, сообщаемые в более древних литературных источниках и народных преданиях. Хоренаци представляет лишь контуры этого цикла преданий. По Эмину, этот цикл передавался в театральной форме "во время представлений в плясовых песнях"²². Юрий Веселовский, который прочел "Историю" Хоренаци в переводе Эмина, замечает, что "этот лаконичный отрывок допускает много толкований и может служить источником различных заключений относительно драматизма в народной поэзии древних армян"²³. Это лишь общее предположение, которое нуждается в уточнении.

Итак, *երգի ցуу և արар* предполагает органическое единство четырех элементов художественного выражения – *նուգ* (нуагк – музыка), *երգ* (ергк – песнопение), *уу* (ууц) и *ар* (пар). В последних двух словах, "допускающих много толкований", было замкнуто искомое явление. Их совместное употребление предполагает некую эквивалентность, в которой обе стороны тождества и различия уравновешены на единой интегральной основе. Учитывая, что предметы и понятия исторически более подвижны, нежели их наименования и значения, мы обратились не столько к словарным значениям слов, сколько к их историческим контекстам. Слово *երգ* (ерг), будучи объединяющим

моментом в предполагаемом явлении, означает песнь, сказ, речь, сюжет, тема. В песне или сказе уравновешены две силы хороводно-драматического действия – пар и цуцк. В древнеармянском переводе Библии, а также в других переводных текстах (Дионисий Фракийский, Иоанн Хризостом, Платон и др.) слово *цшр* соответствует древнегреческому *χορός*. Являясь словарными эквивалентами, оба они соответствуют еврейскому слову *hēbel*, сирийскому *ḥabā* (вереница, стая).

Библия была переведена на древнеармянский язык с сирийского, затем и с древнегреческого (V в.), и все языковые эквиваленты в ней уточнены. Поэтому данная конфигурация значений походит на четырехгранный кристалл, четыре зеркала которых имеют одинаковый друг к другу наклон и отражают одну и ту же картину. По Словарю древнеармянского языка ("Нор Айказян"), *цшр* и *χορός* имеют одинаковое значение – "толпа, кружащаяся в танце с песней"²⁴. Это объяснение заимствовано из Платона: "Искусство хоровода всецело состоит из песен и плясок"²⁵.

В древнеармянском переводе (VI в.) сочинении Платона это предложение имеет тот же смысл, однако передано более точно: «*ἡ ὄρεῖα (χορεία) ἦν ὡς χοροῦσις (ὄρχησις) ἢ ἑρμῆς (ῥήσις) ἢ ἡμετέρας (ἑυνοίας)*»²⁶.

По всем данным древнеармянской переводной и оригинальной литературы, слово *цшр* является исторической параллелью древнегреческого *χορός* – а. Древнейшие циклы армянских исторических преданий, эпических песен и мифологических сюжетов, приводимые в "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци, подвергались хороводно-мимическому воспроизведению, исполнялись в кругообразном движении хора, как символизации вращения небесных светил – цикличности истории. Это приблизительно тот же хоровод, что по "Законам" Платона, был призван служить олицетворением солидарности моральной воли общества с порядком и гармонией *космоса*. В центре круговорота или напротив дугообразной вереницы хоревтов (*цшр-ḥṛṣṣ* – парергак), в качестве противоположной силы выброшенной на берег из океана жизни, выставлен символ индивидуальной воли в лице протагониста ("первый актер"). Он является обладателем права второго голоса и входит в диалог с хором – обладателем права голоса, который вращается вокруг него вправо с припевом строфы и влево – антистрофы. В армянских народных хороводах по сей день сохранились отголоски хорового диалога и пережитки символических мизансцен под названием "*դուշ ցիւր*" ("дуз пар" – хоровод

вправо), "*րիւր ցիւր*" ("тарс пар" – хоровод влево)²⁷.

В словосочетании "*ḥṛṣṣ ցիւր և ցիւրս*" слово *цшр* (цуцк) предполагает противоположную сторону хорового действия. Это слово является исконно армянским "в переводных текстах не употребляется и в древнегреческом не имеет своего структурного эквивалента. *Зшр* означает показ, представление (не только в визуальном смысле) и выявляется в театральном содержании особенно в сочетании со словом *цшр*. По литературным и фольклорным данным, *цшр* – древнейшее название театра в армянском языке. Оно появилось задолго до заимствования слов *րիւր* (с древнегреческого) и *րиւր* (с сирийского). В слове *цшр* сливаются два значения – мим (*μῖμος*) и мимесис (*μimesis*). В диалектах армянского языка оно сохранилось в двух значениях – комедиант-потешник и театр. Два значения сливаются также в словах мим (наименование жанра и исполнителя) и катек (*կաթիկ* – игрище и потешник). Все слова, составленные *цшр* –ом или происходящие от него (цыцаца – сказанное в театре, показуха, цуцакан – показное), являются далекими отголосками средневекового драматического фольклора и театра.

Под наименованием "*ḥṛṣṣ ցիւր և ցиւրս*" (в русском переводе – хороводно-мимические песнопения) мы склонны видеть одну из древнейших систем драматического искусства, которая сохранилась в армянском раннем средневековье, возможно, и у других народов Передней Азии²⁸. Это один из своеобразных прототипов хороводной драмы, уже отошедшей от культово-религиозных функций. Рассматриваемый материал приводит к убеждению, что хороводная драма в своей первоначальной форме существовала не только в древней Греции. То, что по древнегреческому литературному преданию, было создано Феспидом, в виде драматургической и театральной культуры существовало еще раньше у народов Передней Азии и юго-восточной Европы. Предположение американского театроведа Августа Магга о том, что "Феспид, возможно, был наследником уже созданной традиции"²⁹, подтверждается фактами древнеармянского драматического фольклора. Театр "хороводно-мимических песнопений" (или хороводная драма) перешел в средневековье как художественная система фиксирования и осмысления исторического прошлого и мифологических представлений народа.

Этнографический и фольклорный материал, бытующий среди армян – особенно Западной Армении, сохранил много пережитков драматического фольклора, исполняемого хороводными танцами.

С.С.Лисициан приводит много ярких примеров, из которых здесь приводим пример, связанный с событиями V столетия. В селе Ишханигом Айоцзора (южнее города Ван), по ее словам "совместно с семьей, восемью соседними селами, в местной большой церкви устраивалось целое театральное представление - Вардан Мамиконян цуцмунк - Варданово действо - картина битвы армян с персами на поле Аварайрском в 451 г. Участвовало более 600 человек". С Варданом Мамиконяном связан и другой обычай "На Масленицу, в четверг, в день тезоименитства полководца Вардана Мамиконяна священник посещал именинников - Вардан-ов. Во время пирушек в этот день в Айоцзоре было принято, чтобы священник становился вожаком плясок. Так как в языческую пору этот день был посвящен богу воды - семени Вард-у, возможно, что некогда жрецы его - вардапат-ы плясали с народом"³⁰.

Хороводная драма стала почвой для развития драматического фольклора. Драматический фольклор развивался в недрах древней синкретической поэзии и на песенно-эпических традициях. В его религиозно-мировоззренческих основах приобретает особое значение культ козла. Козел, как зооморфная эмблема древнегреческой трагедии, явление весьма загадочное и таинственное. По фольклорным и литературным преданиям, это культ малоазиатского происхождения. По данным археологического и этнографического исследований, образ козла один из универсальных символов в аграрных культах Передней Азии. Перед тем как попасть на Балканский полуостров, в оркестру аттического театра, этот мифический дух блуждал в Палестине, в Вавилонии, в древнем Израиле, в малоазиатской Фригии, на Кавказе. Культ козломорфного духа рос на роскошном древе древнейших мифологических представлений, корни которого находятся в Двуречье, а ветви и листва простираются к эгейскому миру через Малую Азию. Стилизованную фигуру козла мы находим на памятниках бронзового века (в Гегамских горах, в Сюнике) и на урартских медальонах. Культ козла можно считать местным в Армении, поскольку армянский этнос формировался на путях, лежащих от малоазиатской Фригии до севера Урарту, непосредственно общаясь с древнейшей цивилизацией Двуречья и Передней Азии, порой даже находясь в пределах этого ареала. По упоминанию Агатангелоса, в семи храмах языческой Армении одним из жертвоприношений был козел³¹. В христианские века предались забвению почти все языческие жертвоприношения, кроме "козлиной литургии" на календарном празднике св. Георгия. По апокалипсису

Григора Лусаворича (основатель армянской церкви), приведенному в "Истории" Агатангелоса, козел явился прототипом овцы - символ Христа. А в армянских народных преданиях, сказках, притчах, поговорках козел выступает как дух противоречия, символ конфликта. Шкура его служила "нарядом" некоторых сословий средневековых пустынных монахов; она символизировала пренебрежение человека к роскоши и удовольствию, самолишение, жесткий образ бытия. Это своеобразная метаморфоза древнейшего хора сатиров. Между тем жертвоприношение козла в ритуале христианской церкви стало лишним, ибо жертва (в символическом виде) преподносилась внутри храма, на алтаре, и жертвующий Христос уже явился "козлом отпущения". В народных же обрядах, как в неофициальных компонентах христианских праздников, сохранились некоторые внешние признаки древнейшего языческого ритуала (вкушение мяса жертвы, кутеж, хороводы, игры-диалоги, эквилибристика и т.п.). Цельность ритуала в христианских праздниках предстает в раздробленном виде: жертвоприношение уведено внутрь храма и превращено в сплошную условность, а народная театральность оставлена вне церкви и выглядит пережитком, воспоминанием прототипа древнего драматического фольклора. "Козлиная литургия" тоже осталась вне церкви и со временем отделилась от храма, стала второстепенным мотивом.

Этнографические и фольклорные данные намекают на связь жертвоприношения козла с культом Спандарамета - владыки подземного царства. Теологические словари подсказывают о некоторых сходствах между культами Спандарамета, Деметры, Диониса, об их родстве с фрако-фригийским культом Сабазия и еврейского Азазела. Однако вопрос о том, на какой ступени развития ритуала было изобретено ядро драматического действия или в какой области человеческих отношений драматическая ситуация осознавалась как художественная цель. "Козлиная литургия" совмещала в себе идеи наказания и жертвоприношения, которые на первый взгляд противоположны друг другу, а на каких-то стадиях развития морального сознания человечества оба они явились недифференцированными. В противоречивой символике "козлиной литургии", воплощающей в себе идеи суда и очищения (катарсис) мы ищем структурную основу драматического действия и тем более его социально-мировоззренческую почву. Знаменательна мысль Маркса о том, что предпосылкой греческого искусства является его мифология³². Искусство и мифология являются различными системами по функциям и сходным - по структу-

ре. Мифы и легенды являются структурными элементами в литературе, а сама литература – "перемещенной мифологией"³³. Драматическая игра, или театр, в самом широком смысле этого понятия, есть не что иное, как преобразенный ритуал не столько по структуре, сколько по функции. Его универсальным прототипом являлся литургический суд, ибо жертвоприношение козла в древнегреческом театре эпохи ранней классики служило символической прелюдией драматического действия, а его герои выступали перед зрителем "как поэтизированные – идеализированные козлы отпущения"³⁴.

В быту и фольклоре армянского раннего средневековья символика "козла отпущения" сохранила свой смысл, а христианская литургия (патарак) явилась раздробленной и преобразованной частью прежнего символического акта "козлиной литургии". Смысл суда в нем превратился в идею христианского очищения. Известно, что священными судами заканчивались "элевсинские мистерии" – религиозно-драматические ритуалы доэсхилловской эпохи. В древней Армении, где идеи суда и жертвоприношения выступают во взаимосвязи, издавна существовали "спандараметовы празднества", наподобие "элевсинских мистерий". Судебные диалоги или "судебные игры", сохранившиеся в армянских народных обрядах до новых времен, являются воспоминанием "козлиной литургии". Идея "козла отпущения" со всеми своими метаморфозами столь стара в Армении, что имеем все основания считать ее мировоззренческим истоком многих ритуалов и преданий.

Для возникновения драмы в древнейшие времена и для его существования в средних веках необходимы были следующие условия: а) социальная почва, питающая драматические чувства, б) религиозно-мировоззренческая надстройка, осмысляющая эти чувства; в) культовый ритуал в виде театральной системы. Последние два условия не сохранились полностью в средневековье: они существовали как пережитки язычества. Мужду тем, в раннем средневековье (IV–V вв.) мы сталкиваемся с социальной почвой драматического фольклора. Раннее средневековье не было миром гражданской свободы, однако это было действительно, где "как вообще в феодальной среде, регулятором социальных отношений явились не правовые нормы, а конкретная сила"³⁵, и человек чувствовал себя ответственным больше перед богом, нежели перед своим соплеменником.

Древние и раннесредневековые песенно-эпические циклы
– 430 –

пропизаны драматизмом как по содержанию, так и по форме. В фольклорных фрагментах, приводимых в "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци, намечаются яркие следы хороводной драмы. Драматизмом пронизаны и последующие эпические циклы, приводимые в исторических повествованиях Фавстоса Бузанда (V в.), Себеоса (VI в.) и Иоанна Мамиконяна (VII в.). В раннесредневековых армянских сказаниях предполагаются отнюдь не те комплексы эпического, которые имеются в гомеровских поэмах, Ветхом Завете, древневосточных эпосах, западноевропейских эпических песнях и эпосах. То, что мы называем драматическим, преподносится в контексте древнеармянской традиционной историографии, в литературно-эпической обработке. Атрибуция и литературоведческий анализ некоторых текстовых отрывков, а также упоминания литературных источников, приводят нас к убеждению, что в истоках средневековых эпических циклов пульсирует древняя народная хороводная драма, ставшая профессиональной в раннем и классическом средневековье. Песенно-эпические сюжеты и темы, упоминаемые в "Истории" Хоренаци, были поэтизированы в хороводной драме. Первичные формы рефренов или их вариации имеют хоровое происхождение, так как сочинялись в круговороте хороводов (*Կրթ Կիրիւն* – хороводная песнь):

И вынул аркан из красной кожи с золотым кольцом,
И промчался через реку быстрокрылым орлом;
И метнул аркан из красной кожи с золотым кольцом.

Вариация хорового рефрена в контексте "Истории" Хоренаци приобретает драматическое значение, особенно в сочетании с диалогом, который не вписывается рассказом, не нейтрализуется в стихи повествования. В следующем эпическом отрывке Артавазд судит умершего отца-Арташеса и упорно требует ответа: "Ты ушел, отец, и унес с собой всю страну: на развалинах мне царствовать, что ли?" Нужна была лишь хороводная ситуация, чтобы ответ Арташеса звучал хоровыми рефренами:

Когда ты поедешь наездником
К вершинам далеким, на Масис,
Схватят тебя демоны, повлекут
К вершинам далеким, на Масис³⁶.

Легенда об Артавазде, как о надменной силе, прикованной в пещере на вершинах горы, известна в народе как притча или сказ, в по древнему литературному преданию, она "исполнялась чародеями в театре"³⁷ До упоминанию Григора Магистроса

(XI в.), мифологические и исторические предания исполнялись в театрално-зрелищных формах, "на городских площадях и улицах" и одна из главных тем этих представлений полумифический предок, эпоним армянского народа Айк. Драматические черты эпического предания об Айке сохранились в древнейшем варианте легенды, приведенной в "Истории" Себеоса (УП в.). Предполагается некая связь между драматическим диалогом Айка и Бала и "Айковским представлением", упоминаемом в "Письмах" Григора Магистроса³⁸.

В эпической словесности армянского средневековья эпические элементы повествования либо эквивалентны драматическому, либо слабы, а драматические элементы органически не сплетаются с эпическими. Это особенно характерно для циклов, представленных фавстосом Бузандом и Иоанном Мамиконяном.

Наличие драматизма и драматических диалогов в раннесредневековой литературе не является случайным признаком, а происходит из определенного источника — драматического фольклора. В армянской классической филологии принята точка зрения, согласно которой фавстос Бузанд в значительной мере пользовался "сказаниями, легендами, притчами и цуцками"³⁹, что даже не имел письменного источника. Ситуация в повествовании фавстоса не программирована с той последовательностью, как у Агатангелоса: его герои действуют свободно, в стихии индивидуальной воли и случайности. Это какая-то безбоязненная действительность, где на самом деле не существуют правовые нормы, а есть только конкретная сила. На конкретную силу опирается Аршак: своим подлинным характером монарха и рыцаря он предстает как ранний предшественник шекспировского Макбета и Ричарда. По своему художественному мировоззрению фавстос принадлежит "литературе церковно-политической борьбы" (М. Абешиан), а его источники совершенно иного характера; они пронизаны светским духом раннего средневековья. Фавстос пользовался драматическим фольклором более чем свободно. В его повествовании объективные точки зрения не приобретают того значения, что в эпосе, и порой возникает впечатление, что автор находится на нейтральной позиции, не переживает ситуации, не комментирует и не оценивает их. Это является особенностью образа мышления не столько повествователя, сколько его фольклорного источника. Представление ситуаций в настоящем времени (с позиций индивидуальной воли, от имени "я"), драматическая конкретность диалога, обилие акцентации, однозначность и ясность мысли

подсказывают, что это не условно сочиненное слово, а непосредственное проявление драматических ситуаций, не подлежащих эпическому склонению.

"История" фавстоса в отдельных ее частях, возможно, осталась бы для нас загадкой, если бы мы не встретили аналогичные диалоги в "Истории Тарона" Иоанна Мамиконяна, тоже пользовавшегося фольклорным материалом. В его драматических отрывках герои-соперники пытаются подавить друг друга словами, и ни одного поединка без словесной перепалки не происходит. Это явный признак внелитературной обработки слова. Подобное построение речи происходит из древних форм борьбы и боксирования, которые в средних веках происходили на театрално-цирковых аренах. В "Истории Тарона" повторяется фавстовский принцип построения диалога, только в другом, более народном характере. Сходными являются манера ведения диалога, мотивы иронии, краткость слова, напряженность, целенаправленность — "чего избегать и к чему стремиться" (Аристотель).

Многие песенные, хороводные, а также диалогические отрывки растворились в эпических изложениях древнеармянских историков. Многие сгладились и нейтрализовались в литературной обработке, однако то, что сохранилось, достаточно для познания и утверждения закономерности. Драматичность является одной из доминирующих моментов в древнеармянской исторической прозе. Некоторые косвенные и прямые упоминания средневековых авторов свидетельствуют о том, что историко-мифологические предания представлялись в хороводно-драматической форме на городских площадях или княжеских пирах.

Таким образом, словам "вэп" и "выпасанутюн" следует приписывать более широкий смысл, не ограничивать их значениями эпос и эпическая песнь. "Вэп" в древнеармянском языке означает вымысел, выдуманная история или сюжет, как в эпическом, так и в драматическом значении. Например, смысл выражения "игры похабные и вымыслы спутанные"⁴⁰, относится прямо-таки к театральным зрелищам и драматическим играм. Думается, принятый в армянской филологии термин (эпический фольклор) следует заменить термином эпико-драматический фольклор.

Средневековый театр является самым театральным из театров всех времен, ибо развивался вне литературного слова как доминирующей силы, свой материал и форму приобретал без опосредствования, прямо из жизни. В этом как сила, так и слабость

средневекового театра: сила – в области сценического воображения и слабость в области словесной обработки. Средневековые актеры, возможно, были большими импровизаторами, однако "слышал ли кто-либо, чтобы великие импровизаторы были также великими поэтами"⁴¹. Средневековый театр не создал драматургии до эпохи фарсов и мистерий (XII–XV вв.), однако это вовсе не признак его бедности как зрелища. Основные театральные комплексы вырабатывались именно в долитературном периоде истории театра. Древняя фольклорная игровая традиция в средние века вырастала в профессиональное искусство.

Местом представлений средневековых гусанов и катаков служили не только городские площади, княжеские пиры, но и специальные театральные здания, которые упоминаются в литературных источниках начиная с VII и кончая XIV–XV вв. (Иоанн Майрагомечи, Иоанн Дресханакертци, Григор Марашеци, Матфеос Дугаеци)⁴². Актеры армянского средневекового профессионального театра во многом сходны с западноевропейскими жонглерами. Однако есть и существенные различия, присущие более раннему периоду истории театра.

По сведениям ранних авторов, профессиональное искусство театра изначально развивалось во дворцах армянских царей и феодалов. Вспомним, что малоазийские греческие актеры тоже играли "Вакхейок" Еврипида в Арташатском дворце, после царской трапезы (53 г. до н.э.), что эпико-драматические циклы Арташесидов и Аршакидов были созданы "на пиршествах"⁴³.

Дворцовые гусаны в отличие от народных назывались профессионалами (արվեստագետներ – арвестаканк). Кроме того, слово խմբակ (хиджуйк – пир) в средневековой литературе наперекор употребляется как синоним слова բեմ (татр). В нашей театроведческой литературе нередко упоминается имя танцовщицы Назиник, которая "пела руками" на пиршестве нахарара (феодал) Бакура⁴⁴. Изначальный или сравнительно древний образ этого танца следует искать в Передней Азии. Начиная с древних свидетельств является известная речь Ефрема Сирина "Об Иоанне Крестителе и о танце Иродиады". Искусство мима и танца эротического характера в раннем средневековье более всего были распространены в Сирии; в сирийском городе Газа существовала школа мимов, и сирийский автор Хорикий даже выступал против речей отцов византийской церкви, отрицавших театр. Наши представления об армянских танцовщицах – вардзакках дополняются несколькими стихотворными описаниями

(Григор Нарекаци, Иоаннес Тыркуранци) и литературными сведениями другого порядка. Танцовщица является одной из центральных фигур в театральных развлечениях феодальной среды. За ней следует фигура первого актера-комедианта-импровизатора под специфическим названием халакатак (խալակաթ: խալ – итрище, կաթ – мим). В последних главах "Истории" Фавстоса Бузанда приведена новелла об известном в свое время комедианте Иоанне епископе (приписываемое ему условное имя), который "служил мимом у армянских царей" и разбогател, стал владельцем имений⁴⁵. Иоанн являлся одним из тех дворцовых актеров, которые пользовались особыми привилегиями и уважением.

Армянские средневековые комедианты, подобно европейским жонглерам, бродили по городам и странам, нередко жили в феодальных замках, порой же в монастырях вместе с пилигримами. Они бродили большими или малыми группами, называемыми "даск гусанац" (դասկ գուսանաց – труппы гусанов). В наше время наемные народные музыканты в разговорной лексике называются դասիկ (дасика), что следует считать искажением слова (дас).

В средневековых армянских текстах упоминаются почти все цирковые жанры, которые составляли некую целостность в спектакле. Бурное развитие цирковых жанров было обусловлено социально-психологической средой средневекового зрителя. Ныне цирковое "чудо" не имеет того смысла, который имел в средневековье, когда на самом деле верили в чудеса и смотрели на "чудотворца" – акробата, дрессировщика или эквилибриста как на волшебника и чародея.

В средневековом обществе отношения между людьми регулировались не письменной коммуникацией, а конкретными действиями и ритуалами. Видимые средства общения, а также видимые формы театрального действия в средневековой городской жизни приобретают особую общественную и художественную значимость. В ранних формах средневекового театра художественное воспроизведение рассчитано на непосредственные (иногда примитивные) чувственные восприятия и ассоциации человека. Выразительные средства в этой театральной системе сводятся в основном к физическому "мимесису", к демонстрированию невероятного и впечатлительного, забавного и гротескного, к сочетанию "чуждого", страшного и эротического. Гусаны уводили человека из мира бытовых забот и религиозных представлений в мир таинст-

венный и вместе с тем реальный. Каждое эксцентрическое действие или знак в средневековом театре предусматривал не то отношение, которое может иметь зритель сегодняшнего цирка. Знаки этого театра имели свою, ныне во многом непонятную семантику. Здесь имеется целый комплекс еще нерасшифрованных условностей. Соотношения выражения и содержания в средневековом театре не столь ясны, в нем создавались своеобразные комплексы воспроизведения действительности, кажущиеся нам загадочными и все-таки объясняющиеся универсальными законами сценического искусства.

В недрах средневекового армянского театра (также сирийского и византийского) интуитивно обрабатываются обобщенные представления человеческих характеров и символические воплощения общественного поведения человека. Эти представления зафиксированы в трех комплексных фигурах: женщине-героине-любовнице в образе полунагой танцовщицы - "Вардзак" или - цетворяющей идею любви и сладострастия, мужчине-герое - "чудотворце" в виде жонглера, укротителя зверей, акробата, канатоходца (*шбцшршр, шршршшшш*), шута-потешника-глумотворца (*шшршшш*) в маске дурака, мродивого, олицетворяющего смешное, грубое, материальное. Особенно примечательно название этой маски - *Фшшшшш* (пальнчо), сходное с итальянским *ragliasso* (пальччо). Оно происходит от названия древнеримской комедии *palliatu*, сохранившейся в Сирии и Византии до VII в. Фигуры-комплексы средневекового театра, определяя первозданную сущность театрального действия, фигурируют и в современном цирке, как в эмбриональном виде драмы, в принципе основанном на средневековой театральной системе. В армянских народных играх в конце XIX и в начале XX вв. сохранились некоторые отголоски и эпизоды раннесредневекового площадного театра. Наиболее ярким и целостным эпизодом является диалогизированная игра канатоходца-героя и его слуги-шута. Первая фигура трагическая, ибо находится в физической опасности, а его партнер - фигура комическая, ибо пародирует движения "трагического героя" на земле, в полной безопасности. Канатоходец представляется в воображаемом nimbe "сверхчеловека" - полусвятого, якобы находящегося под покровительством св. Карапета (Иоанна Предтечи), а шут прикован к земле и остается фигурой прозаической. Это игровая цирковая символика вечной темы единства противоположностей выражается как в физической ситуации, так и в тексте. Символизированная оппозиция Неба

и Земли идеального и материального в дальнейшем развитии (уже не на переднеазиатской почве) сублимируется в более сложных категориях - в образах Дон Кихота и Санчо, Лира и Шута, Дон Жуана и Станареля, Несчастливца и Счастливица.

Средневековое армянское театральное представление в некоторых жанрах восходит к первоначальным формам публичного осмеяния конкретных личностей. Пережитки этой традиции сохранились также в народных "судебных играх". Достаточно цельное воспоминание об этом имеется в армянском народном эпосе "Сасна црер". Хор арабских женщин поет шуточную песню на порицание потерпевшего поражение Козбадина, а он, высмеянный, стоит в центре их круга как цуц (мим) и входит в диалог с хором. Это напоминает осмеяние Марка Красса после поражения при Каррах. Как сообщает Плутарх, одного из военнопленных, очень похожего на Красса, парфяне одели в женское платье и посадив на коня, провели по улицам Селевкии. Следовавшие за ним ~~четыре селевкийские~~ актрисы, в шутовских песнях на все лады издевались над слабостью и малодушием Красса⁴⁶.

Литературной параллелью сатирического театрального жанра следует считать средневековый прозаический жанр, названный *шшшш* (араки). Первоначальное значение этого слова - пример, объект сравнения, аналог, образное воспроизведение или иллюстрирование назидательной мысли. Корнем слова является *шш* (глаз), к которому прибавился предлог *ш* (на). В подлинном переводе *шшшш* означает "на зрение". А если переместить составные части, получим знакомое нам в современном армянском языке слово *шшшшш* (акнару - наглядный).

Театр был центром светских увеселений средневековых горожан, средством коммуникации между всеми сословиями феодального общества, живым художественным символом городской жизни. Рядом с ним, как уравновешивающая сила и как антипод театра, действовала церковь - символ вселенского порядка, распорядитель духовной жизни общества. Осуждение театра, как наследия прежнего мировоззрения - язычества, входило в программу морально-идеологической борьбы с самого начала основания церковной организации. Отрицание театра, как искусства, не следует приписывать отдельным, якобы реакционным деятелям армянской средневековой культуры, ибо не следует монастырских авторов разделять на два лагеря. Отрицание театра, как общехристианское явление, имеет свои оправдания как в историчес-

ком, так и в морально-философском смысле. Оно обусловлено в первую очередь политической миссией армянской церкви в борьбе за моноконцептуальность, за мировоззренческое единство в период борьбы с местным язычеством и языческим Ираном.

Отрицание театра обусловлено прежде всего христианским пониманием искусства. Приписывая искусству функцию упорядочения, а не воспроизведения, средневековые мыслители отвергали идею мимесиса. Они создали соразмерную и неподвижную картину космоса, ни одну частицу которого, тем более образа человека, нельзя было воссоздать или деформировать, что делалось в театре. У Давида Анахта театральные-цирковые жанры именуются "суетными ремеслами" ("հրեշտակաբանություն"), ибо они не имеют объекта упорядочения. Виды художественного творчества, которые находились вне системы "семи свободных искусств" ("septem artes liberales") в средневековой армянской литературе называются либо *արհեստ* (ремесло), либо *արվեստ* (искусство), в зависимости от того, к какой области человеческой деятельности они были близки – к практической или теоретической. Театр воспринимался как среднее (*Տրամ*) занятие между искусствами (т.е. науками) и ремеслом. Однако деятели церкви – апологеты христианской догматики Иоанн Майрагомеци (VI в.), Симеон Адзнецци (VIII в.) в отличие от философов пошли еще дальше в теории отрицания театра. Следуя за латинскими богословами (Тертулиан, Киприан, Августин), сирийскими и византийскими церковными деятелями (Ефрем Сирин, Василий Кесарийский, Иоанн Хризостом), они отвергают театр как антипод жизни.

Теория отрицания театра, возможно, была бы ясной и однозначной, если бы не началась она от языческих авторов. Эволюция театрального искусства еще раньше подготовила причины этого отрицания. Элий Аристид (умер до 244 г.) осуждал театр не с христианской позиции, а от имени языческих богов. Упадок античного классического театра и комедии эпохи эллинизма привели к осуждению всех видов также средневековой системы. Среди христианских авторов находились и сторонники театра, как сириец Хорикий (VI в.), полемизирующий с Иоанном Хризостомом, позднее Фома Акинский. Армянские церковные деятели следовали за Иоанном Хризостомом. Однако их тревожные слова следует объяснить не столько пафосом отрицания, сколько особенностью их стиля. Средневековые законы несравненно уступчивее по отношению к те-

атру, нежели речи против него. Майрагомеци и Симеон формально копируют стиль речей Иоанна Хризостома. Как идеологи христианской церкви, они (а также другие армянские средневековые авторы) выступали против театра с общепринятой официальной позиции, ради цельности и непротиворечивости в догматике.

Вопреки всем осуждениям, театр остался центром светских увеселений городских жителей. Современные медиевисты эпоху феодализма называют миром обычаев, ритуалов, символов и этикетов, где письменный документ и литература не имели того значения, что имело конкретное человеческое поведение как в реальном, так и в символическом значении. Книжность и "поэтическое искусство" ("հրեշտակաբանություն") в средних веках оставались достоянием служителей церкви. А общественное сознание управлялось не письменным словом. Литература не являлась повседневной потребностью, полноценным символом средневековой светской жизни. Книга для средневекового человека была посредником религиозных чувств, предметом почитания, не всегда понятным и не причастным к жизни. Средневековый человек питал уважение к книге как к святыне, не читая и не понимая ее. Между тем он любил и понимал притчи, сказки, легенды, народные предания, игры и театральные увеселения. Символом и посредником его реальных интересов и земных чувств остался театр – искусство живого человеческого поведения.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Высокий уровень развития науки, искусства и культуры вообще, который мы видим в раннесредневековой Армении, являлось результатом дальнейшего органического развития достигшей античной и эллинистической науки и культуры. Несмотря на разрушение городских центров, в результате неоднократной агрессии сасанидского Ирана, и военных действий между Ираном и Византией, ареной которых служила Армения, все же культурное развитие шло вперед, а в области науки это развитие завершилось циклами *trivium* и *quadrivium*, и поставила науку раннефеодальной Армении в ряд наиболее высокоразвитых стран еще на пороге европейского средневековья. Правда, в IX-XI вв., мы видим большой расцвет арабоязычной цивилизации. В Армении же задолго до сложения в регионе политического господства халифата арабоязычной культуры, мы видим армянскую культуру, которая выступает как национальная культура, обогащенная лучшими достижениями античной и эллинистической культуры.

В период развития арабоязычной культуры, когда Армения вступила в пору зрелого феодализма, после некоторого регресса и застоя, вызванного завоеваниями халифата мы видим новый взлет культурного развития, но культура Армении эпохи развитого феодализма в значительной степени являлась возрождением утраченных традиций уже сугубо армянской национальной культуры. Монументальная фигура Григора Нарекаци (951-1003) явилась предвестником армянского возрождения. Архитектура столицы Армении Ани и анийская школа армянского зодчества и живописи дали новые шедевры в истории армянской культуры и здесь возникли элементы, которые явились предвестниками готики европейского средневековья. Ани и Ахтамар явились новым словом показывавшим дальнейшее движение культурного развития, а живопись станковая и миниатюрная, явились первыми предвестниками предвосхищавшими шедевры живописи европейского Возрождения.

Элементы гуманизма - воспевание человеческой личности, воспевание мадонны говорит о равноправии женщины и еще в VI веке поэты Хосровидухт и Саакдухт, авторы шарканов, перекликаются с девушкой Айцемник, сражающейся на стенах Ани против сельджуковских агрессоров (1125 г.).

Нашествия кочевых варварских орд турок-сельджуков, подвергших разгрому Армению, были не в силах приостановить поступательный рост в развитии армянской феодальной культуры.

После Маназкертской битвы 1071 года через 9 лет в горах Киликийского Тавра князь Рубен основал армянское княжество, ставшее ядром Киликийского Армянского королевства. Начавшиеся крестовые походы привели к взаимному ознакомлению и обогащению армянской и западноевропейской культуры. Киликийский порт Айас, откуда Марко Поло совершал свое путешествие вглубь Азии, сближение кипрской королевской династии с армянской династией Рубенидов-Этумидов, подготовили почву для проникновения культурных начал Востока, прежде всего армянской культуры, на Западе, где создались предпосылки для европейского Возрождения - Ренессанса.

П Р И М Е Ч А Н И Я ВВЕДЕНИЕ

- 1 Еремян С.Т. Раннефеодальная культура Армении, в кн.: "Очерки истории СССР, III-IX вв.", 1958, с. 228-242.
- 2 См. Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.), Ереван, 1973.
- 3 Mac Dermot. The Conversion of Armenia in 304 A.D., "Revue des études arméniennes", t. VII, Paris, 1970, с. 281-359.
- 4 История Армении Фавстоса Бузанда, перевод с древнеармянского и комментарии М.А. Геворгияна, под ред. Еремяна С.Т., вступительная статья Хачикяна Л.С., Ереван, 1953. Четвертая книга Бузанда гл. IV, с. 64 (в дальнейшем, Бузанд).
- 5 Можно считать доказанным, что раздел Армении произошел не в 387 г., как в основном принято считать, а в 385 г. (см. Даниелян Э.Л. Год раздела Армении 387 или 385? "Историко-филологический журнал АН Армянской ССР", (в дальнейшем ИФж), 1980, № I, с. 203-214.
- 6 Еремян С.Т. Проблема падения рабовладельческого общества и зарождения феодальных отношений в древней Армении (Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов, Секция Ирана, Армении и Средней Азии), Издательство АН СССР, М., 1954, с. III-121.
- 7 Еремян С.Т. У исторических истоков дружбы Закавказских народов, 1979, № 8, с. 73-74, "Ленинградские утки" ("По ленинскому пути")
- 8 Еремян С.Т. Политические судьбы Великой Армении в III-IV вв. "Очерки истории СССР, III-IX вв.", с. 193.
- 9 Это положение очень ясно выражено в статье академика АН Груз. ССР Александра Барамидзе "Древнейший памятник грузинской литературы". Журнал "Литературная Грузия", 1978, № I, с. 61.
- 10 Егишэ, О вардане и войне Армянской. Перевод с древнеармянского акад. Орбели И.А., Ереван, 1971, с. 27.
- 11 Еремян С.Т. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма, 1951, № 7, с. 55.

- 12 Еремян С.Т. Народно-освободительная война армян против персов в 450-451 гг., "Вестник древней истории", № 4, 1951.
- 13 Сюзумов М.Я. Христианская церковь в IV-VI вв. см. в кн.: "История Византии" т. I, М., 1967, с. 147.
- 14 Еремян С.Т. Раннефеодальная культура Армении, с. 230.
- 15 Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана, 1961, с. 306-307.
- 16 Чалоян В.К. Основные вехи развития философской мысли в Армении (V-III вв.). Труды сектора философии АН Арм. ССР, т. I, Ереван, 1950, с. II7.
- 17 Там же, с. II6.
- 18 Каноны Алуэнского собора, IV. См: "Армянская книга канонов, II. Предисловие, научно-критический текст и примечания Вазгена Акопяна, Ереван, 1971, с. 94.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АРМЯНСКАЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИОГРАФИЯ

- 1 Корюн. Жизнь Маштоца. Текст с разночтениями рукописей, перевод, предисловие и комментарии Абеяна М., Ереван, 1941.
- Корюн. Жизнь Маштоца, перевод Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Оганджяна. Ереван, 1962 (далее: Корюн).
- 2 Корюн. гл. XV.
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 Там же гл. XVII "История Армении Мовсеса Хоренаци", критическое издание М. Абеяна и С. Арутюняна, Тифлис, 1913, кн. III, гл. 54 (в дальнейшем Мовсес Хоренаци).
- 6 Корюн. гл. XVI.
- 7 Там же, гл. XXI.
- 8 Норайр Бюзандаци, Вардапет Корюн и его переводы. Тифлис, 1900 с. 6 и сл.
- 9 История Армении Агатангелоса, изд. Г. Тер-Мкртчяна и С. Канаянца, Тифлис, 1909 (далее: Агатангелос).
- 10 Там же, с. 60-61.
- 11 Там же, с. 97.
- 12 Норайр Бюзандаци, ук. соч., с. V и сл.
- 13 Там же, с. 17.
- 14 Марр Н. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием, (арабская версия). "Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества", т. XVI, СПб, 1905, с. 157.

- 15 Агатангелос, с. 12-13.
- 16 Там же, с. 15.
- 17 Тер-Мкртчян Г. Из источников Агатангелоса, Вагаршапат, 1846.
- 18 Ташян А. Агатангелос по сирийскому епископу Георгу и исследование книги Агатангелоса, Вена, 1891, с. 20, 22, 25, 28 и др.
- 19 Мовсес Каланкатвацц. История страны Агванов, Тифлис, 1912, с. 120. Можсей Каланкатвацц, История Агван, перевод с древнеармянского К.П. Патканяна, СПб, 1861, с. 80.
- 20 Агатангелос, с. 430.
- 21 Ташян А., ук. соч., с. 60, 92.
- 22 Gutschmid A. Agathangelos, "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", Leipzig, 1877, с. 1-60; см. также: Абегиан М. Армянский народный эпос, Тифлис, 1908, с. 109-III.
- 23 История Армении Фавстоса Бузандаци, СПб, 1883. См. также вышеупомянутый русский перевод (Ереван, 1953).
- 24 Малхасянц Ст. Исследование Истории Фавстоса Бузанда, Вена, 1896. См. также журнал "Мурч", 1901, № 3.
- 25 Гельцер Г. Фавстос Бузанд, Пер. с нем. на арм. яз. Торосян, Венеция, 1896, с. 34, 36, 38 и т.д.; Малхасянц Ст. ук. соч. Абегиан М. Армянский народный эпос, с. III и сл.
- 26 История Армении Можсея Хоренского, перевод с древнеармянского Н.О. Эмина, (посмертное издание), М., 1893.
- 27 Сочинения Мовсеса Хоренаци, Венеция, 1843. История Армении (с. 1-277), Послание Сааку Арцруни (с. 283-296), История св. дев Рипсимян (с. 297-325), О Преображении (с. 326-338), Книга Хрий (с. 339-581), География (с. 580-616)
- 28 Список их, возможно полный, приведен М.Абегианом в конце "Предисловия" в разделе "Библиография" вышеупомянутого издания "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци, 1913, с. III- XII.
- 29 La-Croze M.V. Thesaurus epistolici Lascroiziani, Leipzig, 1742-1746, т. I, с. 358 и сл. т. III, с. 184 и т. д.
- 30 Carrière A. Nouvelles sources de Moïse de Khoren, études critiques, Vienne, 1893; Carrière A. Nouvelles sources de Moïse de Khoren. Supplément. Vienne, 1894.
- 31 "Церковная история Сократа Схоласта", перев. на арм. яз. Филона Тиракаци. История жизни св. Сильвестра епископа Римского", перев. Абаса Григора Дзорапореци, т. I, изд. Месроп В. Тер-Мовсесян, Вагаршапат 1897; Введение Месропа В. Тер-Мовсесяна, с. I- CI.
- 32 "Церковная история Сократа и жизнь св. Сильвестра", изд.

- Месропа В. Тер-Мовсесян, Вагаршапат, 1897.
- 33 Тер-Мкртчян Г. Новая попытка, определить время Хоренаци, "Арапат", 1897, с. 422 и сл.
- 34 Conybeare F.C. The Date of Moses of Khoren, Byzantinische Zeitschrift, X (1901), 3 - 4 Heft.
"Вопрос источников "Истории" Мовсеса Хоренаци. "Андес Амсореа", 1902, с. 129, 193, 236; "О времени "Истории" Мовсеса Хоренаци" (корреспонденция армениста Ф.Конибера), "Андес Амсореа", 1903, с. 30, 33, 152, 215, 317, 325 и др.
- 35 Заминян Абр. История армянской литературы, Нахичевань Н/Д, 1914, с. II0.
- 36 Акинин Н. Иерей Гевонд и Мовсес Хоренаци, Вена, 1930.
- 37 Манандян Я. Разрешение загадки Хоренаци, Ереван, 1934.
- 38 Малхасянц Ст. К вопросу о загадке Хоренаци, Ереван, 1940.
- 39 Conybeare F.C. ук. соч., с. 489-504.
- 40 Тер-Минасянц Ер. Всеобщая история церкви, Эчмиадзин, 1908, с. 295.
- 41 "Книга посланий", Тифлис, 1901, с. I-21.
- 42 Из новейших исследований, этим вопросам посвящены труды Г.Х. Саркисяна: "Хронологическая система "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци" (Ереван, 1965) и "Армения эллинистического периода и Мовсес Хоренаци" (Ереван, 1966). (Ред.).
- 43 Абегиан М. Армянские народные мифы в "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци", Вагаршапат, 1899.
- 44 Египше О Вардане и войне армянской, перевод с древнеармянского акад. И.А.Орбели, подготовка к изданию, предисловие и примечания К.Н. Юзбашяна, Ереван, 1971.
- 45 Там же, с. 26.
- 46 Там же, с. 33.
- 47 Там же, с. 31.
- 48 Там же, с. 30.
- 49 Там же, с. 171.
- 50 Там же, с. 61.
- 51 Бузанд IV. 56, 59.
- 52 Египше, с. 27.
- 53 Там же, с. 29.
- 54 Там же, с. 39.
- 55 Там же, с. 42.
- 56 Там же, с. 63-64.
- 57 Там же, с. II0.
- 58 Там же.

- 59 Там же, с. II6.
- 60 Там же, с. II9.
- 61 Там же, с. II7.
- 62 Лазар Парпеци, История Армении и Послание Ваану Мамиконяну, Критическое издание подготовили Г.Тер-Мкртчян и Ст.Малхасянц, Тифлис, 1904; 2-е изд. Тифлис, 1907 цитируется последнее издание
- 63 "Послание", с. 44I, см. также "Историю Армении", с.242.
- 64 "История Армении", с. 242.
- 65 "Послание", с. 422.
- 66 "История Армении", с. I3.
- 67 "Послание", с. 4II.
- 68 "История Армении", с. II.
- 69 "Послание", с. 4IO.
- 70 Там же, с. 425 и сл.
- 71 Там же, с. 424.
- 72 "История Армении", с. I2 и сл.
- 73 Там же, с. 7.
- 74 Халатянц Гр. Лазар Парпеци и труды его, историко-литературное исследование, М., 1883, с. 5I-9I.
- 75 Лазар Парпеци, "История Армении", с.242,244 и сл.
- 76 Там же, с. 245.
- 77 Там же, с. 26I-263.
- 78 Там же, с. I56.
- 79 Там же, с. 243.
- 80 Там же, с. 247.
- 81 Там же, с. 368 и сл.
- 82 Тер-Минасянц Е. Всеобщая история церкви, Эчмиадзин, 1908, с. 334.
- 83 Нельдеке Т. История державы Сасанидов. Пер.с немец. на арм. язык Н.Карамян, Вагаршапат, 1896, с. 4I.
- 84 Тер-Мкртчян Г. Древнейшие даты древнеармянской литературы; Епископ Карапет, Иоанн Мандакуни и Иоанн Майрагомечи. См. сб. "Шо акат, Вагаршапат, 1913.
- 85 Тимофей Александрийский, Опровержение постановлений Халкидонского собора. Подготовка текста Карапета Тер-Мкртчяна и Врванда Тер-Минасянца, Эчмиадзин, 1908.
- 86 Там же, с. VI и сл., а также Тер-Минасянц Е. Всеобщая история церкви, т. I, с. 333 и сл.
- 87 Тер-Мкртчян Г. ук. соч., с. I57 и сл.

- 88 Речи Иоанна Мандакуни, Венеция, 1836, 2 изд. Венеция, 1960.
- 89 Тер-Мкртчян Г., ук. соч., с. IOO.
- 90 Иповетдание веры. Эчмиадзин, 1914, с. I30.
- 91 "Книга посланий", Тифлис, 190I.
- 92 Три "Речи" Теодороса Кртенавора изданы в Сочинениях Иоанна философа Одзнец, Венеция, 1833 г. Среди них также - "Против Майрагомечи", с. I47-I58.
- 93 Все цитаты приводятся по русскому переводу Н.О.Эмина: "Шаракан, богослужесные каноны и песни армянской восточной церкви", полный перевод, 2-е издание, под ред. К.И.Костанянца, М., 1914, с. 258-262.
- 94 Полностью она напечатана только в первом издании этой книги: Мовсес Каланкатвац, История Агванка, изд. К.Шахназарян, Париж, 1860, т. I, с. 354 и сл.
- 95 "История албан" (русский перевод), с. I82. См. там же сокращенный перевод "Плач на смерть великого князя Джаншера с. I82-I84. Недавно было высказано мнение, что Джуаншер правил в 642- 683 гг. (см. Свазян.Г.С.К вопросу о датах правления албанских князей Джуаншера и Вараз-Трдата, "Вестник общ. наук АН Армянской ССР, № II, 1973, с. I08-II4),(ред.).
- 96 Степанос Агонц. Риторика в 5 книгах. Венеция, 1775.
- 97 Фрагменты произведений Ананий Ширакаци, изд. К.Патканяна СПб, 1877, с. I.
- 98 Аракелян Б.Н. Хронологические заметки, "Известия" Армянского филиала АН СССР, № I(6), 194I, с. 7I. Эта и другие даты приводятся по этому труду.
- 99 Конибер Ф. О времени Истории Мовсеса Хоренаци, "Андес ам-сореа", 1903, с. 30, 33. Автор считает эту работу Анания источником Асолика. См. также Малхасянц Ст. К вопросу о загадке Мовсеса Хоренаци, Ереван, 1940. Абрамян А.Г. Сочинения Анания Ширакаци, Ереван, 1944, с. 357-399.
- IOO Анания Ширакаци, космография и календарь, изд. Ам.Абрамян - на, Ереван, 1940, с. 30, 43.
- IOI Эти оба труда (см. соч., с.283-299) Анания Ширакаци, правда, не догматического содержания, но являются важным звеном антихалкедонитской, антивизантийской полемической литературы. До последнего времени этот вопрос о днях празднования пасхи порождал споры между армянами и греками.
- IO2 Тер-Мкртчян Г. Анания Ширакаци, Вагаршапат, 1896, с.II. См.Гадуг Тер-Мкртчян, Арменоведческие исследования, книга I (на арм. яз.), Ереван, 1979, с. 235-297.

- I03 Абрамян А. Арифметический задачник Анании Ширакаци, "Ученые труды" Ереванского гос. ун-та, т. XI, с. 245 и сл.
- I04 Это сочинение Анании Ширакаци переведено на русский язык акад. И.А.Орбели: ("Вопросы и решения вардапета Анании Ширакаци, армянского математика УП века, издал и перевел И.А.Орбели, Петроград, 1918).
- I05 Некоторые исследователи этот труд приписывали Мовсесу Хоренаци. Теперь авторство Анании Ширакаци можно считать установленным (ред.).
- I06 "История епископа Себеоса". Перевод с четвертого исправленного армянского издания. Ст. Малхасянц, Ереван, 1939; имеется также перевод К. Патканяна, СПб., 1862. Новейшее издание древнеармянского текста см. История Себеоса, сводный критический текст, предисловие и комментарии Г.В.Абгаряна, Ереван, 1979 (ред.).
- I07 Отмечено, что в некоторых изданиях "Истории" Себеоса первые шесть глав принадлежат не Себеосу, а анонимному писателю (подробно см. История Себеоса, 1979, с. 386-390) (ред.).
- I08 Себеос (русский перевод), с. 32.
- I09 Там же, с. 43.
- I10 Там же, с.
- I11 "Книга посланий", с. 72-76. Тер-Мкртчян Г. Петрос, епископ Сюника, "Арабат", 1902, с. 80-87. "Андес амсореа", 1903, с. 250 и сл., 1904, с. 20 и сл.
- I12 Степанос Орбелин, История Сисакана, Тифлис, 1910, с. 56, 89, 454.
- I13 Бузанд, III. 58.
- I14 Мовсес Каланкатвази (русский перевод), с. 79, 80.
- I15 "История Тарона Зеноба Глака Сирийца", Венеция, 1832. "История Тарона епископа Иоанна Мамиконяна," Венеция, 1832.
- I16 Об отражении этого предания в "Повести временных лет" (ч. I. Подготовка текста Д.С.Лихачева, перевод Д.С.Лихачева и Б.А. Романова, М.-Л., 1950 с. 12-13) см. Марр Н.Я. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киеве на Руси (Избранные работы, т. V, М.-Л., 1935, с. 44-66), Рыбаков Б.А. Русские летописцы X-XI вв. о начале Русского государства, ("Очерки истории СССР III-IX вв. с. 771-787), Еремьян С.Т. О некоторых историко-географических параллелях в "Повести временных лет" и "Истории Тарона" Иоанна Мамиконяна (сборник "Исторические связи и дружба украинского и армянского народов, Киев, 1965, с. 151-160.

- I17 История Тарона, с. 8, 9, 13, 15, 37.
- I18 Там же, с. 15, 32, 36.
- I19 Мовсес Хоренаци, II. 82, 85.
- I20 История Тарона, с. 45, и сл.
- I21 "Гайл" по армянски означает волк.
- I22 История Тарона, с. 37-42.
- I23 Там же, с. 16.
- I24 Там же, с. 28-29, 43, 49.
- I25 Там же, с. 33, 41, 47.
- I26 Там же, с. 44.
- I27 Там же, с. 28.
- I28 Там же, с. 35.
- I29 Там же, с. 36.
- I30 Бузанд, IV. 24.
- I31 История Тарона, с. 50.
- I32 Там же, с. II.
- I33 Там же, с. 31, 38.
- I34 Там же, с. 44.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФИЛОСОФИЯ

- I Научное, марксистское решение вопроса о роли христианства и армянской церкви в жизни феодальной Армении и ее духовной культуры требует от исследователя разностороннего критического анализа фактов и исторического подхода. "Весь дух марксизма, - писал В.И. Ленин, - вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (в) лишь в связи с конкретным опытом истории" (В.И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 49, с. 329). Конкретно-исторический подход к вопросу о роли новой религии в дальнейших судьбах армянской культуры, критическое рассмотрение данного вопроса в связи с другими явлениями социально-экономической, политической и идеологической жизни Армении IV-V веков приводят к выводу, что принятие христианства сыграло, с одной стороны, важную роль в формировании армянской феодальной культуры, явилось одной из причин создания национальной письменности, но, с другой стороны, оно положило и глубокий отпечаток на эту культуру, став господствующей формой идеологии, стремившейся подчинить себе и подавить все другие формы, в той или иной
- 29 - 371 - 449 -

мере отклонявшиеся от христианских церковных требований и установок (см. Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.), с. 30-31).

2. См. Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т.2, "Лукулл", ХХП, М., 1963, с. 190.

3. Там же, "Красс", ХХХШ, с. 263.

4. Там же, "Лукулл", ХІХ, с. 188.

5. Там же, "Сулла", ХХУІ, с. 140. См. также Нахапетян Г. Язык и литература, "Базмавеп", 1927, с. 170-171.

6. Высокую оценку деятельности Тирана дает Цицерон в своих письмах к Аттику и брату Квинту Туллию. См. Цицерон, Письма, том, I, М.-Л., 1949, с. 221, 237, 302; том III, 1951, с. 45-46.

7. Агатангелос, с. 453.

8. Там же, с. 423 - 424.

9. Philostratus and Eunapius. The Lives of the Sophists, with an English transl. by Wilmar C. Wright, Cambridge, 1961. Источник, упоминая Персию, имеет в виду "Перс-Армению", т.е. Проэресий родился в римской части Армении, которая находилась восточнее Малой Армении. Райт касаясь национальности принадлежности Паруйра (Проэресия) пишет, что он был армянином (ук. соч., с. 480).

10. Schemmel F. Die Schulzeit des Kaisers Julianus "Philologus", bd. LXXXII, 1927, с. 461.

11. Eunapios, с. 490. См. также Фаррар Ф.В. Жизнь и труды святых отцов и учителей церкви, т. I, СПб, 1891, с. 969.

12. Фаррар Ф.В. ук. соч., с. 455, 477-478. См. также Хачикян Л. Из истории социальных движений в Малой Армении, Ереван, 1951.

13. О предистории армянской историографии см. например, работу Г.Х. Саркисяна : Армения эллинистического периода и Мовсес Хоренаци, Ереван, 1966.

14. Корюн, 8.

15. La-Croze M. V. ук. соч., 1746, III. 3. Эту оценку французского арменоведа Лакроза разделяют и многие европейские ученые - Сен-Мартен, Шредер, Геттингер и др. См. Тер-Мовсесян М. История перевода Библии на армянский язык, СПб, 1902, Зарбаналян Г. Библиотека древнеармянских переводов (IV-XIII вв.), Венеция, 1889.

16. Многовещательные речи св. отца нашего Григора Лусаворича, изд. А. Тер-Микелян, Вагаршапат, 1894, с. I (в дальнейшем: Речи).

17. Там же, с. I, 3.

18. Там же, с. 3-4.

19. Там же, с. 27.

20. Там же, с. 28.

21. Там же, с. 31.

22. Там же, с. 244.

23. Там же, с. 31.

24. Там же, с. 60.

25. Там же, с. 88.

26. Там же, с. 228-229.

27. Там же, с. 34.

28. Там же, с. 61.

29. "Поучение Григора Лусаворича" в книге "История Агатангелоса".

30. Сомунджян В. Жизнь и деятельность вардапета Езника Колбацц, "Базмавеп", Венеция, 1893, с. 168.

31. Опровержение лжеучений Езника Колбацц, Тифлис, 1914, с. 209-219.

32. Египшэ. О Вардане и армянской войне. Изд. Е. Тер-Минасян, Ереван, 1957, Египшэ. О Вардане и войне армянской, Перевод И.А. Орбели, Ереван, 1971.

33. "Сочинения вардапета Египшэ", Венеция, 1859, с. 159-376.

34. См. Хачикян Л. Труд Египшэ "Толкование книги Бытия", канд. диссертация, Ереван, 1945. См. также Тер-Минасян Е. Предисловие к переводу "Истории Варданитов" Египшэ, Ереван, 1946.

35. См. Кедров Б.М. Классификация наук, I, М., 1961, с. 46. Говоря о зачатках классификации наук в конце античного периода и в начале средневековья, автор особо отмечает заслугу армянского философа Давида Анахта (V-VI вв.), который, опираясь на аристотелевское наследие, "построил общую систему философской науки, а тем самым и всей науки вообще", там же, с. 50-52.

36. См. Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи, Петроград, 1915. Манандян Я. Грекофильская школа и этапы ее развития, Вена, 1928.

37. Baumgartner A. Über das Buch "Die Chrie", ZDMG, bd. 40, Leipzig, 1886.

38. Мовсес Хоренаци, I. 19.

39. Об этом подробнее см. Абегян М. История древнеармянской литературы, т. I, Ереван, 1944. Акад. К. Мелик-Оганджян указывает, что еще до перевода "Книга хрий" была известна древнеармянским авторам, в частности биографу Маштоца Корюну,

- который придерживался канонов "Книги хрий" в своем "Житии Маштоца", см. его Предисловие к русскому переводу "Житие Маштоца", Ереван, 1962.
- 40 Перечень трудов Филона Александрийского см. Аревшатян С.С., ук. соч., с. 151-152.
- 41 См. Манандян Я., ук. соч., с. 232-233.
- 42 Текст издан Е.Тер-Минасяном с параллельным немецким переводом: Irenaeus. Gegen die Häretiker, Buch IV und V in Armenischer Version Entdeckt, Leipzig, 1910.
- 43 Издан с параллельным немецким переводом в книге: hrsg von K.Ter-Mekerttschian und E.Ter-Minassian, Des Heiligen Irenaeus. Находка древнеармянского текста явилась сенсацией для научного мира. Вслед за публикацией текста и немецкого перевода появились переводы на латинский, английский, французский и другие языки. Русский перевод выполнен проф. Н.Сагардой с немецкого перевода, см. "Христианское чтение", том 87, 1907. Подробную библиографию см. в кн. Karekin Sarkissian, A Brief Introduction to Armenian Christian Literatur, London, 1960.
- 44 По этому вопросу см. обстоятельное исследование А.Ташяна "Рассмотрение Псевдо-Каллисфеновой повести об Александре", Вена, 1892.
- 45 Там же, с. 44. Того же мнения придерживаются и другие исследователи - Л.Алишан, А.Сукрян и издатель текста Р.Трянц (см. его Предисловие к публикации текста - "История Александра", Венеция, 1842, с. 7-8).
- 46 Текст Гермеса Трисмегиста издан Я. Манандяном в III томе "Вестника Матенадарана", Ереван, 1956.
- 47 См. его "Толкование Бытия Египца", с. 120-123, 128-131.
- 48 Аревшатян С.С., ук. соч., с. 154
- 49 Theonis Progymnasmata, armeniace et graece. Edidit prof. A.Manandian, Erevan, 1938.
- 50 Их тексты изданы мхитаристами в сборнике: "Корюн, Мамбрэ, Давид", Венеция, 1833, с. 603-635.
- 51 Текст издан Я.Манандяном, см. Nonnos, Die Scholien zu fünf Reden des Gregor von Nazianz, Marburg, 1903.
- 52 Тимофей епископ Александрийский (Элур), Опровержение. Изд. К. Тер-Мкртчян и Е.Тер-Минасян, Эчмиадзин, 1908.
- 53 Чалоян В.К. Философия Давида Непобедимого, Ереван, 1946, с. 83.
- 54 Там же, с. 69-71.

- 55 Зубов В.П. Аристотель, М., 1963, с. 73. См. также Vaucourt R. Les derniers commentateurs Alexandrins d'Aristote. L'école d'Olympiodore, Etienne d'Alexandrie, Lille, 1941.
- 56 См. Давид Анахт (Непобедимый), Определения философии, Сводный критический текст, перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии С.С.Аревшатяна, Ереван, 1960, с. 3.
- 57 Там же, с. 3-5.
- 58 Там же, с. 17.
- 59 Там же.
- 60 Там же, с. 123.
- 61 Там же.
- 62 Там же.
- 63 Там же, с. 125.
- 64 Там же, с. 97.
- 65 Там же, с. 95.
- 66 "Толкование Категорий Аристотеля", изд. Я.Манандяна, СПб, 1911, с. 17. Данное произведение безосновательно приписывалось Элиасу. О принадлежности его перу Давида см. С.С.Аревшатян, Наследие Давида Непобедимого в новом освещении, "Вестник Матенадарана", т.9, 1969.
- 67 "Определения философии", с. 127.
- 68 Там же, с. 99.
- 69 Там же, с. 97.
- 70 Там же, с. 23.
- 71 Там же, с. 37. Ср. в связи с этим Саркисян Г.Х. Моисей Хоренский и Давид Непобедимый (опыт установления источниковедческой связи), "Кавказ и Византия", I, Ереван, 1979.
- 72 "Определения философии", с. 133
- 73 Там же, с. 57.
- 74 Там же, с. 61.
- 75 Там же, с. 15.
- 76 Там же, с. 83.
- 77 Там же, с. 87.
- 78 Там же, с. 93.
- 79 См. Аристотель. Метафизика, соч. т.I, М., 1976, гл. I-2
- 80 "Определения философии", с. 61.
- 81 Там же, с. 59.
- 82 Там же, с. 109.
- 83 Там же, с. 103.
- 84 Там же,
- 85 Давид Непобедимый. Толкование Аналитики Аристотеля. Сводный

критический текст, перевод с древнеармянского, предисловие и примечания С.С. Аревшатяна, Ереван, 1967, с. 63, 65.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Космография

- I Как отмечает И.Н.Веселовский, система Аристарха Самосского "была основана на двух взаимно исключающих принципах: планеты должны были вращаться вокруг материального тела и притом совершать приличные для подлунного мира равномерные круговые движения" (Веселовский И.Н. Кеплер и Галилей, "Историко-астрономические исследования", вып. XI, М., 1972, с. 25).
- 2 Амбарцумян В.А. Философские вопросы науки о Вселенной, Ереван, 1973, с. 12.
- 3 Даниелян Э.Л. Армянские космографические труды VII века о строении Вселенной, Ереван, 1978, с. 6.
- 4 О древней космологии с позиций современной науки см. Альвен Х. Как следует подойти к космологии? см. сборник "Вопросы физики и эволюции космоса", посвященный 70-летию со дня рождения академика В.А.Амбарцумяна, Ереван, 1978, с. 39-42.
- 5 См. Зельин К.К. О методах исследования ранней греческой философии, "Вестник древней истории", 1972, № I, с. 45.
- 6 Aristotle. On the Heavens, Greek text with an English transl. by W.K.Guthrie, L.-Cambr., Mass., 1939, (в дальнейшем: De coelo).
- 7 Еремян С.Т. Раннефеодалная культура Армении, с.228-234.
- 8 Манандян Я. ук. соч., с. 3.
- 9 Асмус В.Ф. Метафизика Аристотеля (см. Аристотель, Соч. т. I, М., 1976), с. 27.
- 10 Ленин В.И. Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29, М., 1963, с. 255, 258-259.
- II De coelo, I. 5 и 7, II, I и 4.
- 12 De coelo, III. 3 (см. также: Аристотель, "Метафизика", I.3.984a)
Об изучении древними мыслителями природы "первоначал" см. Рожанский И.Д. Анаксагор, М., 1972, с. 21-23.
- 13 Ср. Зубов В.П., ук. соч., с. 146-147.
- 14 Взник. Опровержение лжеучений, III, 7.
- 15 Египта, с. 34-35. Подробно см. Чалоян В.К. Развитие философской мысли в Армении, М., 1974, с. 38-39, 49.
- 16 Давид Анахт. Сочинения, перев. с древнеармянского С.С.Аревшатяна, М., 1975, с. 71-72. Теоретическая разработка

философского наследия Давида Непобедимого привела Г.А.Брутяна к весьма важным выводам, имеющим кардинальное значение для дальнейших исследований в этом направлении. Г.А.Брутян пишет: "Вклад Давида Непобедимого в историю научной мысли не в том, что он предложил новые определения (или определение) философии, а в том, что он: а) опираясь на определения философии данные Пифагором, Платоном и Аристотелем, создал систему определений философии, при этом доказав, что ни одно определение, отдельно взятое не может раскрыть сущность философии; б) эту систему создал, основываясь на диалектическом методе; в) исходил, в частности, из того положения, что для знания предмета его следует изучить со всех сторон, в его связях и переплетениях с другими предметами, что показывает необходимость разных определений одного и того же предмета; г) исходил из того, что разные определения одного и того же предмета могут иметь различные познавательные значения, а следовательно, при создании системы определений их следует классифицировать от более важного к менее важному - этот принцип выступает как своеобразное проявление субординации; д) при создании своей системы определений философии он постоянно прибегал к аргументации и обогатил искусство аргументации; е) рассматривал категории определения и деления в их тесной связи и взаимозависимости; ж) происхождение указанных категорий объяснил трудовой деятельностью людей, их действительными отношениями, рассмотрев первые (категории) как мысленное отображение последних; з) по-своему переосмыслил все то главное, что было создано логической мыслью в области исследуемых категорий, заметно обогатив учение логики об определении и делении понятия" (Брутян Г.А. Учение Давида Непобедимого об определении и делении, "Историко-философский журнал", 1979, № 3, с.38-56, № 4, с. 3-13).

касательно центральной проблемы логики-умозаключения Г.А.Брутян отмечает, что Давид Непобедимый сущность умозаключения, его виды, в том числе виды непосредственных умозаключений, исследует на основе интерпретации силлогистики, при этом, полемизируя с критиками некоторых положений, защищаемой им концепции, одновременно развивая искусство аргументации. (Г.А. Брутян. Учение Давида непобедимого об умозаключениях, "Вестник" общественных наук АН Армянской ССР, № 10, 1979, с. 32-58).

- 17 Там же, с. 53. Католикос Гут (461-471), придавая большое значение естественным наукам, их постижением обуславливал познание материального мира, в основе которого он также считал, что лежали четыре элемента. Он в своем письме направленном албанскому царю Ваче (до 462 г.) пишет: "Как мне словами рассказать о том, что выше слова, то чего четырехстихийный мир нам не в состоянии выразить. Это удел не всех, а тех, которые предались с жаром наукам: численной, землемерной, астрономической, "врачебной" (Мовсес Каланкатвази, перекл. К. Патканяна, с. 17).
- 18 De coelo, III. 6. Как отмечает В. Асмус, Аристотель утверждает реальность качественных различий и качественного превращения одних физических элементов в другие (см. Метафизика Аристотеля, с. 31.).
- 19 Давид Анахт, с. 167. В связи с Аристотелевским определением единичного бытия, В. Асмус отмечает: "По Аристотелю для нашего познания единичное бытие есть сочетание "формы" и "материи". В отличие от "материи", которая есть бытие "в возможности", "форма" есть "действительность", т.е. осуществление возможности" ("Метафизика", с. 12, 15).
- 20 De coelo, II. 3, III. 2. Характеристика четырех элементов дана также Плинием Старшим (Plin. Nat. Hist. II. IV. 10).
- 21 Анания Ширакаци. Космография, перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатяна, Ереван, 1962, с. 10.
- 22 Там же, с. 63.
- 23 Чалоян В.К. Естественнонаучные взгляды Анания Ширакаци, "Византийский временник", т. XII, 1957, с. 160.
- 24 Aristotle. Meteorologica, with an English transl. by H. Lee, London, 1952, II, 5, cp. De coelo, II. 2.
- 25 Thomson J. History of Ancient Geography, Cambridge, 1948, с. 326. Русский перевод см. Томсон Дж.О. История древней географии, вступительная статья А.Б. Дитмара, М., 1953.
- 26 Там же, с. 328, Plin. Nat. Hist. II. XV. 161.
- 27 Давид Анахт, с. 31-32.
- 28 Анания Ширакаци, "Космография", с. 45.
- 29 Там же, с. 45-46.
- 30 Там же, с. 45-46.
- 31 Здесь должно быть речь идет не о Клавдии Птолеме, а об одном из египетских царей времен эллинизма - Птолеме II Филадельфе (285-246), который действительно организовывал экспедиции

- по исследованию территории тропической Африки. Примечательно, что еще в VI в. до н.э. карфагеняне во главе с Ганноном совершили плавание вдоль западного побережья Африки, дойдя до "западного", а затем "Южного" Рога (Hannons Periplus, ed. K. Müllerus, Geographi graeci Minores, Hildesheim, 1965, vol. I, I-XVIII) которые являются частями Гвинейского залива (см. История Африки, М., 1979, с. 27).
- 32 Патканов К.П. Армянская география VII века, СПб, 1877, с. 10-12.
 - 33 Давид Анахт, с. 88.
 - 34 Там же, с. 71.
 - 35 Там же, с. 47.
 - 36 Там же, с. 89. Этот отрывок приобретает особый интерес в свете периодизации истории астрономии, данной Пьер-Симоном Лапласом, который считал, что первый период охватывает наблюдения видимых движений небесных светил до Коперника, а также создание гипотез, объяснявших эти движения и позволяющих производить нужные вычисления. Whitney Ch.A. The Discovery of Our Galaxy, New York, 1971. См. Уитни Ч. Открытие нашей Галактики, М., 1975, с. 108. (перевод с англ.)
 - 37 De coelo, II. 4.
 - 38 Там же, II, 8.
 - 39 Там же, II, 4.
 - 40 Там же.
 - 41 Там же, II, 13.
 - 42 Давид Анахт, с. 120, 214.
 - 43 Мовсес Каланкатвази, с. 13, 17. Даниелян Э.Л. Космографический фрагмент У.в., "Вестник" (Общ. наук АН Арм. ССР), № 12, 1975, с. 100-102.
 - 44 Анания Ширакаци. Космография, с. 40-45. См. Даниелян Э.Л. Армянские космографические труды VII в. о строении Вселенной, с. 29-35.
 - 45 Анания Ширакаци, Космография, с. 44.
 - 46 Там же, с. 44-45. Как известно из труда Аристотеля, объяснение нахождения Земли на воде было самым древним и приписывалось Фалесу Милетскому (ок. 625-547 гг. до н. э.). De coelo II. 13.
 - 47 Анания Ширакаци, Космография, с. 42-44.
 - 48 De coelo, II. 1, 13. Согласно Эмпедоклу Земля в космосе подержана космическими вихрями и быстрым движением неба. Cp. Plin. Nat. Hist., II. III. 6. 7.
 - 49 Туманян Б. Геоцентрическая и гелиоцентрическая системы в Армении, Ереван, 1973, с. 63-64.

- 50 Анания Ширакаци, Космография, с. 46-47.
- 51 Meteor. П. 7. Подробно см.: Дитмар А.Б. Представления античных ученых о прецессах изменяющих поверхность Земли ("Вопросы истории и теории землеведения", сб. научн. трудов, вып. 99, Ярославль, 1972, с. 54-79).
- 52 Meteor. П. 8. см. также: Исаченко А.Г. Развитие географических идей, М., 1971, с. 36-41.
- 53 Plin. Nat. Hist. II. LXXXI. 191-192.
- 54 Там же, II. XVIII. 82.
- 55 Анания Ширакаци, Космография, с. 91. А до этого Анания Ширакаци пишет: "Солнце, Луна и пять планет" (с. 90).
- 56 На Международном конгрессе "геодезического и геофизического союза" (1971 год), состоявшемся в Москве, наряду с многими другими были заслушаны доклады, в которых авторы говорили о связи между сейсмичностью Земли и активностью Солнца, осуществляемой посредством межпланетных атмосферных процессов. Международный геодезический и геофизический союз. XV Генеральная Ассамблея СССР, М., 30.VII-14.VIII 1971 (Тезисы докладов). См. также Даниелян Э.Л. Отражение космографических воззрений античной науки в древнеармянских источниках. "Вестник древней истории", № 4, 1973, с. 147. Его же, Армянские космографические труды VII в. и их отражение в немецких историко-географических исследованиях (II двусторонний симпозиум СССР-ГДР по истории геологических наук, Бремен, 1979, Тезисы докладов), с. 25. О совпадении научных концепций, но только уже с различных уровней науки проф. К.К. Зельин пишет: "Общие формы мышления повторяются, и этим обуславливается в значительной мере то неожиданное и поразительное сходство, которое не устают подмечать ученые нового времени между многими взглядами античных философов и исследователей, и теориями современной науки. Так обстоит дело, например, с некоторыми физическими теориями древних, в которых не раз усматривали необычное сходство с гипотезами и теориями новейшего времени (геофизическими теориями XIX-XX вв., теорией относительности и т.д.)" (Зельин К.К. ук. соч., с. 45).
- 57 Анания Ширакаци. Космография, с. 51 и 56.
- 58 Langdon-Fotheringham - Schoch. The Venus Tablets of Amnizaduga, Oxford, 1928.
- 59 Нейгебауер О. Точные науки в древности, М., 1968, с. 109. Он же предполагает, что "Одной из основных причин развития астрономии были попытки добиться регулярности во вставках

лунного календаря" (с. 106).

- 60 Ptolemy. The Almagest, Chicago, 1952, Books X, XI; Appendix A.
- 61 Нейгебауер О. Ук. соч., с. III.
- 62 Там же. О. Нейгебауер одновременно отмечает: "Созвездия, имена которых были присвоены знакам зодиака, конечно, гораздо старше".
- 63 Plin Nat. Hist. II-III. 9.
- 64 Анания Ширакаци. Космография, с. 89. "Κριός... Ταῦρος... Δίδυμοι... Καρκίνος... Λέων... Παρθένης... Ζυγός... Σκorpion... Τοξότης... Αἰγόκερος... Ὑδροχόος... Ἰχθύς...".
(Ptolemy. Tetrabiblos, with an English transl. by F.E. Robbins, Harvard, 1948, II, 3 далее: Tetr.).
В каждом из зодиакальных созвездий, как известно, Солнце бывает в среднем около месяца и поэтому каждому месяцу соответствовал определенный знак зодиака.
- 24) Знаки зодиака: ♈ Овен, ♉ Телец, ♊ Близнецы, ♋ Рак, ♌ Лев, ♍ Дева, ♎ Весы, ♏ Скорпион, ♐ Стрелец, ♑ Козерог, ♒ Водолей, ♓ Рыба, (см. Нейгебауера О. ук. соч., с. 216). Отмечено, что Солнце проходит также через 13-ое созвездие - Змееносец и, что было бы даже более правильно считать это созвездие зодиакальным, чем такое созвездие как Скорпион, в котором Солнце находится менее продолжительное время, чем в каждом из отдельных созвездий. (Селешников С.И. История календаря и хронология, М., 1977, с. 23-24).
- 65 Анания Ширакаци, Космография, с. 89-90.
Символы планет: ♄ Сатурн, ♃ Юпитер, ☿ Марс, ☼ Солнце, ♀ Венера, ☿ Меркурий (см. Нейгебауер О. ук. соч., с. 216)
- 66 Epping I. Zur Entzifferung der astronomischen Tafeln der Chaldaer", "Stimmen aus Maria Laach", 1881.
Как пишет О. Нейгебауер: "Эта первая работа содержала правильное определение начала отсчета эры Селевкидов и начала парфянской эры, что впервые обеспечило солидную хронологическую базу для истории Месопотамии после Александра Великого. Но еще больше было сделано для понимания самой вавилонской астрономии. Неожиданно стало ясно, что арифметические прогрессии умело использовались для предсказания лунных явлений с точностью до нескольких минут. Были правильно определены названия планет и созвездий зодиака и тем самым открыта дорога для перевода астрономических записей. На десяти страницах Эппинг описал открытия, которые должны были начать новую эпоху в истории науки" (ук. соч., с. III-II2).

- 67 Ср. также гороскоп коммагенского царя Антиоха I (69-34 гг. до н.э.), найденный на горе немруд-даг, на территории древней коммагены.
- 68 Нейгебауер О. ук. соч., с. 167.
- 69 Там же, с. 169.
- 70 Исаченко А.Г., вероятно имеет ввиду это сочинение Птолемея, когда отмечает: "Некоторые ученые шли, однако, много дальше, приписывая даже небесным телам влияние на судьбы людей. Сенека не отрицал зависимости судьбы народов от пяти планет, а Птоломей написал специальное сочинение в защиту астрологии" (Исаченко А.Г. Развитие географических идей М., 1971, с. 63).
- 71 Нейгебауер О. ук. соч., с. 147.
- В связи с древними астрономическими методами О. Нейгебауер отмечает: "Совершенно также, как "греческую" математическую литературу следует делить на два класса: чисто научное направление и более элементарную традицию, тесно связанную с Востоком, — также и астрономические методы распадаются на две группы: одну, ведущую к "Альмагесту" и другую, вероятно, лучше известную среди астрологических авторов, включивших положения неопределенных тел при составлении гороскопов" (Там же, с. 157).
- 72 Tetr. Introduction, с. X.
- 73 Там же, I. 3.
- 74 De coelo, IV. 3.
- 75 Tetr. I. 21.
- 76 Анания Ширакаци. Космография, с. 51.
- 77 Tetr., I. 3.
- 78 Там же, II. 7.
- 79 Анания Ширакаци. Космография, с. 51.
- 80 Tetr. I. 10.
- 81 Селешников С.И. ук. соч., с. 24. Как пишет О. Нейгебауер: "Именно открытие прецессии привело в дальнейшем Гиппарха к введению настоящей эклиптической системы координат, в которой долготы возрастают пропорционально времени, а широты остаются неизменными" (О. Нейгебауер. ук. соч., с. 81).
- 82 Селешников С.И. ук. соч., с. 23, 26. Интересно отметить, что Гиппарх, согласно сообщениям Плиния, говорил не только о движении звезд, их увеличении и уменьшении, но и об их рождении и угасании (Plin. Nat. Hist. II. XXIII. 95).
- 83 Критику астрологии находим также у Плиния Старшего (Plin. Nat. Hist. II. 11. 28). В у в. Езник колбаци и другие армян-

- ские мыслители также критиковали астрологию (см. Чалоян В.А. Развитие философской мысли в Армении, с. 44).
- 84 Нейгебауер О. ук. соч., с. 170.
- 85 Анания Ширакаци. Космография, с. 55.
- 86 Там же, с. 68-69.
- 87 Там же.
- 88 Там же. Далее Анания Ширакаци пишет: "На небе имеется скопление звезд, вытянувшихся как дорога, которая называется Млечным путем" (там же, с. 113). Затем Анания Ширакаци, как бы синтезируя второй и третий вид суждений о Млечном пути пишет: "Это есть плотный огонь и мерцание света (многочисленных) мелких звезд. Чистый блеск верхнего огня искажается движением семи поясов, мешающих (распространению) света верхнего движущегося огня, искры которого доходя до киммерийского пояса гаснут" (стр. 94). Там же Ширакаци в отдельности пишет о каждом из семи поясов. Наиболее важным из всего сказанного является то, что Ширакаци, независимо от дальнейшей интерпретации, в армянскую науку вносит мысль великого мыслителя — атомиста.
- 89 Рожанский И.Д. ук. соч., с. 99.
- 90 Там же, с. 282. Анаксагор представлял Землю в форме диска.
- 91 "Материалисты древней Греции", М., 1955, с. 114, ср.: Дурье С.Я. Демокрит, Тексты, переводы, исследования, М., 1970.
- 92 Плиний Старший упоминает их мнение, несмотря на то, что он не был сторонником этой идеи (Plin. Nat. Hist. II. 13).
- 93 Анания Ширакаци. Космография, с. 38.
- 94 Уитни Ч. ук. соч., с. 33.
- 95 Там же, с. 59, 62-64. Как отмечает Ч. Уитни, в XIX в. обнаружение неизвестных рукописей Райта показало, что в дальнейшем он отказался от своих теорий.
- 96 Там же, с. 66-67. На странице 68 говорится о теории Млечного Пути И.Г. Ламберта, сходную, но во многом уступающую кантовской теории.
- 97 Агекян Т.А. Звезды, галактики, Метагалактика, М., 1970, с. 41.
- 98 Уитни Ч. ук. соч., с. 100-101.
- 99 Отмечено, что "граница Млечного Пути находится примерно в 5000 раз дальше, чем ближайшие звезды" (Уитни Ч. ук. соч., с. 104, 121.)
- 100 Там же, с. 122. Академик В.А. Амбарцумян пишет: "Гипотезы Лапласа и Джинса сыграли известную положительную роль в истории Астрономии" (Амбарцумян В.А. Философские вопросы

науки о Вселенной, с. 213).

- IOI Новейшие исследования академика В.А.Амбарцумяна привели ученого к тому выводу, что "Существование галактики типа М 51 подтверждает гипотезу о связи между процессами деления первоначального ядра и образования спиральных рукавов" (Амбарцумян В.А. Проблемы эволюции Вселенной, Ереван, 1968, с. 110).
- IO2 Уитни Ч. ук. соч., с. 134.
- IO3 Plin. Nat. Hist. XVIII. LXXX.353. На этот отрывок обратил внимание Камилл Фламарион (см. Camille Flammarion, Les étoiles et les curiosités du ciel, Paris, 1882, с. 332). См. также Максимов Б.А., Комаров В.Н. В звездных лабиринтах, М., 1978, с. 78.
- IO4 Максимов Б.А., Комаров В.Н. ук. соч., с. 79.
- IO5 Тер-Мкртчян Г. Арменоведческие исследования, т. I, Ереван, 1979, с. 245-246.
- IO6 Уитни Ч. ук. соч., с. 154.
- IO7 Там же, с. 156-157.
- IO8 Согласно классификации предложенной Хабблом, галактики подразделяются на три основных вида: 1) эллиптические, 2) спиральные, 3) неправильные (см. Агекян Т.А. ук. соч., с. 78).
- IO9 Уитни Ч. ук. соч., с. 211-220.
- IO10 "И если это так - пишет далее Ч. Уитни - то астрономы стоят в предверии еще одной революции в их науке" (Там же, с. 221-222). Г. Арп пишет: "Я всегда чувствовал глубочайшее восхищение ясным, логическим способом, каким Амбарцумян в те ранние дни аргументировал присутствие выбросов в галактиках" (см. Halton Arp, Ejection from Galaxies and Galaxy Formation Сборник "Вопросы физики и эволюции космоса", посвященный 70-летию со дня рождения академика В.А.Амбарцумяна, Ереван, 1978, с. 65 (русский перевод, с. 81)).
- III Амбарцумян В.А. Вопросы космогонии в свете современной астрофизики, "Природа", № 2, 1939, с. 23-26.
- II2 Амбарцумян В.А. К статистике двойных звезд, Астрономический журнал, № 14, 1937, см. Амбарцумян В.А. Научные труды в двух томах, т. I, 1960, с. 142-157; Амбарцумян В.А. Космогония и современная астрофизика, Ученые записки ЛГУ, № 17, 1937, с. 92-102; "Природа", № 2, 1939, с. 26-29; Амбарцумян В.А. К вопросу о динамике открытых скоплений, Ученые записки ЛГУ, № 22, 1938, с. 19-22; Амбарцумян В.А. К воп-

росу о флуктуациях яркости Млечного Пути, Астрофизика, № 2, 1944, с. 9-13; Амбарцумян В.А. К вопросу о характере связи диффузных туманностей с освещающими их звездами, Астрофизика, № 3, 1945, с. 67-70; Амбарцумян В.А. Эволюция звезд и астрофизика, Ереван, 1947, с. II и др.

II3 Амбарцумян В.А. Эволюция звезд и астрофизика, с. 12-16.

Т.А.Агекян пишет: "Именно открытие звездных ассоциаций привело В.А. Амбарцумяна к утверждению, которое впоследствии стало общепринятым, что наряду со старыми звездами есть молодые и очень молодые звезды, что звездообразование в Галактике было длительным процессом и продолжается в наши дни (Агекян Т.А. ук. соч., с. 64).

II4 Амбарцумян В.А. Астрономический журнал, 1949, № 26, с. 3. см. Амбарцумян В.А. Философские вопросы науки о Вселенной, с. 290.

II5 Амбарцумян В.А. Об эволюции галактик, Доклад, прочитанный на XI Сольвейской конференции (La structure et l'évolution de l'univers, Editions Stoops, Bruxelles, 1958, с. 241;

(Амбарцумян В.А. Проблемы эволюции Вселенной, с. 85, Амбарцумян В.А. Философские вопросы науки о Вселенной, стр. 317). Отмечено, что блестящим подтверждением способности ядер галактик выбрасывать большие массы вещества явилось открытие Линдсом и Сандейджем (Lynds C.R., Sandage A.R., Astrophys. J. 1963) последствий мощнейшего взрыва, происшедшего в ядре галактики М 82 полтора миллиона лет назад. В пользу идеи В.А.Амбарцумяна говорят также наблюдения взрывов в некоторых других галактиках и выбросов из ядер галактик (см. "Проблемы современной космогонии", под редакцией академика В.А.Амбарцумяна, М., 1972, с. 19; Н. Агп, ук. соч., с. 65-80, русский текст с. 81-96) и открытие и исследование квази-звездных радиисточников-квазаров (M. Schmidt, Nature, 1963, № 197, с. 1041 см. Л.В.Мирзоян. Наблюдательный подход к эволюции звезд и галактик, "Вопросы физики и эволюции космоса", с. 197-208). Предполагается, "что компактный объект с массой, равной нескольким миллиардам солнечных масс, открытый недавно американскими астрофизиками в центральной области галактики М87 (радиогалактика Дева А), не черная дыра, а представитель того типа сверхплотных тел, существование которых было предсказано в Бюракане" (Амбарцумян В.А., Казютинский В.В. Научные революции и прогресс астрофизики, в книге "Астрономия. Методология. Мирозрение", М., 1979, с. 42). - 463 -

- I16 Амбарцумян В.А., Казютинский В.В. укр. соч., с. 24.
- I17 Воронцов-Вельяминов Б.А. некоторые методологические вопросы астрофизики, в книге "Астрономия. Методология. Мирозрение", с. 91.
- I18 Анания Ширакаци, "Космография", с. 70
- I19 Итти Ч. укр. соч., с. 122.
- I20 Анания Ширакаци (как и до него античные авторы) имеет ввиду те путешествия, в результате которых составлялись itinera-rium -ы.
- I21 Патканов К.П. Армянская география II века, СПб., 1877, С. I (далее: Армянская география).
- I22 Claudii Ptolemaei. Geographiae, edit. J. Fischer, T. IV, Leyden, 1932 (в дальнейшем: Ptol. Geogr. } I.2; русский перевод вводного раздела "Руководства по географии" Птолемея сделан К.С. Аптом: см. в кн.: Боднарский М.С. Античная география, М., 1953, с. 288-289 (далее: Птолемей)).
- I23 метеороскоп - инструмент, которым производились небесные наблюдения.
- I24 Ptol. Geogr., I.2.2. (Птолемей, с. 289).
- I25 Там же, I.1.6. (Птолемей, с. 288). О движении звезд в связи с мнением Гиппарха см. Plin. Nat. Hist., II. XXIII. 25.
- I26 Армянская география, с. I-2.
- I27 Ptol. Geogr., I.2.5. (Птолемей, с. 289).
- I28 Там же, I.2.7. (Птолемей, с. 290).
- I29 Греческий термин "стадион" - "ипподром", "ристалище", "арена" - послужил основой для линейной меры "стадия", а в эллинистическую эпоху в переднеазиатских странах, по аналогии со сказанным, термин иранского происхождения "аспарез" означал "ипподром, арена" и в то же время определенную меру длины. В этом смысле "аспарез" употребляется в иранских, а также в армянском и грузинском языках. О стади и аспарезе см. также Манандян Я.А. Стадий Эратосфена и персидский аспарез, Ереван, 1934. Вартанян Р.О. новая попытка толкования метеорологических таблиц полной и краткой редакций "Амхарацуца", Историко-филологический журнал, 1970, № 3, с. 203-214. Фирсов Л.В. Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии, "ВДИ", № 3, 1972, с. 154-174.
- I30 Армянская география, с. 2-3.
- I31 Ptol. Geogr., I.7.4. (Птолемей, с. 294).
- I32 Армянская география II в., с. 3.
- I33 Ptol. Geogr., I.7. 2,5 (Птолемей, с. 293-294).
- I34 Plin. Nat. Hist. II. XXIII. 95.
- I35 Ptol. Geogr., I.7.6. (Птолемей, с. 294)
- I36 Армянская география II в., с. 3-4.
- I37 Подробно см. C. Flammarion, Les étoiles et les curiosités du ciel, с. 275-308.
- I38 См. Амбарцумян В.А. К статистике вспыхивающих объектов, в кн. "Звезды, туманности, галактики", Ереван, 1969, с. 283-291; Амбарцумян В.А., Мирзоян Л.В., Парсамян Э.С. и др. Вспыхивающие звезды в Плеядах, IV, препринт, № 6, Ереван, 1973.
- I39 См. также Ptol. Almagest, 8, I (Κάτωρος).
- I40 Flammarion C. укр. соч., с. 552
- I41 Plin. Nat. Hist., II. XXI. 178.
- I42 Ptol. Geogr., I.7. (Птолемей, с. 294).
- I43 Мовсес Коланкатвацци, с. 17 и 18.
- I44 Анания Ширакаци, "Космография", с. 85-87.
- I45 Plin. Nat. Hist., II, IX, 53.
- I46 Анания Ширакаци, "Космография", с. 77.
- I47 De coelo, II. 7, ср. Meteor., I.3.
- I48 Анания Ширакаци "Космография", с. 78.
- I49 Там же, с. 72. Впервые истинную причину лунного света понял Анаксагор (ок. 500-428), как сообщает Платон в диалоге "Кратил" (409 А).
- I50 Анания Ширакаци, "Космография", с. 71-72.
- I51 De coelo, II, II.
- I52 Там же.
- I53 Плиний, выражая существующие мнения, касательно этого вопроса, пишет, что период этого вращения составляет 24 часа, а шум вращения не слышен или из-за огромных масштабов вращающейся сферы или же при этом испускается гармоническая музыка не слышимая для людей (Plin. Nat. Hist. II. III. 6).
- I54 Аристотель и Птолемей хотя считали Землю центром Вселенной, однако их трактовки геоцентрической системы были неодинаковыми. Аристотель как и его современник Эвдокс Книдский (406-355 гг. до н.э.), признавал теорию так называемых гомоцентрических сфер, сложные движения Луны, Солнца и планет приблизительно объяснявшую посредством комбинации нескольких круговых движений (см. Зубов В.П. укр. соч., с. 135-137; P. Duhem. Le système du monde, t. I, Paris,

1913, Паннекук А. История астрономии, М., 1966, с. 127). Птолемей же разработал более сложную систему эпициклов, согласно которой планеты совершают круговые движения по окружностям эпициклов, центры которых в свою очередь вращаются вокруг Земли (см. Нейгебауер О. ук. соч., с. 147-157).

155 Анания Ширакаци, "Космография", с. 74.

156 Дитмар А.Б. В стране олова и янтаря. Путешествие Пифея из Массалии М., 1963, с. 66; Его же, Рубежи ойкумены, М., 1973.

157 Plin .Nat.Hist., II XCIX 212 - C I 220

158 Академику С.Т. Еремян, благодаря многолетней научно-исследовательской работе, удалось восстановить серию карт "Географии" Анания Ширакаци, в совокупности представляющих собою атлас, а это в свою очередь позволило ученому составить исторические карты Армении различных эпох (см. Галкович Б.Г. К вопросу об историко-картографическом методе исследования, "Кавказ и Византия", вып. 2, Ереван, 1980)

География и картография

- 1 "Вопросы и решения Вардапета Анания Ширакаци, армянского математика VII века", Издание и перевод И.А.Ороели, Петроград, 1918.
- 2 Claudii Ptolomaei Geographiae, edit.J.Fischer, I-IV, Leyden, 1932.
- 3 Fischer J. Pappus und die Ptolemäuskarten, "Ztschr. d. Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin", 1919, S.337.
- 4 Hippolitus. Werke, vierter Band. Die Chronik, Berlin, 1955.
- 5 Wanda Wolska. La topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustès Paris, 1962.
- 6 Патканов К.П. Армянская география VII века, СПб, 1877.
- 7 Еремян С.Т. "Ашхарацуиц" (Армянская география VII века) - выдающийся памятник географии и картографии древнего мира", "Вестник" (общественных наук АН Армянской ССР), 1968, № 5, с. 43-60.
- 8 Еремян С.Т. Армения по "Ашхарацуицу" - "Армянской географии VII в." Опыт реконструкции армянской карты VII в. на современной картографической основе. Ереван, 1963, С картой под тем же названием в масштабе 1:1.250.000. См. также Еремян С.Т. "Ашхарацуиц", "Вестник", № 5, 1968.
- 9 Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950.
- 10 Абрамян А. Сочинения Анания Ширакаци. Ереван, 1944.
- 11 Marquart J. Eranšahr nach der Ps.Moses Xorenaci, Berlin, 1901, с. 154.
- 12 Fischer J., ук. соч..

13 Еремян С.Т. "Ашхарацуиц" (Армянская география VII века) - выдающийся памятник географии и картографии древнего мира.

14 Приложение к книге Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии V-VII вв., Москва, 1979.

15 Le Synekdemosis d'Hierocles et l'opuscule géographique de George de Chypre, ed.E.Honigsmann, Bruxelles, 1939.

16 Еремян С.Т. ук. соч.

17 Eremian S.T. Ptolemy's "Third Map of Asia" and the "Ašharhacōys" (XXVII international Congress of Orientalists, Papers by the USSR delegation), Moscow, P. I-12.

18 См. Еремян С.Т. Опыт реконструкции армянской карты VII в.

19 Даниелян Э.Л. Армянские космографические труды VII века о строении Вселенной, Ереван, 1978.

20 Армянская география, с. 9.

21 Там же, с. 10.

22 Там же.

23 Там же.

24 Там же, с. 4.

25 Там же, с. II.

26 Там же, с. 14.

27 Там же.

28 Там же, с. II.

29 Там же.

30 Там же, с. 16.

Календарь

1. Исследование пояса, найденного при археологических раскопках в Санаине и датированного концом второго и началом первого тысячелетия до н.э., привело ученых к заключению, что жители Армянского нагорья в пользовании имели также и лунно-солнечный календарь (Туманян Б. Мнацаканян Г. Пояс-календарь эпохи бронзы, Ереван, 1965).
- 2 У Олькотт пишет: "Данные астрономии согласуются с историческими и археологическими исследованиями в том, отношении, что лица, придумавшие древние фигуры созвездий, жили, вероятно, в долине Евфрата, а также в области около горы Арарат... Исходя из этого предположения, Маундер думает, что люди разделившие небо на созвездия, жили по всей вероятности, между 36° и 40° Северной широты, так что родиной обозначения созвездий не мог быть ни Египет, ни Вавилон...

Было замечено, что в числе фигур, изображающих созвездия, нет следующих животных; слона, верблюда, гиппопотама, кро-

кодила и тигра, и поэтому мы можем утверждать, что ни Индия, ни Аравия, ни Египет не были местом, где зародилась идея о небесной сфере. Грецию, Италию и Испанию мы можем исключить на том основании, что в числе фигур созвездий имеется фигура льва.

Таким образом, рассуждая чисто логически, мы можем утверждать, что родиной звездных фигур может быть Малая Азия и Армения, т.е. область, ограниченная Черным, Средиземным, Каспийским и Эгейским морями. (Олькотт У.Т. Легенды звездного мира, Петербург, 1911, с. 8-9).

- 3 Большую работу в исследовании армянского календаря проделал Л.Алишан/ см. Алишан Л. Родные предания, т. I, Венеция, 1869).
- 4 Анания Ширакаци. Космография и календарь, изд. А.Абрамян, Ереван, 1940.
- 5 Абрамян А. Труды Ованеса Имастасера, 1956, с. 224.
- 6 См. карту составленную С.Т.Еремянном в кн. Бадаляна Г.С. История календаря, между с. 104-105.
- 7 После Никейского Вселенского собора, Андреас Византийский с целью определения дня празднования пасхи, составил 200-летнюю таблицу, которая начала применяться с 352 г.

Медицина

- I Mariès Louis, Le De Deo d'Eznik de Kolb connu sous le nom de "contre les sectes", Paris, 1924.
- 2 Речи Иоанна Мандакуни, Вен. и, 1836.
- 3 Эрикссон Э.В. Объяснение некоторых сообщений армянского историка Егише с точки зрения психиатрии, Обзор.псих., 1903.
- 4 Егише, гл. VII.
- 5 Речь здесь очевидно идет об имевшем место частном случае преступного отношения врача к обратившемуся к нему больному.
- 6 Армянская география, с. 43.
- 7 Так называются ученые коллегии армян-католиков в Западной Европе, в Венеции и Вене. Основание их положено в начале XVIII века ученым-монахом Мхитаром Себастьяном (1676-1749), по имени которого члены этих коллегий называются мхитаристами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРАВО И СУД

Источники

- I Агатангелос, с. 445 (здесь и далее "История Армении Агатан-

гелоса" цитируется по изданию 1914 года).

- 2 "Армянская книга канонов", кн. I, Предисловие, научно-критический текст и примечания Вазгена Акопяна, Ереван, 1964.
- 3 Там же, кн. II, 1971.
- 4 Бузанд, У. 31, Мовсес Хоренаци, П.62, Лазар Парпеци, с. 7.
- 5 "Книга посланий", с.43-44, 73, 76.
- 6 "Купчие и разные другие архивные документы по хозяйственным сделкам", вып. I, составил Ар.Абрамян, Ереван, 1941.
- 7 "Армянский судебник Мхитара Гоша", юрид. исследование и примечания В.Бастамянца. Валаршапат, 1880. Русский перевод, сделанный А.А. Паповяном, издан в 1954 г. См. также: Мхитар Гош Судеоник. Сводный критический текст, предисловие и комментарии Хосрова Торосяна, Ереван, 1975.
- 8 Судебник Смоата Спарапета (Гундстабля) 1265 г., перевод со среднеармянского, предисловие и примечание проф. А.Г.Сукиасяна, Ереван, 1971. Смоат Спарапет. Судебник, составление текста, перевод с древнеармянского А.Г.Галстяна, Ереван 1958.
- 9 Karl Bruns und Eduard Sachau, Syrich-römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert, Leipzig, 1880. "Сирийский Судебник", изд. Арсен Кмтчан, Эчмиадзин, 1917, с. 3-9.
- 10 Оганесян С.А. Отношение законника, названного "Сирийским" или "Сиро-ромейским", к армянскому праву. "Историко-филологический журнал" АН Армянской ССР, 1970, № 2.
- 11 Bruns K. und Sachau E., ук. соч., с. 324-326.
- 12 Сукиасян А.Г. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма / III-IX вв./, Ереван, 1963, с. 451-494.
- 13 Егише, с. 89.
- 14 Там же, с. 85, Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана; Манандян А. Феодализм в древней Армении. Ереван, 1934, Еремян С.Т. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма, "Вопросы истории", 1951, № 7; Оганесян С.А. Право собственности "майренник" в феодальной Армении, "Вестник общественных наук", 1970, № 8.
- 15 Этой новеллой Юстиниан в Византийской части пересматривал наследственные права нахарарских родов, что должно было привести их к раздроблению и тем самым политическому ослаблению.
- 16 Марко К. и Ф.Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 26.

- 17 К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.Ш, с. 27.
- 18 "Сочинения Иоанна Имастасера Одзнеци", с. 10.
- 19 "Армянская книга канонов", кн. I, Василия-4, Неокесарии-9.
- 20 Там же, кн. II, с. 131-132.
- 21 Рукопись № 953, л. 202.
- 22 Книга называемая "Большой Маштоц", Константинополь, 1807, с. 229-233.
- 23 Рукопись № 835, л. 106-IIa.
- 24 "Армянская Книга Канонов", кн. I, с. 382-383.
- 26 "Армянская книга Канонов", кн. I, с. 347-348.
- 27 Там же, кн. II, с. 9-10.
- 28 Там же, кн. I, с. 432-435.
- 29 Лазар Парпеци, с. II7-II8, 240, 394.
- 30 Рукопись № 953, л. 1946, 1966, 2066 и др.
- 31 Мовсес Хоренаци, II, 83.
- 32 "Комментарий к посланиям Павла Иоанна Златоуста", I, Венеция, 1862, с. 667.
- 33 Мовсес Хоренаци, III, 13, Степанос Орбелян, с. 60 и др.
- 34 Египет, с. 89.
- 35 См. Второапостольские-39; "Отцов апостольских преемников"-27; Кесарии-9; Антиохии-9; Лусаворича-14; Двинского собора (645) -4; Василия "О разнообразных пороках"- 156, 230, 236.
- 36 Данная отрасль права обстоятельно исследована в монографии профессора А.Т.Товмасына "Древнее и средневековое армянское уголовное право", т. I. Ереван, 1962, т. 2. Ереван, 1977.
- 37 Езник Колбаци, с. 35-36.
- 38 Там же, с. 14-15.
- 39 Мовсес Хоренаци, ш, 68.
- 40 Езник Колбаци, с. 42-43.
- 41 Там же, с. 27.
- 42 Corpus Iuris Civilis, t. III Novellae, ed. R. Schoell et G. Kroll. Berolini, 1954, Nov. XXXI.
- 43 Мелик-Тангян Н. Армянское церковное право, кн. 2, Шуша, 1905, с. 211-215.

ГЛАВА ПЯТАЯ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЫТА Народное жилище.

- I Мовсес Хоренаци, II, 7; Бузанд, IV, 7.

- 2 Джавахишвили Ив. Материалы по истории материальной культуры грузинского народа, кн. I, Строительное искусство в древней Грузии, Тбилиси, 1946, с. 7-9.
- 3 Ксенофонт, Анабасис, М.-Л., 1951, IV. IV. I (с. 107).
- 4 Там же, IV. IV. 2-9.
- 5 Там же, IV. V. 9 (с. 110).
- 6 Арутюнян В.М. и Сафарян С.А. Памятники армянского зодчества. М., 1951, с. 29.
- 7 Лисициан Ст. Крестьянские жилища Высокой Армении. Известия кавказского историко-археологического института (в дальнейшем: "Известия КИАИ"), том IV, Тифлис, 1926, с. 55-70.
- 8 Лисициан Ст. К изучению армянских крестьянских жилищ (карабахский карадам), "Известия КИАИ", т. Ш, Тифлис, 1925, с. 97-108.
- 9 Лисициан Ст. Из материалов по изучению жилищ Армении. I. Крестьянское жилище Мегринского района, "Известия", т. VI, Тифлис, 1927, с. 83-140.
- 10 Ксенофонт, IV. IV. 2 (с. 107).
- 11 Там же, IV. V. 25 (с. 112).
- 12 Лисициан Ст. Крестьянские жилища Высокой Армении, с. 57.
- 13 У грузин называется "ардо".
- 14 Ильина С.М. Древнейшие типы жилищ Закавказья. Сообщения института истории и теории архитектуры, вып. 5. М., 1946.
- 15 Агабабян Р.А. Архитектура грузинского народного жилища. Тбилиси, 1945.
- 16 Лисициан Ст. К изучению армянских крестьянских жилищ /Карабахский карадам/. с. 97-98; Крестьянские жилища Высокой Армении, с. 68-69.
- 17 Ильина С.М. ук. соч., с. 3-4.
- 18 Лисициан С.Д. Крестьянские жилища Высокой Армении, с. 70.
- 19 Самуелян Х. Культура древней Армении, т. II, Ереван, 1947, с. 210.
- 20 Ксенофонт, IV. V. 31 (с. 113).
- 21 До нас дошло интересное сведение об этом световом окне, приводимое историком Ув. Бузандом (V, VI). Последний, сообщая об убийстве царского евнуха-мардапета Глака царем Папом /369-373/, говорит, что осужденного на смерть евнуха ввели в царский дворец, в один из коридоров. По словам историка, "коридор был длинный и имел отверстия в потолке для света - и вели мардапета Глака по коридору, кругом стояли секироносцы, прикрытые щитами, а световые отверстия были

закрыты".

22 Лисициан С.Д. Крестьянское жилище Мегринского района, с. II9-133.

23 Там же, с. 127-131.

24 Там же, с. 123.

25 Там же, с. 122.

Естественно-исторические основы питания армянского народа

- 1 Вавилов Н.И. Азия-источник видов, "Наука и жизнь", № I, 1968, с. 98.
- 2 Общим обозначением мелкого рогатого скота является слово "хашн" (мн.ч. "хашинк"), от которого происходит название армянского блюда "хаш".
- 3 В армянском языке крупный рогатый скот обозначается словом "арджар", в узком смысле оно означает "бык, телец".
- 4 Арутюнян Л.Б. О некоторых особенностях питания армянского народа, в кн.: "Армянская кулинария", М., 1960, с. 29. В опыту армян сохранено тысячелетиями формы очага и выпекаемого в нем лаваша Л.Б. Арутюнян объясняет тем, что "этому способствовали некоторые положительные качества лаваша - высокая питательность, хорошая усвояемость, долгая сохраняемость и, самое главное, применение бродильного процесса как более усовершенствованного метода в хлебопечении" (Л.Б. Арутюнян. Об условиях возникновения национальной армянской кухни, в кн. Армянская кулинария, 2-е изд. (М., 1971, с. 13).
- 5 Еремян С.Т., в кн. "Армянская кулинария", М., 1960, с. 26.
- 6 Пиотровский Б.Б. Кармир-блур, I, Ереван, 1951, с. 28.
- 7 Позже этот термин в туркоязычной среде принял форму "пити", с соответствующим осмыслением.
- 8 Этот же сосуд на тюркских языках называется "чанах", поэтому и само блюдо обозначается этим термином.
- 9 Сохранившаяся в армянском языке кулинарная терминология нередко заимствовалась соседними народами. Например, в грузинской кухне сохранилось слово "табака" - жаренный пыленок, что произошло от армянского слова "тапака" или "тапакац".
- 10 Особенно славится "ереванский колодак".
- 11 Это слово происходит от урартского "удули", что означает "виноградная лоза".

12 Такое блюдо называлось "салпатор".

13 Хранящийся в нем особый сорт сыра поныне носит название "мотал".

14 Пиотровский Б.Б. Кармир-блур, II, Ереван, 1952, с. 40.

15 Арутюнян Л.Б. ук. соч., с. 14.

16 Давид Анахт, (Непобедимый). Определения философии, с. 80-81.

Метрология

- 1 Рукописи: № 1999, л. 1996-200а, № 2001, л. 17а-18а, № 2180, л. 528аб. (Здесь и далее упоминаются рукописи "Матенадарана"). Анания Ширакаци. Космография и календарь, изд. А. Абрамян, Ереван, 1940, с. 84.
- 2 Авгерян А.А. Разъяснение мер и весов предков по елифану, Хоренаци и Ширакаци, Венеция, 1821.
- 3 Об этом свидетельствует тот факт, что хотя автор текста и был осведомлен об арабском динаре (он пишет, что "динар" - это название "дахекана"), но не приводит значение этой величины. Арабские единицы мер и весов впервые были введены и официально разрешены в Армении к употреблению при халифе Язиде II /720-724 г./, который назначил правителем Армении ал-Джаррах ибн-Абдуллах ал-Хаками, осуществившего эту реформу. Таким образом этот текст мог быть создан в период от 696/9 - 720/21 гг., когда впервые стали чеканиться арабские монеты, по время правления Язиде II.
- 4 Авгерян А.А. ук. соч.
- 5 Рукописи: № 1746, 1898, 1980, 2676, 2965, 4381, и др.
- 6 Текст восстановлен и уточнен путем сравнения около 20-ти рукописей "Географии", хранящихся в Матенадаране (№ 582, л. 166б-167а, № 1267, л. 352б-353а, № 1898, л. 274а, № 2189, л. 102б и т.д.) и имеющихся публикаций.
- 7 Рукописи: № 1737, л. 77а, № 1898, л. 277а, № 1903, л. 277б, № 2189, л. 102б.
- 8 Mzik H. Ermessung, Grad, Meile und Stadion nach den altarmenischen Quellen, "Андек амсореа" Вена, 1933, № 3-10, л. 287-293, 434-458, 561-581.
- 9 Необходимо отметить, что предложенная Н. Манандяном интерпретация выражения "миля равняется 10 аспаресам" (Стадий Эратосфена и персидский аспарез", с. 26) не может быть принята, т.к. в этом случае градус должен быть равным 50-и милям /500:10/, однако по тексту градус равен 71 3/7 мили и равен 500 аспаресам.

- 10 Рукописи: № 1717, л. 156б, № 1737, л. 77а, № 1898, № 5613, л. 278б-279а.
- 11 Hultsch Fr. Metrologicorum scriptorum reliquiae, I, Lipsiae, 1864, с. 199 и см. Mzik H., ук. соч., с. 574.
- 12 Утверждение Г.Мжики о том, что римская миля всегда и везде равна 1000 римским шагам (ук. соч. с. 571) не подтверждается, т.к. в вышеуказанных источниках между римской милей и /двойным/ шагом (филетеровской саженью) существует соотношение 1:700, а между милей и ступней - 1:4200, а не 1:1000 и 1:5000, как в римской системе, тем более что Г.Мжику было известно, что соотношение величин римской мили и двойного шага в других армянских источниках равно 1:1050.
- 13 Н. Mzik, ук. соч., с. 562-563.
- 14 Ср. там же.
- 15 Рукопись № 2180, л. 528а-б.
- 16 Рукописи: № 599, с. 52а-б, № 1495, л. 151а, № 2995, л. 130б-а, № 3071, с. 454а. См. также, Saint-Martin V. Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, t. II, Paris, 1819, с. 378
- 17 Г.Мжик пишет, что якобы в тексте пропущено выражение, приводимое далее им в скобках один "нербан" ≠ 16 (пальцам и один палец равен 6) ячменным зернам (Н.Мзик, ук. соч. с. 457-458). Это исправление неприемлемо, т.к. "нербан" в других рукописях равен тридцати шести ячменным зернам. Здесь "нербан" выражен в филетеровских единицах /ячменное зерно/, откуда один филетеровский палец равняется четырем ячменным зернам, а один "нербан" девяти филетеровским пальцам.
- 18 Рукопись № 1999, л. 11а-12б, 13а-б.
- 19 Приводимые данные касающиеся обмеров архитектурных памятников раннесредневековой Армении, получены путем решения соответствующих математических задач при помощи ЭВМ.
- 20 Рукописи: № 1999, л. 199б-200а, № 2001, л. 17а-18а, № 3504, л. 202б.
- 21 Эти образцы находятся в Историческом музее Армении под следующими номерами (первое число обозначает номер фонда, а второе - номер образца) 2197/307; 2305/4; 2305/133; 2588/73 2588/74.
- 22 Степанос Орбелян, с. 204-205.
- 23 Мхитар Гош. Армянский судебник, изд. В.Бастамянц, Вагаршапат, 1880, л. 287-288.

- 24 Название происходит от прозвища Никифора III-Ботаниат (1078-1081).
- 25 Авгерян А.А. ук. соч., с. 27 и 90.
- 26 Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему, М., 1970, с. 37-38.
- 27 Рукописи: № 6718, л. 76б, № 7749, л. 155а-156а, № 8258, л. 7б, № 10200, л. 257б.
- 28 Манандян Я. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Ереван, 1954, с. 172.
- 29 Манандян Я. Меры и веса в древнейших армянских источниках, Ереван, 1940, с. 28-29.
- 30 Если такое восстановление ратла в дальнейшем подтвердится, то станет возможным утверждать, что иракский ратл (128-130 арабских дирхемов) заимствован из Ирана.
- 31 Lang M., Crosby M. Weights and measures and Tokens, p. I (The Armenian Agora Results of Excavations Conducted by the American School of classical Studies at Athens, v. X), New Jersey, 1964, с. 45; Nissen H. Griechische und Römische Metrologie. München, 1892, с. 835-844.
- 32 Nissen H., ук. соч., Hultsch Fr. Griechische und Römische Metrologie, Berlin, 1882, с. 696-715. Petrie F. Weights and Measures (CM: The Encyclopaedia Britannica, eleventh edition, vol. XXVIII, Cambridge, 1911), с. 481-485, M. Lang, M. Crosby, ук. соч., с. 45.
- 33 "Вопросы и решения вардапета Анания Ширакаци", с. 51. Манандян Я. О торговле и городах Армении, с. 185-186.
- 34 Рукопись № 3120, л. 199б-200б.
- 35 Авгерян, ук. соч., с. 39, 60.
- 36 Там же.
- 37 Манандян Я. О торговле и городах Армении, с. 181-189.
- 38 Там же, с. 183.
- 39 Schilbuch. Die byzantinische metrologie, München, 1970, с. 59.
- 40 Hultsch Fr. ук. соч., с. 696-715.
- 41 Хинц В. ук. соч., с. 51.

ГЛАВА ШЕСТАЯ АРХИТЕКТУРА

- 1 Токарский Н.М., Капитель из Анберда, Труды отдела Востока

Гос. Эрмитажа, т. III, 1940, с. 217 и сл.

2 Кафадарян К. Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952. Из новейших исследований см.: Калантарян А.А. Двин, I, Ереван, 1976.

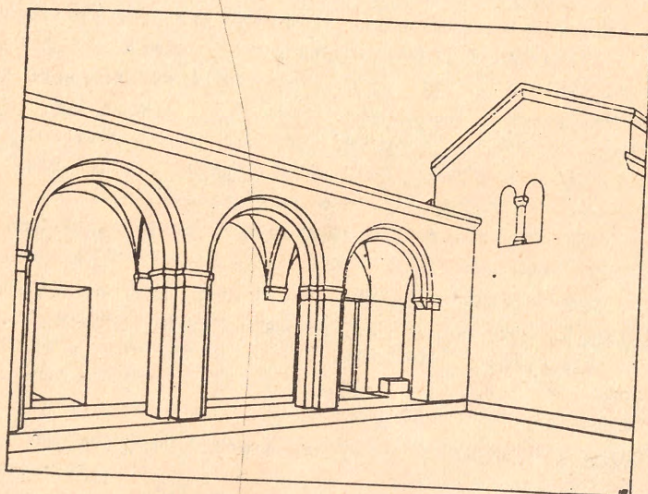
3 История епископа Себеоса, перевод с четвертого исправленного армянского издания Малхасянца Ст., Ереван, 1939.

4 Иоанн католикос Драсханакертеци, с. 90.

5 Арутюнян В.М. Новый памятник светского зодчества VII в., Известие АН Армянской ССР (общ. науки), № 8, 1953.

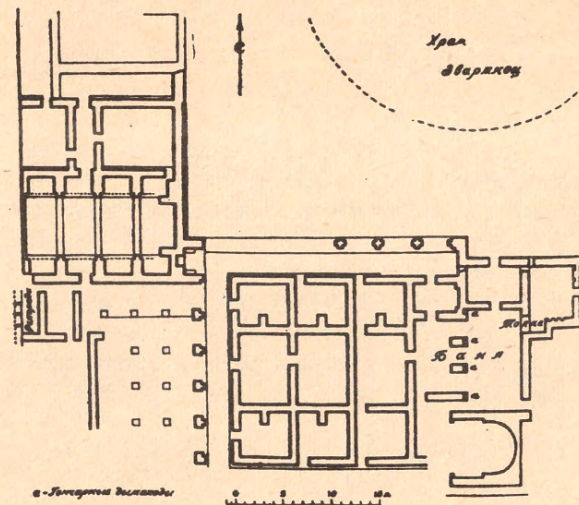
6 Есть и другие мнения о дате постройки дворца в Двине: В. Арутюнян - не позже 572 г., К. Кафадарян - 461 или 485 гг. (Арутюнян В.М., Архитектура патриаршего дворца в Двине, Труды Ереванского политехнического института, Ереван, 1947, с. 148. Кафадарян К., ук. соч. с. 268).

7

Звартноц. Дворовые фасады дворца (схематическая реконструкция).

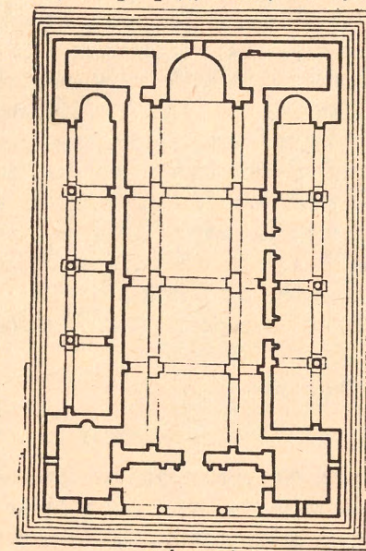
8

План дворца при Звартноце.

9 Марр Н.Я. Описание дворцовой церкви в Ани, "Анийские древности". т. I, Петроград, 1916, с. 8, 9 и др.

10

Ереван. План базилики.

- II Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa, Wien, 1918, 1, рс. 183.
- 12 Тораманян Т. Текорский храм. Тораманян Т. Сборник трудов "Материалы по истории армянской архитектуры", Ереван, 1942, с. 185-200.
- 13 Саянян А. Архитектура Касахской базилики, Ереван, 1955. Несмотря на отсутствие возвышения среднего нефа над боковыми, здесь условно сохранено наименование "базилика".
- 14 Саянян А. Новые данные об архитектурном облике Эчмиадзинского собора, журнал "Эчмиадзин", 1956, УШ-ІХ, с. 61, XI-XII, с. 56 и сл. См. также краткое изложение его доклада на XXV международном конгрессе востоковедов, М., 1960.
- 15 Орбели И.А. Багаванская надпись 639г. и другие армянские ктиторские надписи УП в., т. II, вып. I, С.-Петербург, 1913, с. 132 и сл.
- 16 Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine, Paris, 1916, с. 73, 74.
- 17 Орбели И.А. Багаванская надпись, с. 106. Подробное описание храма дано И.А.Орбели в статье "Багаванский храм и его надписи". "Христианский Восток" т. У, вып. II, Петроград, 1917, с. 128 и сл.
- 18 Себеос, с. 58, 68.
Новейшие раскопки, результаты которых изложены А.А.Калантаряном, показывают, что в раннем средневековье /IV-VII вв./ окружность кафедрального собора была окружена обширной площадью, где хоронились видные представители духовенства. Во время раскопок обнаружены каменные кресты, капители и базы от погребальных стен. В этом слое очень мало находок, лишь иногда встречаются обломки толстостенных стеклянных сосудов с фасетками, трехгранные наконечники стрел, датированные V-VI вв. /см. А.А. Калантарян, Двин, с. 109 (Ред.).
- 19 Мовсес Каланкатвацц, с. 258 (русский пер.).
Вардан /Великий/, Всеобщая история, русск. перевод Н.О.Эмина, М., 1861, с. 106.
- 20 Орбели И.А. Багаванская подпись, с. 131.
- 21 Там же, с. 126.
- 22 Себеос, с. 68.
- 23 В новейших исследованиях обосновывается высказанное в свое время мнение Т.Тораманяна о том, что храм в Аване имел пять куполов и это характерно для армянских крестовокупольных

- храмов, увенчанных пятью куполами (см. Марутян Т. Аванский храм, Ереван, 1976) (Ред.).
- 24 Орбели И.А. Шесть армянских подписей, с. 87.
 - 25 Себеос, с. 76, 77. Орбели И.А. ук. соч., с. 72 и сл. Еремян А. посвятила храму Рипсиме остоятельную монографию (Еремян А.Б. Рипсиме, Ереван, 1955).
 - 26 Себеос, с. 119.
 - 27 Степанос Таронский (Асолик), Всеобщая история, перевод и объяснения Н.О. Эмина, М., 1861, с. 155.
 - 28 Такайшвили Е. Материалы по археологии Кавказа, вып. XII, М., 1909, с. 114, примеч. 2 Жордания Хроники, кн I, с. 131, Тифлис, 1842.
 - 29 Георгий Мерчул, Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст, введение, издание, перевод Н.Я. Марра с дневником поездки в Шавшию и Кларджию, Труды по армяно-грузинской филологии, кн. УП. С.-Петербург, 1911, с. 98, 107.
 - 30 Себеос, с. 101, 121.
 - 31 Тораманян Т. Материалы, I, с. 236 и сл., II, с. 77 и сл., подробное описание результатов работ и сведения историков о постройках Нерсеса опубликованы М.Тер-Мовсисяном в УП выпуске ИАК / ук. соч., с. 1-48/.
 - 32 Кузнецов А.В. Тектоника и конструкция центральных зданий, т. I, М., 1951.
 - 33 Мнацаканян С.Х. К вопросу о проекте реконструкции Звартноца, "Вестник общ. наук АН Армянской ССР, № 4, 1959, его же Новый проект реконструкции Звартноца, там же, № 9, с. 73, рис. 15, 17. Но этот пересмотр реконструкции Т.Тораманяна оспаривается другими исследователями (см. текст Токарский Н.М. По страницам армянской архитектуры, Ереван, 1973, с. 76, Марутян Т. Звартноц, 1963 (Ред.).
 - 34 Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры, т.П, М.-Л., 1935, с. 484
 - 35 В УП же веке в армянской церковной архитектуре появилась многоабсидная центрально-купольная форма (церковь у селения Егвард, церковь (ее развалины) егвардского типа в Иринде, на западном склоне Арагаца.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИСКУССТВО

Общая характеристика изобразительного искусства средневековой Армении

I О влиянии армянского изобразительного искусства как на искусство одожающих соседей, так и на территориально весьма отдаленных народов см. Strzygowski J., Die Baukunst... Weitzmann K., Die armenische Buchmalerei des 10. und beginnenden 11. Jahrhunderts, Bamberg, 1933; Der Nersessian S.L. Art Arménien, Paris, 1977. idem, Armenia and the Byzantine Empire, С. 1347. (Скульптура

2 Имеющие аналогию в ранних коптских надгробных памятниках.
3 Эти два древа несут символический смысл: древо жизни, процветает древо есть символ благоразумного разбойника, древо познания добра и зла - древо увядшее - символ злого разбойника.

4 О ктиторских портретах см. Мнацаканян С.Х. Армянский светский рельеф, Ереван, 1976.

5 Если фигуры эти и в самом деле - женские (что противоречит обычному изображению работ по виноградарству, как это представлено хотя бы на рельефах Ахтамарского храма, 915-921 гг.) то в этих женщинах можно усматривать первопроевителиниц армянского народа, предтеч Григория Просветителя - Рипсиме и одну из ее сподвижниц, которые по легенде имели отношение к виноградарству.

6 Встречающиеся в рукописях капители коринфского ордера являются, по-видимому, результатом следования какому-либо живописному образцу, т.к. в армянской архитектуре ордер этот встречается крайне редко, например, в Ишхане, где впрочем применен не акант, а скорее опять-таки пальметка.

7 несколько измененные и исполненные живописью эти пальметки покрывают гладкие капители Лмбата, почти в том же виде входят во фризовый и обрамляющий камнерезной орнамент многих памятников, а в дальнейшем, с X в., иногда в сильно измененной, но вполне узнаваемой форме украшают страницы рукописей.

8 Все три типа капителей Звартноца в отдельных деталях связаны или с эллинистической, или с ранневизантийской культурой.

9 Видоизмененная розетка - звезда - солнце Ереванской базилики

10 По мнению С. Мнацаканяна, это изображения ктиторов (Мнацаканян С.Х., Звартноц. Памятник армянского зодчества XI-XII веков, М., 1971, с. 52-54) (Ред.).

11 См. Мнацаканян С.Х. Армянский светский рельеф.

12 В переводе на русский "хачкар" означает "крест-камень".

Стенная живопись

13 Где сохранилась сцена "Крещения".

14 Расчищена реставраторами И.О. Чириковым /1932 г./ и П.И. Юкиным /1938 г./.

15 Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине, СПО, 1904.

16 В исследовании Н.Г. Котанджана, посвященном раннесредневековой живописи Армении, сообщается о том, что следы живописного грунта, относящегося по своему техническому характеру и составу к рассматриваемому периоду, обнаружены им почти во всех церквях IV-VII вв. на территории Советской Армении /см. Котанджян Н.Г. Цвет в раннесредневековой живописи Армении, Ереван, 1978/. /Ред./.

17 Strzygowski J. ук. соч., с. 498-499, 530.

18 Мандорла - овальное обрамление, ореол вокруг фигуры Христа или Богоматери в композиции многих канонических сцен "Вознесения", "Преображения", "Христа во славе" и др.

19 Тетраморф - одна из небесных сил из свиты бога; изображается в виде четырехкрылого, позже шестикрылого, серафима с четырьмя головами символов евангелистов; человека, орла, льва и быка. Иногда, как в Лмбате, из-под крыльев видны стопы ног; бывает и так, что по сторонам нарисованы еще кисти рук.

20 Strzygowski J. ук. соч., с. 298. Дурново Л.А. Краткая история древнеармянской живописи, М., 1957, с. 10.

21 О росписи Аруча см. также Дурново Л.А. Стенная живопись в Аруче. "Известия АН Армянской ССР", № 1, 1952, Котанджян Н.Г. Художественный язык Аручской росписи и раннесредневековые фрески Армении, II Международный симпозиум по армянскому искусству, АН Армянской ССР, Институт искусств, Ереван, 1978.

22 Об устойчивости этого иконографического варианта в монументальной живописи Армении свидетельствует памятник конца XIII века - роспись в апсиде Большой церкви монастыря Кобайр, где Христос, причащающий хлебом Петра, держит в левой руке свернутый свиток (см. Дрампян И.Р. Фрески Кобайра, Ереван, 1979, с. 10, и л. 5, 9) (Ред.).

23 К сомалению, в настоящее время следов этих изображений уже не существует /ред./.

24 В "Краткой истории древнеармянской живописи" (с. 12), Л.А. Дурново допускала, что "в конхах, на столбах между апсиды -

ми были расположены какие-либо изображения другого характера". Тщательное обследование остатков росписи Н.Г.Котанджян выявило в западной апсиде следы вероятно стоящей фигуры. "Наличие этой фигуры делает еще более обоснованной проводимую Дурновой аналогию этой стенописи с мозаиками Равенны, где сюжетные мотивы сочетаются с орнаментальными, занимающими большие плоскости и интерьера" /Котанджян Н.Г. Цвет в раннередневековой живописи Армении, с. 51/ (ред.).

Книжная живопись.

- 25 Концевым миниатюрам Эчмиадзинского Евангелия посвящено исследование С.Тер-Нерсисян "La peinture arménienne au VIIe siècle et les miniatures de l'évangile d'Étchmiadzin" (см. Der-Nersessian S. Etudes byzantines et arméniennes т. I, с. 525-532, а так же Тер-Нерсисян С. "Армянское искусство в средневековье", с. 56-63).
- 26 Strzygowski J. Das Etschmiadzin-Evangeliar, Wien, 1891. Как отмечает Т.А.Измайлова, концевые миниатюры Эчмиадзинского Евангелия, несущие на себе отпечаток благородства, могут быть поставлены в один ряд с лучшими произведениями христианского искусства (см. Измайлова Т.А. Армянская миниатюра XI века, М., 1979, с. II) (ред.).
- 27 По поверью, пеликан для того, чтобы накормить своих голодающих птенцов, отрывал для них куски мяса от своей груди.
- 28 Иконографический тип Богоматери, державшей мандорлу с Христом-Эммануилом, в ранних памятниках встречается редко и трудно локализуется, т.к. разрозненные образцы с этим типом происходят из Египта, Сирии, Рима и юга Италии. Почитание Христа-Эммануила, по-видимому, идет из "сиро-египетского угла", т.е. из региона, к которому с востока относится и Армения. Это положение подтверждается существованием не одной только Эчмиадзинской концевой миниатюры с изображением Христа-Эммануила, но и изображениями Христа в начальных миниатюрах Эчмиадзинского Евангелия, где он представлен в типе Эммануила на коленях Богоматери-Оранты. Этот же тип Христа-Эммануила имеется и на рельефе южной стены храма в Птгни.
- 29 Кондаков Н.П. Иконография Богоматери, т. I, СПб, 1914, с. 304-315.
- 30 О связи миниатюр Евангелия царя Млке с фресками Лмбата и Талина см. в предисловии С.Тер-Нерсисян к альбому "Armenian Miniature Paintings".

Музыка

- 1 Так, Иоанн Мамиконян воодушевленно рассказывает, что когда Ваан Камсаракан и князь Вараз Палуни прибывают в село (Кенанц Вайрк) после одной блестящей победы над персами, оставив на поле битвы гору вражеских трупов, навстречу им выходят крестьяне с "песнями и плясками" и запевают "шер":
Сохрани звери трупы (убитых Варазом)
И разжирили.
Хорек нажрался, вздулся словно медведь;
И лиса возгордилась словно лев;
Волк обжорлив был, лопнул... и т.д. (Иоанн Мамиконян, История Тарона), с. 247. Песни "срич" упоминает также Степанос Сюнеци.
- 2 По Хр.Кушнареву, редчайшим примером, сохранившим типичные черты крестьянского лирического творчества данного периода, является трогательная песня: ("Ты, ива, не гни"). Хр.Кушнарев Вопросы истории и теории армянской монодической музыки, Л., 1958, с. 102-103).
- 3 Об армянских городских песнях и плясках раннего средневековья ретроспективно можно составить примерное понятие по относительно простым образцам песен Акна.
- 4 В отличие от поэм и эпических песен предыдущей эпохи в них "отсутствует чудесное, сверхъестественное. Действующие лица хотя и имеют героический характер, но все же - люди. Нет больше древних легенд о вишапах. Тема в общем имеет гораздо более историческую окраску". (М.Абегян, труды I, Армянская эпическая словесность, Ереван, 1966, с. 102).
- 5 Армянская Книга Канонов, том. II, с. 211-212. Использован перевод С.Аревшатяна, ср. Каноны Четвертого Двинского Собора.
- 6 Иоанн Мамиконян, с. 156-157.
- 7 Однако до нас дошли лишь начальные строки Давидовой песни, посвященной Тиграну Великому (Ервандяну), (Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи, с. 129) и стихи знаменитого "Плача" Давтака Кердона, сочиненные по случаю трагической смерти албанского князя Джуаншера, о чем выше было сказано.
- 8 Орманиян М. Армянская церковь, ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее (перевел с французского Б.Рунт, Москва, 1913).
- 9 Мовсес Хоренаци, III. 54. - 483 -

- 10 Орманян М. ук. соч., с. 24.
- 11 Комитас, Статьи и исследования (собрал Р.Терлемезян), Ереван, 1941, с. 106.
- 12 Главным образом- псалмов. Они с древних времен пелись наизусть, не только среди армян, но и среди греков и сирийцев; и так создались народные варианты канонических молитв, исполнение которых в церкви запрещал 55-й канон Лаодикийского собора (Армянская книга канонов, кн. с. 240). 15-й канон того же собора запрещал также народу присоединяться к церковным певчим при исполнении псалмов (там же, с. 232). Несмотря на это, псалмы распространялись в массах, ибо они пелись не только в церквях. Именно в IV в., в толковании псалтыри Евсевий Кесарийский свидетельствует, что народ пел псалмы повсюду - в городах, селах и даже на полях; не только среди греков, но и среди "варваров". Агуни В. История армянского молитвенника, Венеци, 1965, с. 16. И если Лазар Парпеци также констатирует, что у нас сразу после перевода Библии на армянский язык толпы народа- женщины, мужчины, подростки, а также вельможи, преуспев духовно, из церквей возвращались исполненные радости, пели псалмы "везде - на площадях, улицах и дома" (с. 17), то значит, что в Армении оочай петь псалмы наизусть также идет с древних времен.
- 13 В частности, "собрание церковных книг", как выражается Корюн, подразумевая церковно-служебные книги и приписывая их перевод с греческого "олаженному Сааку" (с. 110).
- 14 Лазар Парпеци, с. 17.
- 15 Отцы армянской церкви не могли игнорировать существование народной ветви пения псалмов и не использовать ее национальную музыкально-речивую сторону, в то время, когда вся их деятельность была направлена на национализирование христианского богослужения в Армении и когда с этой именно целью в основу новорожденного литературного языка был положен разговорный язык (Ачарян Гр. История армянского языка, т. II, Ереван, 1951).
- 16 А именно: вечерней "Свете тихи", и утренней "Слава в вышних Богу".
- 17 До нас дошли некоторые образцы этих архаичных псалмов, а также канонагдухи старинной Псалтыри-Часослова.
- 18 Правда, некоторые образцы песен "кнчурд" были сочинены еще в IV веке. Однако реальной основой их возникновения в опре-

деленном жанровом облике и дальнейшего развития послужило именно создание письмен и армянского литературного языка.

- 19 Ср. Абегян М. История древнеармянской литературы, т. I (перевод К.Мелик-Оганджяна), Ереван, 1948, с. 408-415.
- 20 Кнчурды св. Вфрема глубинной Сирии, издал вместе с предисловием Н. Акинян, Вена, 1957.
- 21 Отсюда, кстати, ясно, что церковь обращалась к народно-гусанскому творчеству не только потому, что она должна была уметь говорить с паствой на родном ей музыкальном языке. Сама тенденция развития духовного песнетворчества требовала применения и некоторых важнейших принципов музыкального воплощения, выработанных в светском искусстве.
- 22 Вопросы развития духовной оригинальной песни в это время поднимались, конечно, и в школах Армении, среди которых главная находилась в Ваварнапате - политико-административном и культурном центре страны.
- 23 Удачным примером может служить песнь Месропа Маштоца "Слезы моего раскаяния".
- 24 См. песня Саака Партева "Страшен Ты, Царь".
- 25 См. песнопение Мовсеса Хоренаци "Радуйся, Святая, благовестием Гавриила".
- 26 Именно в это время Езрас Ангехаци увеличивал "классы риторов" (Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика, переведена с армянского и объяснена Н.Эмином, М., 1864, стр. 57-58). Нерсес Багревандаци прилагал усилия для преуспевания центров обучения и образования. Нерсес Багревандаци - I, Бейрут, 1959, с. 556), и действительно, процветали синикские школы, в частности высшая школа в Шагате.
- 27 Надо сказать: "Души посвятившие себя" имеет в себе почти все признаки жанра, называвшегося "кнчурд" или "кондак" (կոնժակ, от греч. κοντάκιον) и является полностью национализированным аналогом византийских прототипов. Жанр кондака, однако, не получил широкого применения в раннесредневековой Армении, так как в рассматриваемый период (сначала стихийно, а чуть позже - вполне сознательно), армянская церковь поощряла обращение художников к другому, новому и, в музыкальном отношении более гибкому жанру канона (состоящего из ряда относительно самостоятельных номеров). Независимо от этого, названное произведение Комитаса Ахцеци

- своим общим художественным уровнем послужило стимулом нового подъема.
- 28 Последние – особенно при руководстве "отцов отцов" Соломона. Можно утверждать, что в упомянутых и подобных школах учащимся давалось не только общее высшее образование, но иногда даже с профессиональным, в том числе и музыкальным уклоном. Учреждение типа Schola cantorum не было основано в Армении.
 - 29 В частности, в сочинениях Иоанна Одзнеци, Степаноса Сюнеци, Мовсеса Сюнеци.
 - 30 Например, Товакан (*Sohakank* – Торжественник), или Тчаринтир (*Tcharintir* – Гомилиарий), составленный вышеупомянутым Соломоном.
 - 31 Степанос Орбелян, с. 226. В рассматриваемое время высшие школы функционировали и в других местах, в частности в Ахтамаре и Севане. Усовершенствовалась система обучения и высшего образования.
 - 32 Также школа-монастырь в Держане и др.
 - 33 Асегян М. ук. соч., с. 447, 459.
 - 34 На это обращал внимание еще М. Асегян. Положение несколько изменилось с тех пор. (Чукасян Б. Армяно-иранские литературные связи У-ХУШ вв. Ереван, 1963).
 - 35 Капанцян Г. Культ Ара Прекрасного, Ереван, 1944, с. 92–93.
 - 36 По имени этого музыканта и певца лютня на Ближнем Востоке (отчасти и в Армении) до арабского нашествия называлась барбад.
 - 37 Известно, что Фирдуси в своем "Шах-наме" рассказывает и о соревновании, имевшем место при дворе Хосрова между Барбадом и Саргисом. При этом последнего поэт называет Саркаш. По этому поводу Бертельс справедливо замечает, что "нельзя сомневаться в том, что "Саркаш" – это искаженное армянское имя Саркис". (Бертельс Е. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы, М., 1960, с. 221).
 - 38 Трудность заключается в том, что названные элементы, вместе с другими, также шедшими с Ближнего Востока, а потому и родственными армянским, сплавлены в том большом явлении, которое называется "византизмом".
 - 39 Ануни В. ук. соч., с. 143–84.
 - 40 Wellesz E. A History of Byzantine Musik and Hymnography, 2nd ed, London, 1962, с. 169–170, 229.

Театр

- 1 Ачарян Гр. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. II, изд. ЕГУ, Ереван, 1973, с. 157–158.
- 2 Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания, СПб, 1907, с. 61–619.
- 3 Энгельс Ф. Диалектика природы.
- 4 Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 454.
- 5 См. Аникст А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. Изд. "Наука", М., 1967, с. 92.
- 6 См. Hilgard A. Scholia in Dionysii Tracis, Lipsiae, 1901, с. 306.
- 7 См. Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи.
- 8 Левонян Г. Театр в древней Армении. Историко-филологический очерк, Ереван, 1941, с. 45–58. Гоян Г. "2000 лет армянского театра", т. I, "Искусство", М., 1952.
- 9 См. Адонц Н. ук. соч., с. 193.
- 10 Есаи Ничеци. Анализ грамматики, изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1966, с. 71.
- 11 Рукопись № 55, л. 49а.
- 12 Адонц Н. ук. соч., с. 192.
- 13 Там же, с. 187.
- 14 Рукопись, № 2193, л. 336–34а, № 2380, л. 52а.
- 15 Иоанн Мамиконян, с. 246–247.
- 16 "Айерг – песня, мелодии, стихи", Тифлис, 1882, с. 182.
- 17 Рукопись, № 1100, л. 206б, Есаи Ничеци, с. 71.
- 18 Мовсес Хоренаци, I, 24 (25).
- 19 Рукопись, № 55, л. 422б.
- 20 Алишан Л. Родные предания, т. II, Венеция, 1921, с. 109–110.
- 21 Мовсес Хоренаци, I, 6.
- 22 Эмин М. Эпос древней Армении, М., 1850, с. 96.
- 23 Веселовский Ю. Очерки армянской литературы и истории, Ереван, 1972, с. 66–67.
- 24 "Новый словарь древнеармянского языка". т. II, Венеция, 1837, с. 625. О танцах и о хороводных танцах см. Лисициан С.С. Старинные пляски и театральные представления армянского народа, т. I, Ереван, 1958, с. 614, т. II, Ереван, 1972, с. 501.
- 25 Платон, соч. т. III, ч. 2, с. 118.
- 26 "Диалоги Платона", Венеция, 1890, с. 45.
- 27 Лисициан С.С. ук. соч., т. I, с. 169–262.
- 28 Там же, т. II, см. главу первую:
А. Основные компоненты синтеза театрального плясового ма-

- териала (с. 3-68) и Б. Вспомогательные компоненты синтеза театрального плясового материала (с. 68-87).
- 29 Mahr A. The origin of the Greek Tragic Form, New York, 1938, с. 25.
- 30 Лисициан С.С. ук. соч., т. II, с. 59, 60.
- 31 Агатангелос, с. 18-19.
- 32 К.Маркс. К критике политической экономии в книге: К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, М., 1935, с. 203.
- 33 Вейман Р. История литературы и мифология, М., 1975, с. 254.
- 34 Евреинов Н.Н. Азазел и Дионис. О происхождении сцены в связи с загатками драмы у семитов, Л., 1924.
- 35 Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 461.
- 36 Мовсес Хоренаци, II, 50, 61.
- 37 Халатянц Г. Армянский эпос в "Истории Армении" Моисея Хоренского, М., 1896, с. 75.
- 38 Письма Григора Магистра, Александраполь, 1910, с. 40, 59.
- 39 Гатрдян О. История армянской литературы.
- 40 "Новый словарь древнеармянского языка", т. II, с. 819. См. Алишан Л. Древние верования или языческая религия армян, Венеция, 1910.
- 41 К.Маркс и Ф.Энгельс, Восстание Милана, соч., т. IX, М., 1957, с. 107.
- 42 Рукописи: № 8172, л. 60а, № 108, л. 93б.
- 43 Мовсес Хоренаци, III, 19.
- 44 Там же, II, 63.
- 45 Бузанд, VI, 8-10.
- 46 Плутарх. Сравнительные жизнеописания, в трех томах, т. II, "Красс", XXXII, М., 1963.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Произведения классиков марксизма-ленинизма

- К.Маркс. К критике политической экономии. В кн: К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т. I, ч. I, М., 1935.
- К.Маркс и Ф.Энгельс. Немецкая идеология, Соч., изд. второе, т. 3, М., 1955.
- К.Маркс и Ф.Энгельс. Миланское восстание, Соч., т. 9, М., 1933.
- Ф.Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн: К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., изд. второе, т. 21, М., 1961.
- Ф.Энгельс. Диалектика природы, Соч., т. 20, М., 1961.
- В.И.Ленин. Философские тетради, Полн. собр. соч., т. 29, М., 1963.
- В.И.Ленин. Письмо И. Арманд от 30 ноября 1916 г. Полн. собр. соч., т. 49.

Источники

а) Рукописи:

Институт древних рукописей - "Матенадаран" им. М. Маштоца при Совете Министров Армянской ССР. Фонд древнеармянских манускриптов - рукописи: № 55, 108, 582, 599, 835, 953, 1267, 1495, 1737, 1746, 1898, 1903, 1980, 1999, 2001, 2180, 2189, 2193, 2380, 2676, 2965, 2995, 3071, 3120, 3504, 4381, 6718, 7749, 8172, 8258, 10200.

Библиотека Армянского католического монастыря св. Лазаря в Венеции, рукопись № II44/86.

б) Издания текстов и научных переводов.

Աբրահամյան Ա. Անանիայի Շիրակացու խոսքերը, Երևան, 1944.
(Абрамян А. Сочинения Анания Ширакаци, Ереван 1944).

Ագաթանգեղոս Պատմութիւն Հայոց, աշխատութեամբ Գ.Տեր-Ստրուշեան և Ս. Կանանկեան, Տիֆլիս, 1909: Մյուս հրատարակութիւնը, 1914: (Агатангелос. История Армении, изд. Г.Тер-Мкртчян и С.Кананянц, Тифлис, 1909; Другое издание, 1914).

Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи, Петроград, 1915.

Արուեստ Դոնիսեայ Բերականի և Սեկունթիւք Նորիւ/

Անանիա Շիրակացի, Տիեզերագիտութիւն և տոմար, հրատ. Աշ. Աբրահամյան, Երևան, 1940

(Анания Ширакаци. Космография и календарь, изд. Ам. Абрамяна, Ереван, 1940).

Анания Ширакаци. Космография. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатян, Ереван, 1962.

Анания Ширакаци. Вопросы и решения, перевел и издал И.А. Орбели, Петроград, 1918.

Անանիա Շիրակունւոյ Մնացորդք բանից, ի լոյս ետե Բ. Պատկանեան, Ս. Պետերբուրգ, 1877:

(Фрагменты произведений Ананя Ширакаци (Ширакаци), изд. К.П. Патканян, СПб, 1877).

Անանիւն Սեկունթիւն Ստորագրութեանց Արիստոտելի. համահավաք բնագիրը Ս. Պ. Լաւաթարյանի և Վ. Կ. Չալոյանի, Թարգմանութիւնը գրաբարից ռուսերէն Ս. Ս. Արևշատյանի, Երևան 1961:

Анонимное толкование категорий Аристотеля. Сводный текст С.П. Лалафаряна и В.К. Чалояна, перевод с древнеармянского С.С. Аревшатяна, Ереван, 1961.

Հայերգ, Թիֆլիս, 1882

(Айерг, Тифлис, 1882).

Аристотель. Аналитики Первая и Вторая, Перевод с греческого Б.А. Фохта, М., 1952.

Аристотель. Метафизика. Соч., т. I, М., 1976.

Սեկունթիւն ստորագրութեանց Արիստոտելի բնայեւ Էրիասի իմաստասիրի. ի լոյս ետե Թ. Սաննդեան. Ս. Պետերբուրգ, 1911

(Толкование к Категориям Аристотеля, приписываемое комментатору Элиасу. Издал Я. Манандян. С.-Петербург, 1911).

Կանոնագիրք Հայոց, Բ, աշխատութեամբ Վազգէն Հակոբյանի, Երևան, 1971:

(Армянская книга канонов, т. II, Предисловие, научно-критический текст и примечания Вазгена Акопяна, Ереван, 1971).

Вардан Великий. Всеобщая история. Русский перевод Н.О. Эмина, М., 1861.

Георгий Мерчуд. Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст, введение. Издание, перевод Н.Я. Марра с дневником поездки в Шавшию и Кларджию. "Тексты и разыскание по армяно-грузинской филологии", кн. VII, СПб, 1911.

Թաճախապատմւ Եւաք սրբոյ հօրն Սերոյ երանելւոյն Գրիգորի Լուսավորչի, աշխատութեամբ Ա.Տեր-Սիմեան, Էջմիածին, 1894:

(Многoveschatelnye rechi sv. otca nashogo blažennoho Grigora Lusavoricha, изд. А. Тер-Микеляна, Вагаршапат, 1894).

Գրիգոր Մագիստրոսի Թղթերը, հրատ. Կ. Կոստանյանց, Աղեքսանդրապոլ, 1910:

(Письма Григора Магистра, изд. К. Костанянц, Александрополь, 1910).

Դաւիթ Անյաղը. Սահմանք իմաստասիրութեան, բնական բնագիր, ռուսերէն Թարգմանութիւնը, առաջաբանը և ճանթագրութիւնները Ս. Ս. Արևշատյանի, Երևան, 1960:

(Давид Анахт (Непобедимый). Определения философии. Сводный критический текст, перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии С.С. Аревшатяна, Ереван, 1960).

Давид Анахт. Сочинения, перевод с древнеармянского С.С. Аревшатяна, М., 1975.

Давид Непобедимый. Толкования Аналитики Аристотеля. Сводный критический текст, перевод с древнеармянского, предисловие и примечания С.С. Аревшатяна, Ереван, 1967.

Եւսեբորոս Կեսարացի, Ժամանակակից Իբրոնիկոն/ Մասն, Ա., աշխատութեամբ Հ. Մկրտիչ Ազերեանց, Վենետիկ, 1818:

(Евсевий Кесарийский. Хроника, часть I, изд. М. Авгеряна, Венеция, 1818).

Եղիշէի վարդապետի Մատենագրութիւնը, Վենետիկ, 1859:

(Сочинения вардапета Егише. Венеция, 1859).

Եղիշէ Պատմութիւն վարդապետ Սեւակեանց օրհանկի, Տիֆլիս, 1904:

(Егише. История Вардана по андзеванийской версии, Тифлис, 1904).

Եղիշէ. Վասն վարդապետ Եւ Հայոց պատերազմին, ի լոյս ածեալ բաղդաստութեամբ Լեւազարաց, աշխատութեամբ Ե.Տեր-Սիմեանի, Երևան, 1957:

(Егише. О Вардане и армянской войне, изд. Е. Тер-Минасян, Ереван, 1957).

Егише. О Вардане и войне армянской. Перевод с древнеармянского И.А. Орбели, подготовка к изданию, предисловие и примечания К.Н. Юзбашяна, Ереван, 1971.

Եղեկայ Կողբացւոյ Եղծ աղանդոց, Վենետիկ, 1826, Թիֆլիս, 1914:

(Опровержение лжеучений Езника Колбаци, Венеция, 1826; Тифлис, 1914).

Взник Колбаци. Книга опровержений. Перевод и предисловие

В.К. Чалояна, Ереван, 1968.

Երեմյան Ս.Տ., Հայաստանը ըստ Աշխարհացոյց, թիվ 7-րդի
հայկական քարտեզի վերակառուցման ժամանակակից քարտեզագրա-
կան հիմքի վրա, Երևան, 1963, քարտեզով:

(Еремян С.Т. Армения по "Ашхарацуи"-у (Армянской географии
VIII века) (Опыт реконструкции армянской карты VIII века на
современной картографической основе), Ереван, 1963, с
картой.

Եսայի Եշեցի. Վերլուծություն քերականության Աշխատարկության
Լ.Գոսաշերյանի, Երևան, 1966:

(Есаи Ничеци. Анализ грамматики, Ереван, 1966).

Զենոբ Գլակ Ասորի. Պատմություն Տարոնոյ, Վենետիկ, 1832:

(История Тарона Зеноба Глака Сирийца, Венеция, 1832).

Զովհաննու Մամիկոնեանի եպիսկոպոսի Պատմություն Տարոնոյ, Վենետիկ,
1832, Երևան, 1941/

(История Тарона епископа Иоанна Мамиконяна, Венеция, 1832).
(Ереван, 1941).

Տառն Զովհաննու Մանգակունց ճառք, Վենետիկ, 1836, երկրորդ
տպագր. 1860:

(Речи Иоанна Мандакуни, Венеция, 1836, второе издание 1860).

Զովհաննու Ոսկերեքանի Մեկնութիւն Բղթոցե Պաղատի, Կ.Ա., Վենետիկ,
1862:

(Комментарий к посланиям Павла Иоанна Златоуста, т. I, Венеция,
1862).

Զովհաննու Իմաստասիրի Աւանեսոյ մատենագրութիւնք, Ի Վենետիկ,
1833:

(Сочинения Иоанна Имастасера Одзнеци, Венеция, 1833).

Զովհաննու Կաթողիկոսի Դրասխանակերտցոց Պատմութիւն Հայոց, Թիֆլիս,
1912:

(Иоанн католикос Драсханакертци. История Армении, Тифлис,
1912).

Կեղծ Հաւատոյ, Ա Էջմիածին, 1914:

(Исповѣдание веры. Св. Эммиадзин, 1914).

Иреней. Против ересей. Перевод на русский с немецкого выпол-
нил проф. Н.Сагарда, "Христианское чтение", т.87, 1907.

Каноны четвертого Двиноского собора. Перевод с древнеармянско-
го С.С.Аревшатяна, "Вестник Матенадарана", № 6, 1962.

Կանոնագրք Հայոց աշխատարկության վաղին հայերյանի, Կ. Ա-Բ,
Երևան, 1964-1971:

Армянская Книга канонов. Предисловие, научно-критический текст
и примечания Вазгена Акопяна, т. I-П, Ереван, 1964-1971).

Книга Большому Чертежу, М.-Л., 1950.

Книга глаголемая Космы Индикоплова, СПб, 1886.

Գիրք Մեծ Մշտոց Կոչեցեալ, Կ.Պոլիս, 1807:

(Книга, называемая "Большой Маштоц", Константинополь, 1807).

Գիրք Բղթոց, Թիֆլիս, 1901:

(Книга посланий, Тифлис, 1901).

Կոմիտաս, Հոգովածներ և ուսումնասիրություններ, հավաքեց Ռ. Թերլե-
մեզյան, Երևան, 1941:

(Комитас. Статьи и исследования. Собрал Р.Терлемезян, Ереван,
1941).

Կորիւն. Վարք Մշտոցի բնագիրը և եռաբանական ալ ընթերցվածքներով,
Բարգմանությամբ, առաջաբանով և ծանոթագրություններով Ի Լեւոն
պրոֆ. ղով. Մ. Աբեղյանի, Երևան, 1941:

(Корюн. Жизнь Маштоца. Текст с разночтениями рукописей, пере-
вод, предисловие и комментарии М.Абегяна, Ереван, 1941).

Корюн. Житие Маштоца. Перевод Ш.В.Смбатяна и К.А.Мелик-Оган-
джяна, Ереван, 1962.

, Կորիւն, Մամբրե, Դաւիթ, , Վենետիկ, 1833:

(Корюн, Мамбрэ, Давид, Венеция, 1833).

Կсенофонт. Анабасис, М., -Л., 1951:

Կալվածագրք, Կազմ. Ար.Աբրահամյան, Երևան, 1941:

(Купчие, сост. Ар.Абрамян, вып. I, Ереван, 1941).

Կցուրդք Ս.Եփրեմի խորհի Ասորոյ, հրատարակեց հանդերձ ներածու-
թեամբ Ե.Ավինյան, Վիեննա, 1957:

(Кцурдъ Св.Ефрема Глубинной Сирии, издал вместе с предисло-
вием Н.Акинян, Вена, 1957).

Ղազարայ Գարեգեցոյ Պատմութիւն Հայոց և Բուղթ առ Վահան Մամիկոնեան,
աշխատութեամբ Գ.Տէր-Սկրտչեանի և Ստ. Մալխասեանի, Տիֆլիս,
1904, մյուս հրատարակությունը, Թիֆլիս, 1907:

(Лазар Парпеци. История Армении и послание Ваану Мамиконяну.
Критическое издание подготовили Г.Тер-Мкртчян и Ст.Малхасянц,
Тифлис, 1904. Другое издание, Тифлис, 1907.

Մանեղյան Հ.Հ., Հերմես Եռամեծի առ Ասկղեպիոս Մահմանք. բնագիր
Բարգմանությունը գրաբարից ռուսերեն Ս.Ս.Արևշատյանի, ման-
րեր Մատենադարանի, , Եռ.Յ, Երևան, 1956:

(Манандян Я.А. Определения Гермеса Трисмегиста. Перевод тек-
-

та с древнеармянского на русский С.С.Аревшатяна, "Вестник Матенадарана", Ереван, № 3, 1956).

Պատմութիւն Աղուանից արարեալ Մովսէսի կաղանկատեացւոյ, ի լոյս
բեմայեց կարպետ Վ.Շահապարեան, հ. Ա, Փարիզ, 1860:

(Мовсес Каланкатвази. "История Албан", издал К.В.Шахназарян,
т.І, Париж, 1860).

Моисей Каланкатвази. История Агван, перевод с древнеармянско-
го К. Патканяна, СПб, 1861.

Մովսէսի կաղանկատեացւոյ Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի, Թիֆլիս,
1912:

(Мовсес Каланкатвази. История страны Агванов, Тифлис, 1912).

Մովսէսի խորենացւոյ Մատենադրութիւնք, Վենետիկ, 1843:

(Сочинения Мовсеса Хоренаци, Венеция, 1843).

Մովսէսի խորենացւոյ Պատմութիւն Հայոց, աշխատասիրութեամբ Ս. Աբեղ-
յանի և Ս. Հարությունյանի, Տիֆլիս, 1913:

("История Армении Мовсеса Хоренаци" критическое издание текс-
та М.Абегяна и С. Арутюняна, Тифлис, 1913).

История Армении Моисея Хоренского, перевод Н.О.Эмина, М., 1893.

Մխիթար Գոշի, Պատաստանագիրք Հայոց, հրատ. Վահան Բասմալյանի,
Վաղարշապատ, 1880:

(Армянский Судебник Мхитара Гоша, изд. Ваган Бастамянц, Вагар-
шапат, 1880).

Армянский судебник Мхитара Гоша. Перевод с древнеармянского
А.А.Паповяна. Редакция, вступительная статья и Примеча-
ния Б.М. Арутюняна, Ереван, 1954.

Մխիթար Գոշ, Գիրք Պատաստանի, աշխատասիրութեամբ խորով Թորոսյանի,
Երևան, 1975:

(Мхитар Гош. Судебник. Сводный текст, предисловие и коммента-
рии Хосрова Торосяна, Ереван, 1975).

Շեմսեդինի փիլիսոփայի եմեսացւոյ Յաղազ բնութեան մարդոյ, Վենետիկ,
1889:

(Немесий, философ из Эмеса. О природе человека, Венеция, 1889).

Патканов К.П. Армянская география УП века, СПб, 1877.

Պղատնի տրամաբանութիւնք. Յաղազս օրինաց եւ Միտովս. լաշխատ. Գ.
Զարգանաւեան, Վենետիկ, 1890:

(Платон, Диалоги- "Закон" и "Минос", публикация Г.Зарбаналяна,
Венеция, 1890).

Платон, Сочинения в трех томах. Под общей редакцией А.Ф.Лосева
и В.Ф. Асмуса. Перевод с древнегреческого, т.І, М., 1968,
т.2, 1970, т.3, 4.2, 1972.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т.2, "Сулла", XXVI;

"Лукулл", XIX, XXII; "Марк Красс", XXXIII, М., 1963.

Повесть временных лет, ч. І. Подготовка текста Д.С.Лихачева,
перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова, М.-Л., 1950.

Պատմութիւն Աղեքսանդրի Մակեդոնացւոյ, աշխատ. Ռ.Թրեանց, Վենետիկ,
1842:

(Псевдо-Каллисфен. История Александра Макидонского). Изд.
Р.Трянц, Венеция, 1842).

Պատմութիւն Սեբեոսի, աշխատ. Գ.Վ. Աբգարյանի, Երևան, 1979:

(История епископа Себеоса, предисловие и комментарии Ст.Малха-
сянца, Ереван, 1937).

История епископа Себеоса. Перевод с четвертого исправленного
армянского издания Ст.Малхасянца, Ереван, 1939.

Պատմութիւն Սեբեոսի, աշխատ. Ս. Մալխասյանցի, Երևան 1937:

(История Себеоса, сводный критический текст, предисловие и
комментарии Г.В.Абгаряна, Ереван, 1979).

Ասորական դատաստանագիրք, լոյս բեմայեց Արսեն Ղազեան, Ըջմիածին,
1919:

("Сирийский судебник", изд. Арсен Клтчан, Эчмиадзин, 1919).

Տմբատ Տարապետ. Судебник. Составление текста, перевод с древ-
неармянского А.Г. Галстяна, Ереван, 1958.

Судебник Տմբատա Տարապета (Гундстабля) 1265 г. Перевод со
среднеармянского, предисловие и примечание А.Г.Сукиасяна,
Ереван, 1971.

Սուրբատմայ Սթրապտիկոսի եկեղեցական Պատմութիւն, Թարգմանեաց ֆիլոն
Տիրակացի, , Պատմութիւն վարուց սրբոյն Սեղբեստրոսի եպիսկոպո-
սին Հռովմայ, , Թարգմանեալ Աբասուն Գրիգորի Ձորափորեցւոյ,
հատ. Ա և Բ, աշխատութեամբ Մեսրոպ Վ. Տէր-Մովսէսեան, միաբանի
Ս. Ըջմիածին, Վաղարշապատ, 1897:

(Церковная история Сократа Схоласта, перев.Филон Тиракаци.
История жизни св. Сильвестра епископа Римского, перев.
Абас Григор Дзорепоречи, т. І и II, изд. Месроп В. Тер-
Мовсесян, Вагаршапат, 1897).

Սուրբատմայ Պատմութիւն եկեղեցական և վանք սրբոյն Սեղբեստրոսի,
աշխատասիրութեամբ Մեսրոպ Վ.Տէր-Մովսէսեան, միաբանի Ս. Ըջ-
միածին, Վաղարշապատ, 1897:

(Церковная история Сократа и житие св. Сильвестра, изд. Мес-
роп В. Тер-Мовсесян, Вагаршапат, 1897).

Հարսասանութիւն բովանդակեալ ի հինգ գիրս ի հ. Ստեփաննոս վարդապետ վարդապետէ Ագոնց, Վենետիկ, 1775:

(Степанос Агонц. Риторика в 5 книгах. Венеция, 1775).

Ստեփաննոս Օրբէլեան, Պատմութիւն նահանգին Սիսական, Թիֆլիս, 1910:

(Степанос Орбелян. История области Сисакан, Тифлис, 1910).

Ստեփանոսի Տարոնեցւոյ Ասողկան Պատմութիւն տիեզերական, Ս. Պետերբուրգ, 1885:

Степанос Таронский Асохик. Всеобщая история, переведена и объяснена Н. Эминим, Москва, 1861.

Տիմոթէոսի եպիսկոպոսի Աղեքսանդրեայ Հակածառութիւն առ սահմանեալսն ի ժողովոյն Բաղկերցի. ի լոյս ընծայեալ աշխատութեամբ Կարապետ Ե. Վ. / Տէր-Աւրտէան / և Երուանդ Վ. / Տէր-Սիւսանեց / լիջմիս, 1908:

(Тимофей епископ Александрийский (Элур), Опровержение. Подготовка текста К. Тер-Мкртчяна и Е. Тер-Минасянца, Эчмиадзин, 1908).

Թեովնեայ Թադաւ Հարսասանական Կրթութեանց, աշխատութեամբ պրոֆ. Թադր Մանեղեանի, Երևան, 1936:

(Theonis Progyrnasmata, armeniace et graece, ed. prof. A. Manandian, Erevan, 1938.

(Феон. О риторическом образовании, арм. и греч. тексты, ред. Я. Манандяна, Ереван, 1938).

Փաստոսի Բովանդակեալ Պատմութիւն Հայոց, Ս. Պետերբուրգ, 1883:

(История Армении Фавстоса Бузандаци, СПб, 1883).

Бузандаци, СПб, 1883.

История Армении Фавстоса Бузанда, перевод с древнеармянского и комментарии М. А. Геворгяна, под ред. С. Т. Еремяна, вступительная статья Л. С. Хачикяна, Ереван, 1953.

Խաչիկյան Լ. Ս. Եղիշեի, Արարածոց Մեկնութիւն, աշխատությունը, Երևան, 1945 / անտիպ, Թեկնածուական դիտերտագիա /:

(Хачикян Л. С. Сочинение Египше "Толкование бытия", Ереван, 1945, канд. диссертация, машинопись).

Письма Марка Туллия Цицерона, т. I. М.-Л., 1949, т. II 1951.

"Շարакан, богослужебные каноны и песни армянской восточной церкви", полный перевод Н. О. Эмина, 1-ое издание, под ред. К. И. Костанянца, М., 1914.

Aristotle. On the Heavens, Greek text with an English transl. by W. K. Guthrie, L.-Cambr., Mass., 1939.

Aristotle. Meteorologica Greek text with an English transl. by H. Lee, London, 1952.

Corpus Iuris Civilis, t. III, Novellae, ed. R. Schoell et

G. Kroll, Berolini, 1954.

Eznik de Kolb. De Deo, Traduction française, notes et tables par L. Mariès et Ch. Mercier. Patrologia Orientalis, t. XXVIII, Paris, 1959.

Hannonis Periplus, Geographi Graeci Minores, ed. K. Müllerus, Hildesheim, vol. I, 1965.

Le Synekdemus d'Hierodès et opusculum géographique de George de Chypre, ed. E. Hönigmann, Bruxelles, 1939.

Hippolitus. Werke, vierter Band. Die Chronik, Berlin, 1955,

Irenaeus. Gegen die Häretiker, buch IV und V. Իրենիոսի ընդդէմ Հերետիկոց hrsg. und übersetzt E. Ter-Minassianz, Leipzig, 1910.

Des Heiligen Irenaeus. Schrift zum Erweis der Apostolischen Verkündigung Իրենիոսի Յոյճք առքելական Բարոդութեան hrsg von K. Ter-Mkertitschian und Ter-Minassianz, Leipzig, 1907.

Nonnos. Die Scholien zu fünf Reden des Gregor von Nazianz ed. A. Manandian, Marburg, 1903.

Philostratus and Eunapius. The Lives of the Sophists, with an English transl. by W. C. Wright, Cambridge-London, 1961.

Pliny. Natural History with an English transl. in ten volumes by H. Rackham, Lond., 1950.

Ptolemaei Claudii. Geographiae, ed. J. F. Fischer, I-IV, Leyden, 1932.

Ptolemy. The Almagest, Chicago, 1952.

Ptolemy. Tetrabiblos, with an English transl. by F. E. Robbins, Harvard, 1948.

в) Исследования

Աբեղյան Ս. Հայ ժողովրդական առասպելները: Մովսես Խորենացու, Հայոց պատմություն, 1-ին Վարդապետ, 1899:

(Абегян М. Армянские народные мифы в "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци. Валааршапат. 1899).

Աբեղյան Ս. Հայ ժողովրդական բանասիրություն, Թիֆլիս, 1908:

(Абегян М. Армянский народный эпос, Тифлис, 1908).

Աբեղյան Ս. Հայ վիպական բանասիրություն, Երևան, հ. Ա, Երևան, 1966,

(Абегян М. Армянская эпическая словесность, соч., том I, Ереван, 1966).

- Աբեղյան Ս. Հայոց հին գրականության պատմություն, հատոր Ա, Երևան, 1944.
- (Абегян М. История древнеармянской литературы, т. I, Ереван, 1944).
- Абегян М. История древнеармянской литературы, перевод К. Мелик-Оганджяна, т. I, Ереван, 1948.
- Абегян М. История древнеармянской литературы, перевод К. Мелик-Оганджяна и М. О. Дарбиняна, Ереван, 1975.
- Աբրահամյան Ա. Գ. Անտիկ Շիրակացու Բվարանական խնդրագրքը, շրտական աշխատություններ, Երևանի պետ. համալսարանի հ. 11, 1939
- (Абрамян А. Г. Арифметический задачник Анания Ширакаци, "Ученые труды" Ер. Гос. у-та, т. XI, 1939.
- Ավագյան Հ. Հ. Բացարձակ թվերի և կշռոց, Վենետիկ, 1821.
- (Авгриян А. А. Разъяснение мер и весов, Венеция, 1821).
- Агабабян Р. А. Архитектура грузинского народного жилища, Тбилиси, 1945.
- Агемян Т. А. Звезды, галактики, Метагалактика, М., 1970.
- Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, СПб, 1908, (Ереван, 1971).
- Աժիշյան Հ. Ղևոնդ Երեց և Սոփոս խորհեացի, Վենետիկ, 1930.
- (Акинян Н. Иерей Левонд и Мовсес Хоренаци, Вена, 1930).
- Աժիշյան Հ. Յուշիկի հայրենեաց հայոց, Վենետիկ, հ. Ա և Բ, 1920-1921.
- (Алишан Л. Родные предания, т. I-П, Венеция, 1920-1921).
- Աժիշյան Հ. Հին հատոր կամ հեթանոսական կրոնի հայոց, Վենետիկ-Ս. Ղազար, 1910.
- (Алишан Л. Древние верования или языческая религия армян, Венеция, 1910).
- Альвен Х. Как следует подойти к космологии? (перевод с англ.) в сборнике "Вопросы физики и эволюции космоса", посвященном 70-летию со дня рождения академика В. А. Амбарцумяна, Ереван, 1978.
- Амбарцумян В. А. Космогония и современная астрофизика. Ученые записки ЛГУ, № 17, 1938.
- Амбарцумян В. А. Вопросы космогонии в свете современной астрофизики "Природа", № 2, 1939.
- Амбарцумян В. А. К статистике двойных звезд, "Астрономический журнал", № 14, 1939.
- Амбарцумян В. А. К вопросу о динамике открытых скоплений, Ученые записки ЛГУ, № 17, 1937
- Амбарцумян В. А. К вопросу о флюктуациях яркости Млечного Пути, "Астрофизика", № 1-2, 1944.

- Амбарцумян В. А. К вопросу о характере связи диффузных туманностей с освещающими их звездами, "Астрофизика", № 3, 1945.
- Амбарцумян В. А. Эволюция звезд и астрофизика, Ереван, 1947.
- Амбарцумян В. А. Астрономический журнал, 1949.
- Амбарцумян В. А. Об эволюции галактик. Доклад, прочитанный на XI Соловейской конференции (La structure et l'évolution de l'univers, Editions Stoops, Bruxelles, 1958).
- Амбарцумян В. А. Научные труды в двух томах, 1960.
- Амбарцумян В. А. Проблемы эволюции Вселенной, Ереван, 1968.
- Амбарцумян В. А. К статистике вспыхивающих объектов, в кн: "Звезды, туманности, галактики", Ереван, 1969.
- Амбарцумян В. А., Мирзоян Л. В., Парсмян З. М. Вспыхивающие звезды в Плеядах, IV, препринт № 6, Ереван, 1973.
- Амбарцумян В. А. Философские вопросы науки о Вселенной, Ереван, 1973.
- Амбарцумян В. А., Казютинский В. В. Научные революции и прогресс астрофизики, в кн: "Астрономия, Методология, Мировоззрение", М., 1979.
- Аникст А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга, М., 1967.
- Առաքելյան Բ. Հ. Փամբակագրական դիտողություններ, Տեղեկագիր, ՍՍՀՄ ԳԱ Հայկ. ֆիլ., № 1/6, 1941.
- (Аракелян Б. Н. Хронологические заметки. Известия Армянского филиала АН СССР, № 1(6), 1941).
- Аревшатын С. С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.), Ереван, 1973.
- Արևշատյան Ս. Ղափիթ Անհաղթի ժառանգությունը նոր լուսարևությանը, "Բանբեր Ստանեղարանի", հատոր IX, Երևան, 1969.
- (Аревшатын С. С. Наследие Давида Непобедимого в новом освещении, "Вестник Матенадарана", т. IX, Ереван, 1969).
- Արք. Г. Выбросы из галактик и образование галактик, (перевод с англ.), в сборнике "Вопросы физики и эволюции космоса".
- Արություն В. М. Архитектура патриаршего дворца в Двине. Труды Ереванского политехнического института, Ереван, 1947.
- Արություն В. М., Сафарян С. А. Памятники армянского зодчества. М., 1951.
- Հարությունյան Վ. Ս. VII դարի աշխարհիկ քարտեզագրության մի նոր հոլանդացի, Տեղեկագիր, № 8, 1953.
- (Арутюнян В. М. Новый памятник светского зодчества) Известия АН Арм. ССР (общ. науки), № 8, 1953).
- Արություն Л. Б. О некоторых особенностях питания армянского на-

- рода, в кн: "Армянская кулинария", М., 1960.
- Арутюнян Л.Б. Об условиях возникновения национальной армянской кухни, в кн: "Армянская кулинария", второе издание, М., 1971.
- Հացուհի Վ. Պատմութիւն Հայոց աղօթականացին, Վենետիկ, 1965.
(Ալլуни В. История армянского молитвенника, Венеция, 1965).
- Աճառյան Հ. Հայոց լեզվի պատմություն, Կ.Ֆ, Երևան, 1951.
(Ачарян Гр. История армянского языка, т.П, Ереван, 1951).
- Աճառյան Հ. Հայերեն լեզվի արձանագիտական բառարան, Կ.Ֆ, Երևան, 1973.
(Ачарян Гр. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. П, Ереван, 1973).
- Բաղդյան Հ.Ս. Օրացույցի պատմություն, Երևան, 1970.
(Бадалян Г.С. История календаря, Ереван, 1970).
- Барамидзе А.Г. Древнейший памятник грузинской литературы, "Литературная Грузия", № 1, 1978.
- Բրուսյան Գ.Ա. Դավիթ Անհաղթի ուսմանը սահմանափակ և բաժանաժան մասին, Պատմա-բանասիրական հանդես, , № 3-4, 1979.
- (Брутян Г.А. Учение Давида Непобедимого об определении и делении, "Историко-филологический журнал", № 3-4, 1979).
- Բրուսյան Գ.Ա. Դավիթ Անհաղթի ուսմանը մտահանգումների մասին, , Լրագրեր հասարակական գիտությունների, ՀՍՍՀ ԳԱ, № 10, 1979.
- (Брутян Г.А. Учение Давида Непобедимого об умозаключениях, "Вестник общественных наук" АН Армянской ССР, №10, 1979).
- Բարսեղ Կեսարացի. Ճառք վանի վեցօրեայ արարչութեան լեզբօրեայք Վենետիկ, 1830.
- (Василий Кесарийский. Слово о шести днях творения (Шестоднев). Венеция, 1930).
- Бертельс Е.Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
- Боднарский М.С. Античная география, М., 1953.
- Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры, т.П, М.-Л., 1935.
- Вавилов Н.И. Азия- источник видов, "Наука и жизнь", № 1, 1968".
- Վարդանյան Ռ.Հ. , Աշխարհացոյցի, , Ընդարձակ և համառոտ խմբագրությունների չափագիտական աղյուսակների լուսաբանման նոր փորձ, , Պատմա-բանասիրական հանդես, , № 3, 1970.
- (Варданян Р.О. Новая попытка толкования метрологических таблиц полной и краткой редакций "Ашхарацуц", "Историко-филологический журнал", № 3, 1970).
- Вейман Р. История литературы и мифологии, М., 1975.

- Веселовский Ю. Очерки армянской литературы и истории. Ереван. 1972.
- Веселовский И.Н. Кеплер и Галилей, в кн: "Историко-астрономические исследования", вып. XI, М., 1972.
- Воронцов-Вельяминов Б.А. Некоторые методологические вопросы астрофизики, в кн: "Астрономия, Методология. Мировоззрение".
- Галкович Б.Г. К вопросу об историко-картографическом методе исследования в сб.: "Кавказ и Византия", вып. П, Ереван, 1980.
- Գաթրճեան Հ. Հայոց գրականութեան պատմութիւն, Վիեննա, 1851.
(Гатрджян О. История армянской литературы, Вена, 1851).
- Գեղեցիկ Գ. Փառապետ Բուզանդ, Թարգմ. Թորոսյան, Վենետիկ, 1896.
(Гельцер Г. Фавстос Бузанд, перевод с нем. на арм. яз. Торосьяна, Венеция, 1896).
- Гоян Г. 2000 лет армянского театра, т. I, М., 1952.
- Даниелян Э.Л. Отражение космографических воззрений античной науки в древнеармянских источниках "Вестник древней истории", № 4, 1973.
- Դանիելյան Է.Լ. Վ Դարի տիեզերագիտական պատմիկ, , Լրագրեր, , ՀՍՍՀ ԳԱ /հաս.գիտ./, տ.12, 1975.
- (Даниелян Э.Л. Космографический фразмент У века, "Вестник" (общ.наук) АН Арм.ССР, № 12, 1975).
- Даниелян Э.Л. Армянские космографические труды VII века о строении Вселенной, Ереван, 1978.
- Даниелян Э.Л. Армянские космографические труды VII в. и их отражение в немецких историко-географических исследованиях. II двусторонний симпозиум СССР-ГДР по истории геологических наук (Тезисы докладов), Ереван, 1979.
- Դանիելյան Է.Լ. Հայաստանի բաժանման տարեթիվը՝ 387 թթ 385, , Պատմա-բանասիրական հանդես, , № 1, 1980.
- (Даниелян Э.Л. Год раздела Армении 387 или 385? Историко-филологический журнал", № 1, 1980).
- Джавахишвили Ив. Материалы по истории материальной культуры грузинского народа, кн. I, Строительное искусство древней Грузии, Тбилиси, 1946 (на груз. яз.).
- Дитмар А.Б. В стране олова и янтаря. Путешествие Пифея из Массалии, М., 1963.
- Дитмар А.Б. Представление античных ученых о процессах изменяющих поверхность Земли. Сб. "Вопросы истории и теории Землеведения", Сборник научных трудов, вып.99, Ярослав-

лавль, 1972.

Дитмар А.Б. Рубежи ойкумены, М., 1973.

Драмлян И.Р. Фрески Кобайра, Ереван, 1979.

Дурново Л.А. Стенная живопись в Аруче, Известия АН Армянской ССР, № 1, 1952.

Дурново Л.А. Краткая история древнеармянской живописи, Ереван, 1957.

Дурново Л.А. Очерки изобразительного искусства средневековой Армении, М., 1979.

Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана, М., 1961.

Евреинов Н.Н. Азazel и Дионис. О происхождении сцены в связи с зачатками драмы у семитов. Л., 1924.

Еремян А.Б. Рипсимэ, Ереван, 1955.

Еремян С.Т. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма, "Вопросы истории", № 7, 1951.

Еремян С.Т. Народно-освободительная война армян против персов в 450-451 гг., "Вестник древней истории", № 4, 1951.

Еремян С.Т. Проблема падения рабовладельческого общества и зарождения феодальных отношений в древней Армении (доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии), М., 1954.

Еремян С.Т. Раннефеодалная культура Армении, в кн: "Очерки истории СССР, III-IX вв.", М., 1958.

Еремян С.Т. Естественно-исторические основы питания армянского народа в кн.: "Армянская кулинария", Главный редактор А.С. Пирузян. Москва, 1960.

Еремян С.Т. Политические судьбы Великой Армении в III-IV вв., в кн.: "Очерки истории СССР, III-IX вв".

Երեմյան Ս.Տ. Հայաստանը ըստ „Աշխարհացոյցի“, և 1600 թ. դարի հայկական քարտեզի վերակառուցման ժամանակակից քարտեզագրական հիմքի վրա / Երևան, 1963.

(Еремян С.Т. Армения по "Ашхарацуицу" - Армянской географии VII в. Опыт реконструкции армянской карты VII в. на современной картографической основе, Ереван, 1963).

Еремян С.Т. "Ашхарацуиц" (Армянская география VII века) выдающийся памятник географии и картографии древнего мира, "Вестник" (Общ. наук АН Армянской ССР), № 5, 1968.

Երեմյան Ս.Տ. Անդրովկասի ժողովուրդների բարեկամության ակունքների մաս, „Լենինյան ուղիով“, № 8, 1979.

(Еремян С.Т. У истоков дружбы закавказских народов, "Ленинյан утиов" ("По Ленинскому пути"), № 8, 1979).

Զափուլյան Աբր. Հայ գրականության պատմություն, Երր. Եփրեմյան, 1914.

(Заминян Абр. История армянской литературы, Нахичевань Н/Д, 1914).

Զարգանյան Գ. Մատենադարանի հայկական թարգմանութեանց տախտակ / դար 7-871, Վենետիկ, 1889

(Зарганяян Г. Библиотека древнеармянских переводов (IY-XIII века), Венеция, 1889).

Зельин К.К. О методах исследования ранней греческой философии. "Вестник древней истории", № 1, 1972.

Зубов В.П. Аристотель, М., 1963.

Измайлова Т.А. Армянская миниатюра XI века, М., 1979.

Ильина С.М. Древнейшие типы жилищ Закавказья. Сообщения института истории и теории архитектуры, вып. 5, М., 1946.

Исаченко А.Г. Развитие географических идей, М., 1971. История Африки. М., 1979.

Բալանթարյան Ս.Ս. Դժին, 1 Երևան, 1976.

(Калантарян А.А. Двин, I, Ереван, 1976).

Ղափանցյան Գ. Արա Գեղեցիկի պաշտոնները, Երևան, 1944.

(Капанцян Г. Культ Ара Прекрасного, Ереван, 1944).

Կարապետ Եպիսկոպ, Թովհան Սանդուկունի և Թովհան Սարգսյան, Նոյն, 1913.

(Карпет Епископ, Иоанн Мандакун и Иоанн Майрагомеци, "Шолак", Валаршапат, 1913).

Ղափարյան Կ. Դժին քաղաքը և նրա պեղումները, Երևան, 1952

(Кафадарян К. Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952).

Кедров Б.М. Классификация наук, I, М., 1961.

Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине, СПб, 1904.

Кондаков Н.П. Иконография Богоматери, т. I, СПб, 1914.

Котанджян Н.Г. Цвет в раннесредневековой живописи Армении, Ереван, 1978.

Котанджян Н.Г. Художественный язык Аручской росписи и ранне-средневековые фрески Армении, II Международный симпозиум по армянскому искусству, АН Армянской ССР, Институт искусств, Ереван, 1978.

Կոնիբեր ֆ. Սովսես խորենացու Պատմության աղբյուրը խնդիրը,
 „Հանդես ամսորեայ“, 1902.

(Конибер Ф., "Вопрос источников" Истории Мовсеса Хоренаци
 "Андес амсореа", 1902).

Կոնիբեր ֆ. Սովսես խորենացու Պատմության ժամանակի մասին,
 „Հանդես ամսորեայ“, 1903.

(Конибер Ф., О времени Истории Мовсеса Хоренаци, "Андес ам-
 сореа", Вена, 1903).

Кузнецов А.В. Тектоника и конструкция центральных зданий,
 т. I, М., 1951.

Кушнарев Хр. Вопросы истории и теории монодической музыки,
 Л., 1958

Լևոնյան Գ. Բարոկոյի հին Հայաստանում, Պատմա-բանասիրական ակնարկ,
 Երևան, 1941.

(Левонян Г. Театр в древней Армении. Историко-филологический
 журнал, Ереван, 1914).

Лисициан С.Д. К изучению армянских крестьянских жилищ (Кара-
 бахский карадам). "Известия Кавказского историко-археоло-
 гического института", т. III, Тифлис, 1925.

Лисициан С.Д. Крестьянские жилища Высокой Армении. "Известия
 КИАИ", т. IV, Тифлис, 1926.

Лисициан С.Д. Из материалов по изучению жилищ Армении. I Крес-
 тыанское жилище Мегринского района. "Известия КИАИ", том
 VI, Тифлис, 1927.

Лисициан С.С. Старинные пляски и театральные представления
 армянского народа, т. I, Ереван, 1958, т. II, 1972.

Լյուբե Ս.Գ. Демокрит. Тексты, переводы и исследования, М., 1970.

Максимов Б.А., Комаров В.Н. В звездных лабиринтах, М., 1978.

Մալխասյանց Ստ. Անտիկանության փառաբանության իրականացումը Պատմության,
 Վիեննա, 1896, տես նաև, Սուրբ, № 3, 1901.

(Малхасянц Ст. Исследование Истории Фавстоса Бузанда, Вена,
 1896, см. также журнал "Мурч", № 3, 1901).

Մալխասյանց Ստ. խորենացու առեղծվածի շուրջը, Երևան, 1940.

(Малхасян Ст. К вопросу о загадке Мовсеса Хоренаци, Ереван,
 1940).

Մանանդյան Կ. Հուշերի դիրքը և նրա գործածման շրջանները, Վիեննա,
 1928.

(Манандян Я.А. Грекофильская школа и этапы ее развития, Вена,
 1928).

Մանանդյան Կ. Երասմուսի ստեղծող և պարբերական ամսագրեր, Երևան,
 (Манандян Я.А. Стадий Эразмофена и перодский аспарез, Ер. 1934).

Մանանդյան Կ. Կշիռները և չափերը հնագույն Հայ աղբյուրներում, 1930
 (Манандян Я.А. Меры и веса в древнейших армянских источниках,
 Ереван, 1930).

Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой
 торговлей древних времен, Ереван, 1954.

Մանանդյան Կ. Ֆեոդալիզմը հին Հայաստանում, Երևան, 1934.

(Манандян Я.А. Феодализм в древней Армении, Ереван, 1934).

Մանանդյան Կ. խորենացու առեղծվածի լուծումը, Երևան, 1934.

(Манандян Я.А. Разрешение загадки Хоренаци, Ереван, 1934).

Մարտյան Տ. Ավանի տաճարը, Երևան, 1976.

(Марутян Т. Аванский храм, Ереван, 1976).

Մարտյան Տ. Զվարթնոց, Երևան, 1963

(Марутян Т. Звартноц, Ереван, 1963).

Մարր Н.Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григори-
 ем (арабская версия), "Записки Восточного отд. Императорско-
 го Русского археологического общества", т. XVI, СПб, 1905.

Մարր Н.Я. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева
 на Руси. Избранные работы, т. V, М.-Л., 1935.

Մարր Н.Я. Описание дворцовой церкви в Ани, "Анкийские древнес-
 ти", т. I, Петроград, 1916.

Մարտիրոսյան Ա.Ս. Անտիկանության Երևանում, Վիեննա, Երևանում,
 բաժինը, Պատմա-բանասիրական հանդես, № 2, 1979.

(Матевосян А.С. Раздел геометрии в "Книжнике" Анания Ширака-
 ци, "Историко-филологический журнал", № 2, 1979).

"Материалисты древней Греции", М., 1955.

Международный геодезический и геофизический союз. XV Гене-
 ральная Ассамблея, СССР, М., 1971, Тезисы докладов.

Մելիք-Տանգյան Հ. Հայոց եկեղեցական իրավունքը, գիրք Բ, Երևան, 1905.

(Мелик-Тангян Н. Армянское церковное право, кн. 2, Шуша, 1905).

Միրзоян Լ. Ն. Наблюдательный подход к эволюции звезд и га-
 лактик, в сборнике: "Вопросы физики и эволюции космоса".

Մնացականյան Ս. Հայ աշխարհիկ պատկերաբանականներ, Երևան, 1976.

(Мнацаканян С.Х. Армянский светский рельеф, Ереван, 1976).

Մնացականյան Ս. Զվարթնոցի վերակառուցման նոր նախագիծ,
 Տեղեկագիր, Գիտությունների ակադեմիայի հանձնարարական, 9, 1959.

(Мнацаканян С.Х. Новый проект реконструкции Звартноца, "Извес-
 тия АН Армянской ССР (Общественные науки), № 9, 1959).

Մնացականյան Ս. Զվարթնոց, Զվարթնոցի արևմտյան շենքի և զանգվածի,
 Մ., 1971.

Մանանդյան Կ. Լեզու և գրականություն, Բազմալեզու, 1927.

(Нахапетян Г. Язык и литература, журнал "Базмавеп", 1927).

- Нейгебауер О. Точные науки в древности, М., 1968.
- Շենդեբ Բ. Պատմություն Սասանյան պետության, Բարսի. Հ. Բարսիյան, Վաղարշապատ, 1896.
- (Нельдеке Т. История державы Сасанидов. Перевод с нем. на арм. язык Н. Карамян, Валааршапат, 1896).
- Շոր Հայկազեան բառարան, Կ. Բ., Վենետիկ, 1837.
- (Новый словарь древнеармянского языка, т. II, Венеция, 1837).
- Շորաթ Բիզանդացի, Կորին վարդապետ և Շորին Բարգանու Բիւնթ, Տփլիս, 1900.
- (Норайр Бизанцаци. Вардапет Корин и его переводы, Тифлис, 1900).
- Հովհաննիսյան Հ. Վ. Բարդուղիմեոսի Միջնադարյան Հայաստանում, Երևան, 1978.
- (Оганесян Г. В. Театр в средневековой Армении, Ереван, 1978).
- Оганесян Л. А. История медицины в Армении, т. I, Ереван, 1948.
- Հովհաննիսյան Ս. Վ. „Ասորական“, Կամ „Ասորահայտական“, Կազմած դասախոսական դիմացի աղբյուր հայ իրավունքի հետ, ՊԲՀ, 2, 1970.
- (Оганесян С. А. Отношение законника, названного "Сирийским" или Сиро-ромейским" к армянскому праву, "ИФЖ", № 2, 1970).
- Հովհաննիսյան Ս. Վ. „Սյուրենիթ“, սեփականության իրավունքը ազատական Հայաստանում, „Լրաբեր“, [հաս. գիտ.], № 8, 1970.
- (Оганесян С. А. Право собственности "Майреник" в феодальной Армении, "Вестник" (Общественных наук, АН Арм. ССР, № 8, 1970).
- Олькотт У. Т. Легенды звездного мира, Петербург, 1911.
- Орбели И. А. Шесть армянских надписей VII-X веков, Избранные труды, Ереван, 1963.
- Орбели И. А. Багаванский храм и его надписи, "Христианский Восток", т. У, вып. II, Петроград, 1917.
- Орбели И. А. Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в., "Христианский Восток", т. II, вып. I, С.-Петербург, 1913.
- Օրմանյան Ս. Ազգայնական, Կ. Ա., Պետրոպ, 1959.
- (Ормания М. Азгатапум, т. I, Бейрут, 1959).
- Ормания М. Армянская церковь, ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее, М., 1913.
- Паннекук А. История астрономии, М., 1966.
- Пиотровский Б. Б. Кармир-блур, I-II, Ереван, 1951-1952.
- Проблемы современной космогонии, под редакцией В. А. Амбарцумяна, М., 1972.
- Рожанский И. Д. Анаксагор, М., 1972.

- Рыбаков Б. А. Русские летописцы X-XI вв. о начале Русского государства, в книге "Очерки истории СССР III-IX вв."
- Սահելյան Ա. Բաադի բադի լիկադի ճարտարապետությունը, Երևան, 1955.
- (Сайнян А. Архитектура Касахской базилики, Ереван, 1955).
- Սահելյան Ա. Շոր Նյուրբեր Էջմիածնի մայր տաճարի կառուցվածքի վերաբերյալ, „Էջմիածն“, 8-9, 11-12, 1956.
- (Сайнян А. Новые данные об архитектурном облике Эчмиадзинского собора. См. также Эчмиадзин", № 8-9, II-12, 1956. Доклады XXV Международного конгресса востоковедов",
- Սամելյան Խ. Հին Հայաստանի կուլտուրան, Կ. Բ., Երևան, 1947.
- (Самуелян Х. Культура древней Армении, т. II, Ереван, 1947).
- Սարգսյան Գ. Ս. Մովսես Խորենացու „Հայոց պատմության“, ժամանակագրական համակարգը, Երևան, 1965.
- (Саркисян Г. Х. Хронологическая система "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци, Ереван, 1965).
- Саркисян Г. Х. Моисей Хоренский и Давид Непобедимый (опыт установления источниковедческой связи), в сборнике "Кавказ и Византия", I, Ереван, 1979.
- Սարգսյան Գ. Ս. Հելլենիստական դարաշրջանի Հայաստանը և Մովսես Խորենացին, Երևան, 1966.
- (Саркисян Г. Х. Армения эллинистического периода и Мовсес Хоренаци, Ереван, 1966).
- Սվալյան Հ. Ս. Աղվանից իշխաններ Ջուղայի և Վարազ-Տրդատի իշխանության տարբերիչ հարցի շուրջը, „Լրաբեր“, № 11, 1973.
- (Свазян Г. Х. К вопросу о датах правления албанских князей Джуаншера и Вараз-Трдата, "Вестник общ. наук АН Армянской ССР, № II, 1973).
- Селешников С. И. История календаря и хронология, М., 1977.
- Սոմուճեան Վ. Կենսագիր և նկարագիր Էջմիածնի վարդապետի Կողբացու, „Բաղմալեպ“, Վենետիկ, 1893.
- (Сомундян В. Жизнь и деятельность вардапета Езника Колбаци. Журнал "Базмавеп", Венеция, 1893).
- Տուկիասյան Ա. Գ. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма (III-IX вв.) Ереван, 1963.
- Սուրբի Արսեն Աշխարհացոյց Մովսեսի Խորենացու, յանկուածովք նախնաց, Վենետիկ, 1881.
- (Сукри Арсен. Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци, с приложением других текстов, Венеция, 1881).
- Сюзюмов М. Я. Христианская церковь в IV-VI вв. в кн.: История Византии", т. I, М., 1967.
- Տադմիզյան Н. К. Теория музыки в древней Армении, Ереван, 1977.

- Տաշեան Յակովբոս Ոսումնասիրութիւն Ստոյն-կալիսթեան վարուց
Աղեքսանդրի, Վիեննա, 1891.
- (Ташян А. Исследование Псевдо-Каллисфеновой повести об Алек-
сandre, Вена, 1891).
- Տաշեան Յակովբոս Ագաթանգեղոս առ Գեորգայ Ասորի եպիսկոպոսի և ու-
սումնասիրութիւն Ագաթանգեղայ գրոց, Վիեննա, 1891.
- (Ташян Аковбос. Агапангелос по сирийскому епископу Георгу и
исследование книги Агапангелоса, Вена, 1891).
- Տեր-Մինասյանց Եր. Բնդհանուր եկեղեցական պատմութիւն, Եւֆրատի, 1908.
- (Тер-Минасянц Ер. Всеобщая история церкви, Эчмиадзин, 1908).
- Տեր-Մինասյան Ե. Եղիշեի վարդապետ պատմութեան աշխարհաբար թարգմանու-
թյան ներածութիւնը, Երևան, 1946.
- (Тер-Минасян Е. Предисловие к переводу "Истории Вардана и Армян-
ской войне" Египта на современный армянский язык, Ер. 1946).
- Տեր-Սարգսյան Գ. Հայագիտական ոսումնասիրութիւններ, գիրք Ա,
Երևան, 1979.
- (Тер-Мкртчян Г. Арменоведческие исследования, кн. I, Ер. 1979).
- Տեր-Սարգսյան Գ. Անտիա Շիրակցի, վաղարշապատ, 1896.
- (Тер-Мкртчян Г. Анания ширакаци. Валааршапат. 1896).
- Տեր-Սարգսյան Գ. Ագաթանգեղոսի աղբյուրները., Զիշատակ դատակերպ
Գորիս և Շուշի վկայից, որ վկայեցան յիսուհա, , վաղարշապատ, 1896.
- (Тер-Мкртчян Г. Из источников Агапангелоса: "Память мучеников
Горыи и Шмона, которые были замучены в Урхе", Валааршапат,
1896).
- Տեր-Սարգսյան Գ. Խորենացու ժամանակը որոշելու նոր փորձ, , Արա-
րատ, , վաղարշապատ, 1897.
- (Тер-Мкртчян Г. Новая попытка определения времени Хоренаци,
"Араарат", Валааршапат, 1897).
- Տեր-Սարգսյան Գ. Պետրոս Սիւնեաց եպիսկոպոս, , Արարատ, , 1902,
,, Հանդէս ամսօրեայ, , 1903 և 1904.
- (Тер-Мкртчян Г. Петрос епископ "Андес амсореа", 1903 и 1904).
- Տեր-Սարգսյան Գ. Հայ մատենագրութեան հնագույն թվականները, , Շուշի-
կաթ, , վաղարշապատ, 1913.
- (Тер-Мкртчян Г. Древнейшие даты древнеармянской литературы,
"Шолакат", Валааршапат, 1913).
- Տեր-Մկրտչյան Ա. Խ. Армянские источники о Средней Азии V-VII вв.
М., 1979.
- Տեր-Շերտախյան Ս. Հայ արվեստը միջնադարում, Երևան, 1975.
- Тер-Нерсисян С. Армянское искусство в средневековье, Ер. 1975.

- Թովմասյան Ա. Թ. Հիւ և միջնադարյան հայ քրիստոնէական իրավունք, հատ.
1-2, Երևան, 1962-67.
- (Товмасян А.Т. Древнее и средневековое армянское уголовное
право, т. I-II, Ереван, 1962, 1977).
- Токаровский Н.М. Архитектура Армении IV-XIV вв. Ереван, 1961.
- Токаровский Н.М. Капителъ из Анберда. Труды Отдела Востока Гос.
Эрмитажа, т. III, Л. 1940.
- Токаровский Н.М. По страницам истории армянской архитектуры,
Ереван, 1973.
- Томсон Дж.О. История древней географии, (вступительная статья
А.Б. Дитмара, перевод с англ. Н.И. Скаткина под ред.
А.Б. Дитмара и Д.Г. Редера, М., 1953).
- Թորոմանյան Թ. Տեկորի տաճարը, Աշխատութիւնների ժողովածու,
,, Նյութեր հայ ճարտարապետութեան պատմութեան, , Երևան, 1942.
- Тораманян Г. Текорский храм. Сборник трудов "Материалы по ис-
тории армянской архитектуры", Ереван, 1942.
- Թումանյան Բ. Մեջգականյան Գ. Բրոնզե դարի գոտի-օրացոյց, Երևան,
1955.
- (Туманян Б. Геоцентрическая и гелиоцентрическая система в
Армении, Ереван, 1973).
- Թումանյան Բ. Գեոցենտրիկ և հելիոցենտրիկ սխեմաները Հայաստանում,
Երևան, 1973.
- (Туманян Б. Мнацаканян Г. Пояс-календарь эпохи бронзы, Ереван,
1965).
- Уитни Ч. Открытие нашей Галактики, М., 1975.
- Фаррар Ф.В. Жизнь и труды святых отцов и учителей церкви, пере-
вод с английского А.П. Лопухина, т. I, СПб., 1891.
- Фирсов Л.В. Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и дли-
не эллинистической стадии, "Вестник древней истории", № 3,
1972.
- Халатъянц Г. Армянский эпос в "Истории Армении" Моисея Хоренс-
кого, М., 1896.
- Խալաթեանց Գր. Ղազար փարպեցի և գործք նորիւ, պատմական և գրական
թելուրիւն, Սոսկուա, 1883.
- (Халатъянц Гр. Лазар Парпеци и труды его, Историко-литератур-
ное исследование, М., 1883).
- Խաչիկյան Լ. Փոքր Հայքի սոցիալական շարժումների պատմութիւնը,
Երևան, 1951.
- (Хачикян Л. Из истории социальных движений в Малой Армении,
Ереван, 1951).

- Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему, М., 1970.
- Чалоян В.К. Естественнонаучные взгляды Анания Ширакаци. "Византийский временник", т. XII, 1957.
- Чалоян В.К. Основные вехи развития философской мысли в Армении, (У-УШ). Труды сектора философии АН Армянской ССР, т. I, Ереван, 1950.
- Чалоян В.К. Развитие философской мысли в Армении, М., 1974.
- Чалоян В.К. Философия Давида Непобедимого, Ереван, 1946.
- Հովհաննիսյան Բ. Հայ-իրանական գրական և գիտական կապեր 15-18-րդ դդ. / Երևան, 1963.
- (Чукасызян Б. Армяно-Иранские литературные связи У-ХУШ вв., Ереван, 1963).
- Эрикссон Э.В. Объяснение некоторых сообщений армянского историка Египта с точки зрения психиатрии. "Обзор псих.", 1903.
- Հովհաննիսյան Մ. Վեպք հեղուկ հայտնաբեր, Մոսկով, 1850.
- (Эмин М. Эпос древней Армении, М., 1950).
- Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания, СПб., 1907.
- Alfven H. How Should We Approach Cosmology?
в сборнике: "Вопросы физики и эволюции космоса".
- Alp Halton. Ejection from galaxies and galaxy Formation,
в сборнике: "Вопросы физики и эволюции космоса".
- Baumgartner A. Über das Buch "Die Chrie". "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", bd.40, Leipzig, 1886.
- Bruns K. und Sachau E. Syrisch-römischer Rechtsbücher aus dem fünften Jahrhundert, Leipzig, 1880.
- Carrière A. Nouvelles sources de Moïse de Khoren, études critique. Vienne, 1893.
- Carrière A. Nouvelles sources de Moïse de Khoren, Supplement. Vienne, 1894.
- Conybeare F.C. The Date of Moses of Khoren, "Byzantinische Zeitschrift", X, 1901.
- Der Nersessian S. "Etudes byzantines et arméniennes", Louvain, 1973.
- Der Nersessian S. Armenian Miniatur Paintry, Venice, 1966.
- Der Nersessian S. L'Art Arménien, Paris, 1977.
- Duhem P. Le système de monde, t. I, Paris, 1913.
- Եփրամ ըստ Տիրերս, 51 madrasche in armenischer übersetzung, herausgegeben nebst einer einleitung von P.N. Akinian mechitharist, Wien, 1957.

- Epping J. "Zur Entzifferung der astronomischen Tafeln der Chaldäer", "Stimmen aus Maria Laach", 1881.
- Eremian S.T. Ptolemy's "Third Map of Asia" and the "Ašharha-cocyc" (XXVII International Congress of Orientalists, Papers by the USSR delegation), Moscow, 1967.
- Fischer J. Pappus und die Ptolemäuskarten. "Ztschr.d.Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin", 1919.
- Flammarion Camille Les étoiles et les curiosités du ciel. Paris, 1882.
- Gutschmid A. Agatangelos. "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", 1877.
- Hilgard A. Scholia in Dionysii Tracis, Lipsiae, 1901.
- Hultsch Fr. Griechische und Römische Metrologie. Berlin, 1882.
- Hultsch Fr. Metrologicon scriptorum reliquiae, I, Lipsiae, 1864.
- La-Croze M.V. Thesaurus epistolici Lacroziani, Leipzig, 1742-1746.
- Lang M., Crosby M. Weights and Measures and Tokens. p. I. (The Athenian Agora Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens), New Jersey, 1964.
- Langdon - Fotheringham - Schoch. The Venus Tablets of Ammizaduga, Oxford, 1928.
- Mac Dermot. The Conversion of Armenia in 294 A.D. "Revue des études arméniennes", t. VII, Paris, 1970.
- Mahr A. The origin of the Greek Tragic Form. New York, 1938.
- Maries L. Le De Deo d'Eznik de Kolb connu sous le nom de "Contre les Sectes", Paris, 1924.
- Marquart J. Französisch nach der Ps. Moses Xorenaci, Berlin, 1909.
- Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916, p. 73, 74.
- Mzik H. Ermessung, Grad, Meile und Stadion nach den altarmenischen Quellen. "Handes Amsonen", No 3-10, 1933.
- Nissen H. Griechisch und römische Metrologie, München, 1892.
- Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari, Liden, 1879.
- Petrie F. Weights and Measures (в книге: The Encyclopaedia Britannica, eleventh edition, vol. XXVIII, Cambridge, 1911).

- Saint-Martin Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, t.II, Paris, 1819.
- Sarkisian K. A Brief Introduction to Armenian Christian Literatur. London, 1960.
- Schummel F. Die Schulzeit des Kaisers Julianus. "Philologus", Bd.LXXXII, 1927.
- Schilbuch Die byzantinische metrologie. München, 1970.
- Strzygowski J. Das Etschmiadzin-Evangelium, Beiträge zur Geschichte der armenischen, ravenatischen und syro-ägyptischen Kunst (Byzantinische Denkmäler, Bd.I). Wien, 1891.
- Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa, 2 b. Wien, 1918.
- Vaucourt R. Les derniers commentateurs Alexandrins d'Aristote, L'école d'Olympiodore, Etienne d'Alexandrie. Lille, 1941.
- Weitzmann K. Die armenische Buchmalerei des 10. und beginnenden 11. Jahrhunderts, "Istanbuler Forschungen", 4, Bamberg, 1933.
- Wellesz E. A History of Byzantine Music and Hymnography. 2-nd.ed., London, 1962.
- Whitney Ch.A. The Discovery of Our Galaxy. New-York, 1971.
- Wolska W. La topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes. Paris, 1962.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Ленин В.И. 205,449,454
 Маркс К. 8,470,471,489
 Энгельс Ф. 275,470,471,489
- Абамелик (=Санасар) 135
 Абас-Григор дзоратореци 63,64
 Абгар 76
 Абдерахим 133
 Абди-Керим 135
 Абиден 72
 Абраам Зенакаци Исповедник 31
 Абу Машар 217
 Август 215
 Августин 438
 Авраам 356,388
 Аган Арцруни 85-87
 Агатангелос (Агафангел) 25, 38-46,48,49,54,55,62,65, 66,72,76,77,89,95,97,112, 128,129,131,132,151,156, 413
 Агафодемон 233
 Адам 72,424
 Адриан 178
 Адахак 73
 Азazel 428
 Акакии Мелитенский 36, 68,69,108,156
 Александр Македонский 73,75,175,332
 Александр Траллийский 264
 Амазасп Мамиконян 88
 Амасия 72
 Амаяк Мамиконян 17,83, 85,97
- Аммонис 186
 Аммиан Марцеллин 10, 61
 Амфиократ Афинский 150
 Анаит 43
 Анак 38,54
 Анаксагор 213,219
 Анания Нарекаци 412
 Анания Ширакаци (610-685) 63, 116, 119-121, 123, 124, 200, 207-219, 221, 224-236, 238,240, 242, 254,255, 326-331, 333-335, 339-345, 411, 414
 Анастасий (491-518) 19, 20, 106
 Анастас Акореци (661-667) 121, 235, 240, 379
 Анатолий 29
 Андок Сюни 56-58, 127-130
 Андреас 122, 326, 328, 332, 333
 Андрей Критский 415
 Андроник 150
 Аноним 185, 201
 Ануш-Врам 80
 Аполлоний Пергский (250-205) 204
 Ара Прекрасный 72, 73, 75, 388
 Араван 23
 Аракел Сюнеци 424
 Арам 72,75
 Арамазд (Зевс) 43
 Арамаис 72
 Араманеак (Арменак) 72

Арагос из Сол I78
 Арес (=Марс) II7
 Аретей 243,244
 Аристакес 49
 Аристарх Самосский (320-250) 203,204
 Аристид I48, I56
 Аристон 72
 Аристотель (384-322) 8,20, I50, I67, I7I, I77-I80, I84, I85, I87, I89, I96, 20I, 202, 204, 20
 204, 205-2I3, 228, 229, 24I, 243, 26I, 263, 433
 Артавазд 52, 54, 56, 57
 Артавазд, царь 76, I50, 43I
 Артаван 38, 42, 46, 52, 53
 Артадухт 52
 Арташир Сасанид 38, 42, 46, 52, 53, 80, I29
 Арташес I 74, 76
 Арташес (422-428) I4, 29, 80
 Арташесиды 76, I5I
 Архиген 243
 Арцруни 56, 85, 86, 406
 Аршавир Камсаракан 56, 57, 92
 Аршак II (345-367) IO, I6, 48, 49, 52, 57-59, 80, I28
 Аршак III (378-387) 49, 52, 59
 Аршакиды (Аршакуни) (арм) I2, I3-I5, 23, 38, 39, 50, 52, 53, 57, 74-76, 80, 9I, 92, 94, I44, I46, I5I, I54, 270, 348
 Асканаз 72
 Асклепиад 24I, 262
 Асклепий 253

Аснимелик I35
 Асолик 62, 7I, IIO, 263, 370, 378, 380
 Асур I42
 Атенас I2I
 Афанасий Александрийский 8I, 267, 29I, 297
 Африкан 72, 76
 Афтоний 4I8
 Ахемениды I22, 3I9
 Ахилл (Ахиллес) II7
 Ашуша 85, 9I, 97
 Ашхадар 289
 Ашхен 289
 Бабики I28, I30-I32
 Багдасар I35
 Баграг 378
 Багратиды 45, I3I, I32, 393
 Барбад 4I4
 Бардацан (I58-222) I9, 72, 76
 Бар-Кишо (428-433) I4
 Барсума 72
 Баршам 2I8
 Бат Сааруни 59
 Бахрам I25
 Бахрам Гор (42I-439) I4
 Бероз 72
 Бөл 73
 Ваагн 2I8
 Ваан Амагун I4, I6, 30I
 Ваан мамиконян (У в.) I7, I8, 70, 85-90, 92-95, I06, I09, 254, 364
 Ваан Мамиконян (IV в.) I45
 Ваан-Мамиконян-Камсаракан I33, I39, I40
 Вагинак 28, I28
 Вазген, бдешх 97

Баларш 52, 76
 Баларш (484-488) I7
 Баларшак 75, 76, I34
 Валент 58
 Вараз Палуни I40
 Вараз-Саак Багратуни 66
 Вараз-Шапух 57
 Вараздат Аршакуни (374-378) II, 49, 52, 59
 Вардан историк, 370, 37I
 Вардан (отец Месропа Маштоца) 23
 Вардан Мамиконян I4, I6, I7, 28, 78, 83, 85, 92, 95-97, 428
 Вардени см. Шуманик
 Васак Сюни I6, 28, 83, 84
 Васак Мамиконян (У в.) IO, 52, 57, 58
 Васак, брат Ваана Мамиконяна (У в.) 93
 Василий Кесарийский 86, I48, I5I, I52, I78, 258, 260, 267, 283, 284, 407, 438
 Вахагн 73, 75, I36, I45
 Вахтанг 97
 Вахтанг UI (I703-I737) 270
 Вахтанг, перс I39, I42, I43
 Вачэ Арцруни 57
 Вачэ Мамиконян 52, 55, 56
 Вергилий (70-I9) 208
 Врамшапух (388-4I4) I2, 26, 27, 29, 80
 Вртанес 6I
 Вртанес Кердол III
 Габриел Шигараци 264
 Гагик I 380, 38I

Гален 24I, 243, 257, 258, 262
 Гайл-Ваан I37, I39, I40-I44
 Галилео Галилей 2I9, 220
 Гамер 72
 Гаянэ 43
 Гевонд (VIII в.) 66
 Гегель 205
 Гедрехон I37
 Георгий 397
 Георгий Мерчул 378
 Георгий Писида I78
 Геракл 2I8
 Гераклит 206, 207
 Герион 2I8
 Герман 4I5
 Гермес Трисмегист I75, I77, I8I
 Геродот 72
 Гершель Вильям 220, 22I
 Гершель Джон 22I
 Гера 2I8
 Гесиод 206
 Гехам 72
 Гиппарх (I60-I25) 203, 2I7, 227
 Гиппократ (460-377) 243, 263
 Гисанэ I33-I36
 Глак 59
 Гнел Гнуни 58, 274
 Горио 42
 Григор Марашеци 434
 Григори Богослов I80
 Григорий Магистрос 43I
 Григорий Мамиконян 352, 370, 37I, 398

Григорий Назианзин
86, 148, 151, 152, 178
Григорий Нарекаци
413
Григорий Нисский
178, 241, 258, 259
Григорий Просветитель
9, 38-49, 76, 86, 95, 112, 120,
121, 126, 132, 133, 137, 246,
268, 353, 356, 368, 387-389
Григорий Хандзтийский
378
Гырвик Айриванеци
412, 415
Гыт (461-478) 17, 71, 211
Давид Анахт (Непобедимый)
8, 149, 170, 178, 179, 184-
201, 205, 207-211, 228, 261,
438
Давид, епископ
337
Давид, посланник
257
Давид Керакан (Грамматик)
170, 181, 187, 188
Давид Куропалат 392
Давид Сааруни 365
Давид Сасунс 144,
145, 147
Давгак Кердол 116-119,
420
Даниил 387, 388
Даниэл 26, 36
Датабен Бзнуни 56
Демокрит 213, 219, 223
Деметра 429
Деметре 133-136
Деншапух 304
Дзуик 85
Джоджик 101-103

Джордано Бруно 224
Дауаншер 116, 117, 119
Диодор 72
Диодор Самосский
227
Диомед 418
дионис 429
дионисий фракийский
172, 173, 181-182, 418-424
Диоскор Александрийский
108
Евагрий 72
Евгений 120
Евнапий 151
Евршид 434
Евсевий Кесарийский (260-
340) 72
Евстафий Себастиийский
152
Евтихий 178, 180, 202
Егизар 120
Египсе 8, 15, 16, 77-80,
82-85, 90, 91, 165-167, 170,
187, 206, 242, 247, 249, 251,
270, 292
Езник (Уп в.) 40
Езник Колбацци (У в.) 8, 31, 35,
68, 73, 88, 148, 153, 156, 157,
163-165, 169, 172, 187, 206, 242-
245, 252, 302, 303
Езр 367
Елена 370
Епифаний Кипрский 72,
148, 342, 343
Еруанд 76
Есаи Ничеци 344, 419
Ефрем Сирий 438
Захария 400, 401
Зеноб Глак 132, 133-136
Зенон (474-491) 19, 106, 107

Зенон 178, 202
Иезикииль 397
Иеремия 29
Иерокл 233
Иероним 148
Иисус Навин 166
Илья 388
Иоанн, епископ 104
Иоанн, полководец
121
Иоанн Драсханакертеци
352, 370, 434
Иоанн Екемапи 27, 31
Иоанн Ерзнкаци 423
Иоанн Златоуст (Хризостом)
148, 438, 439
Иоанн Имастасер 238
Иоанн Майраванеци (Майрагоме-
ци) 21, 109-111, 434,
438, 439
Иоанн Малала 62
Иоанн Мамиконян 132,
133-134, 146, 406, 431, 432
Иоанн Мандакуни (478-490)
106, 108, 109, 242, 410
Иоанн Одзнецци (717-728) 111,
268, 408, 411
Иоанн Предтеча 401
Иовиан (363-364) 10
Иосиф 389
Иосиф Флавий 72, 76
Ипполит 76, 231
Ираклий (610-641) 62, 125,
133
Ирений 166, 175, 177
Ирион Византийский
123
Ирод 117
Кавад I (488-496, 498/499-
531) 20, 89

Каин 118
Камсаракани, рса 58, 85,
86, 92, 93, 123, 398
Кант Иммануил 220
Кефаллион 72
Киприан 438
Киракос Гандзакепи
370, 376
Кирилл Александрийский (412-
444) 68, 69, 86, 106, 110, 178,
267
Кирилл Иерусалимский 86
Конак 52, 134, 136
Константин (324-337) 45, 62,
270
Константин Антиохийский см.
Косьма Индикоплов
Константин Африканский 265
Констанс II (641-668) 124
Констанций II (337-361) 152
Комитас, католикос (615-628)
110-113, 115, 116, 119, 411
Козбадин 437
Коперник 204, 223
Косьма Индикоплов 231
Красс Марк 437
Кристосатур 120
Ксенофонт 307-311
Лазар Парбеци (Парпеци)
23, 39, 41, 46, 47, 70, 85-91,
93-95, 97, 109, 170, 175, 254
Лаплас 220, 221
Лесубна 72,
Лев 270
Левкипп 219
Левонд (Гевондес), иерей
(У в.) 35, 84, 153
Ликийанос (Лициний) 54
Маврикий (582-602) 121, 125,
126, 137, 138

Маздак	22	Мехендак Рштуни	57
Малхаз Гадишо	97	Михрнерсех	83
Малала	63-65	Млже	384, 404, 405
Мамбрэ Верцанох (Чтец)		Моавия	125
I70, I75, I81		Мовсес, монах	86
Мамик	52, I34, I36	Мовсес II Егивардеци (574-604)	
Мамиконяны	52, 85,	III, 240	
89, 92, I27, I31, I32, I34,		Мовсес Каланкатвацци	
I35, I38, I39, I43, I45, I46,		42, I16, I28, I31, I32, 371	
398		Мовсес Кердол	66
Манвел Амагуни	390	Мовсес Хоренацци (У в.)	8, 26,
Манефон	72	33, 37, 39, 41, 42, 49, 50, 52,	
Мануэл Мамиконян	52,	61-77, 90, I08, I09, I19, I22,	
59, I28, I29		I27, I28, I30, I34, I36, I70,	
Мар Абас Катина		I74, I75, I87, I88, 233, 242,	
72, 75		252, 274, 289, 292, 349, 356,	
Мариам Арцруни	I34,	424-426	
I45		Моисей	238
Марин Тирский	226, 227	Мухаммед	I33
Мария	400, 401, 402	Мушэ	31
Маркиан	418	Мушэ, первосвященник Сюника	
Маркион	I65	86	
Матусала (Мафусаил)		Мушел	I37-I39, I41, I44
III, I12		Мушел Мамиконян (IV в.)	52,
Маштоц I Егвардеци		57, 58, 59	
412		Мхитар Аириванеци	370
Менандр	418	Мхитар Гом	269, 270
Мелампод	418	Навуходоносор	385
Мелик	I35	Назиник	46
Мелдеа	I35	Неврод	73
Месроп Маштоц (361-440)		Немесий Эмесский	I78,
7, 8, I2-I4, 23-31, 34-37,		241, 257-259	
40, 42, 48, 63, 67-70, 77,		Нерсес Аштаракеци	I27
82, 88, 91, 97, I08, I09, I48,		Нерсес I Великий (353-372/3)	
I52, I53, I56-I63, I65, I69,		I0, 49, 57, 58, 60, 61, I12, 304	
I72, I87, 241, 269, 400, 407,		Нерсес II Строитель (641-662)	
410		I26, I33, 354, 378, 391, 392, 394	
Меружан	58, 59, I41,	Нерсех Камсаракан	372
I45		Нершапух	283
Метродор Скепский		Несторий (428-431)	I4, 68
I50			

Нихор	94	Платон	8, I67, I78,
Нихорчес	I37, I38	I84, I89, I96, 201, 205, 206,	
Ной	72, I22	209, 243	
Ноннос	I80, 202	Платон, "новый"	67, 69
Нунэ (Нино)	42	Плиний Старший (23-79)	203,
Ньютон	220	208, 221, 227-229	
Овсеп, епископ	394	Плотин	I98
Овсеп (Иосиф) из Вайоцдзора		Плутарх	I50, 437
30, 31, 34, 82, 84		Погос-Петрос	396
Овсеп (Иосиф) Палнаци		Полистор	72
27, 31, I53		Поликрат	72
Олимпиодор	72, I82,	Порфирий	9, 72, I79,
I86		I82, I84, I85, 201	
Олимп	72, 76	Проденад	67
Орибазий	241, 257	Прокол Константинопольский	
Ормизд (579-590)	I25, I37	68, 69, I56, I98	
Ород	I50	Прокопий Кесарийский	
Ота Амагуни	54	48	
Павел	67	Прозресий (Паруйр-Айказн)	
Павел Александрийский		(276-369) I9, I51	
I78		Псевдо-Аристотель	I78
Павел Эгинский	264	Псевдо-дионисий Ареопагит	
Палефат	72	I78	
Пап (368-373)	9, 49, 52, 57,	Псевдо-Каллисфен	
59		I75, I77, 231	
Папп Александрийский		Псевдо-Ноннос	I78
231, 232, 327, 331		Птолемей Клавдий (83-161)	
Парандзем	58, 59, I28	203, 204, 209, 216, 225, 227	
Парфянская династия		231-235, 327, 331	
38, 44		Птолемей I Сотер (305-282)	
Пахлавики	77	68	
Пелей	I17	Рабула	398, 401, 402
Пероз (459-484)	I7, 92, I06	рабулас, епископ	36
Персефона	I35	Раит Томас	220
Петр	67	Рипсимэ	39, 43, 55, 95, 96, 97,
Петрос Сюнеци (Кердол)		I12, I13, I15	
I24-I29, I32		Рипсимянские девы	38, 41,
Писак	57	43, 44, 46, 95	
Пифагор	I89, I96	Роман Сладкопевец	411, 415
Пифей	229	Ропанос (Руфин)	27

Руф 243
 Рштуни 56
 Саак-Тортев, католикос
 (388-439) 12, 14, 26-31, 35-
 37, 40, 48, 66, 68, 69, 70, 77,
 82, 88, 91, 96-98, 108, 109,
 112, 153, 155, 156, 172, 268,
 274, 400, 407, 410
 Саак Багратуни, марзпан, ме-
 ценат Мовсеса Хоренаци
 (умер в 484 г.) 66, 75, 93
 Саак Дзорапореци, католикос
 (677-703) III, II6, 4II
 Саакадхт, музыкант, поэте-
 са (на руб. VI-VII вв.) 412,
 415
 Сааруни, нахарарский род
 47
 Сава 378
 Сам 128
 Самуэл, епископ 97
 Самуэл, архиепископ 104
 Санасар, миф. 35
 Санатрук II царь (88-109)
 76
 Сандухт, дочь Санатрука II
 76
 Саргис 397
 Саркис, певец 414
 Сасаниды, династия (227-651)
 10, 12-16, 21, 36, 44, 50, 52,
 80, 96, 355
 Себеос, епископ, историк
 (VI в.) 49, 50, II2, 124,
 125, 127, 134, 138, 263, 368
 Севантий 267
 Селевкиды
 74
 Сенека, философ (4-65 гг.)
 208

Симеон Алдзнецци, епископ,
 писатель (VI в.) 438
 Сильвестр I, папа римский
 (314-335)
 Сим, миф. 72
 Синам-Керим, миф 135
 Сириан 198
 Скамандр 72
 Слук, миф. 52
 Слжуни, нахарарский род 52
 Сократ Схоластик
 (380-440) 62, 63, 64
 Соломон 27, 153
 Смбат Багратуни (умер в 617 г.)
 263, 353, 368
 Смбат Спарамет, автор Судеб-
 ника (1208-1276) 269
 Спандарамет, миф божество
 преисподней 429
 Степанос, художник 398
 Степанос Орбелян, митрополит
 Сюника, историк (умер в
 1304 г.) 127, 128, 131, 132,
 292, 337, 338, 412
 Степанос Сюнеци, автор шара-
 канов (V в.) 257
 Степанос Таронези Асолик,
 историк (на руб. X-XI вв.)
 62, 71 см. Асолик
 Стефан Александрийский (VII в.)
 186
 Сурен, марзпан (умер в 571 г.)
 59
 Тадевос, миф, см. Фадей
 Тачат Рштуни (V в.) 57
 Тавкер 213, 218
 Теодорос Кртенавор (или Чгна-
 вор) III, II2
 Теодорос, монах 394

Теофраст, философ (ок. 370-
 288 до н.э.) 150
 Теон Александрийский, мате-
 матик (IV в.) 136, 177, 181
 Тертуллиан, теолог и писатель
 (ок. 160-220) 156, 438
 Тигран II Великий (93-56)
 128, 150, 424
 Торгомово племя (одно из
 назв. армян) 41
 Тигран 73, 75, 76
 Тиран 49, 52, 56, 57, 128
 Тимофей Эдур, монофизист-
 ский патриарх Александрии
 (V в.) 107, 110, 177, 182
 Тиран 76
 Тиран Армянин (Тирианион),
 ученый библиофил I в. до
 н.э. 150
 Тиран, сын Ваана Мамиконяна
 Камсарахана (VI в.) 133,
 139, 140
 Тирас, миф. 72
 Тирит, царевич (IV в.) 58
 Томас Ванандеци, книгоизда-
 тель XVII в. 62
 Торгом, обл. родоначальник
 армян 72
 Торк, миф. 388
 Трдат (Тиридат) III Великий
 (274-330) 9, 38, 39, 41-46
 52, 54, 55, 73, 76, 77, 132, 133,
 136, 137, 151
 Трдат II (217-256) 52
 Трдат Багратуни (II в.) 46
 Тухик (Тухикос, VII в.)
 120, 121
 Урнайр, царь Албании (Кав-
 казской) 58
 Фавстос Бузанд, историк (V в.)
 25, 46-49, 51, 55-61, 76, 77,

89, 90, 128, 134, 144, 270,
 292, 302, 419, 431, 432
 Фадей, апостол (I в.) 76,
 95
 Фалес Милетский (625-547 до
 н.э.) 228
 Феодор, учитель Феодора Моп-
 суестского 68
 Феодор Мопсуестский
 68
 Феодор Полистор (363-393,
 393-428) 14
 Феодор Студит
 415
 Феодосий II Малый (408-450)
 29, 65, 270
 Филемон 72
 Филон Александрийский (Ев-
 реи) (28 до н.э.-49 н.э.)
 8, 174, 175, 177, 181, 201
 Филон Тиракати, теолог (V в.)
 62, 63, 64
 Фирмилиан, епископ, историк
 (III в.) 77
 Флегониос 72
 Хад, епископ (IV в.) 61
 Хайк, миф, родоначальник ар-
 мян 72, 73, 75, 146, 238, 240
 Хайкиды, миф, династия 75
 Хам, миф. 72
 Хаммурапи (1792-1750) 214
 Харма, миф. 72
 Хонагур 130, 132
 Хорен, иранский военач. (VII в.)
 135
 Хорикий 438
 Хосров I, царь Великой Арме-
 нии (198-216) 19, 53
 Хосров "Великий" (Тиридат II)
 (217-256) 38, 42, 43, 46, 52,
 54, 76, 77

Хосров II, Котак (330-338)
49, 52, 55, 56
Хосров III (385-388) 12
Хосров I Ануширван, царь па-
рей (531-578) 20, 21
Хосров II Апруез, царь па-
рей (590-628) 112, 124,
125, 126, 133, 137-139, 141,
143, 263, 414
Хосровидухт, царица (III -
IV в.) 54
Хосровик 170
Хорохбут 72, 77
Христос 18, 41, 87, 101, 109,
113, 114, 115, 389, 390, 396,
398, 399, 401, 403, 404, 428
Цицерон (106-43 до н.э.)
150
Цельс 243
Чунак (IV в.) 61
Шавасп Арцруни (IV в.) 57
Шамирам (Семирамида), миф.
73, 75

УКАЗАТЕЛЬ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ

Абгарян Г.В. 448
Абебян М.Х. 53, 432, 443-
445, 451, 486
Абрамян А. 448, 466, 468
Авгерян А.А. 473
Агабабян Р.А. 471
Агекян Т.А. 461-463
Агонц С. 117, 447
Адонц Н. 172, 418, 451, 483,
487
Акопян В. 443, 469
Алишан Л. 451, 468, 487, 488
Альвен Х. 454
Амбарцумян В.А. 204, 222-
224, 454, 461-465
Апт К.С. 464

Шапух II Долголетний, царь
царей (309-379) 10, 58, 59,
80, 128, 129, 130, 132, 144
Шапух III (383-388) 80
Ширин, царица (УП в.) 264
Шмон, миф. 42
шушаник (У в.) 95, 96, 97, 98,
100, 101, 102, 103, 104, 105
Эс Александрийский 123, 240
Эвгемер (IV в. до н.э.) 73
Элиас 178, 186
Эмпедокл (495-435
до н.э.) 206, 212
Юлиан Отступник (361-363)
10, 151
Юстин Мученик 156
Юстиниан I (527-565) 8, 19,
20, 63, 268, 269
Яфет, миф. 72
Ямблх, философ (ок. 280 -
330) 177, 182, 198

Аракелян Б.Н. 447
Аревшатын С.С. 442
Арп Г. 462
Арутюнян В.М. 472, 473, 475,
472
Арутюнян Л.Б. 472
Асмус В.Ф. 205, 454, 456
Ацун В. 486
Ачарян Гр. 484
Бадалян Г.С. 468
Барамидзе Ал. 442
Баумгартнер А. 451
Бертельс Е. 486
Боднарский М.С. 464
Брунов Н.И. 479
Брунс К. 270, 469
Брутян Г.А. 455

Бизандаци Нораир 443
Вавилов Н.И. 315, 472
Вартанян Р.О. 464
Вейман Р. 488
Веселовский И.Н. 454
Воронцов - Вельяминов В.А.
223, 464
Галжович Б.Г. 466
Гатрдян О. 488
Геттингер 450
Гульч Ф. 342, 346, 474
Гутшмидт А. 62, 444
Даниелян Э.Л. 442, 457, 458
Джавахишвили Ив. 471
Дитмар А.Б. 229, 456, 458,
466
Драмлян И.Р. 481
Дурново Л.А. 481
Дьяконов М.М. 443
Еврейнов Н.Н. 488
Еремян А.Б. 373, 479
Еремян С.Т. 239, 442, 443,
448, 454, 466, 467, 469, 472
Заминян А. 66, 445
Зарбаналян Г. 450
Захау Э. 469
Зельин К.К. 454, 458
Зубов В.П. 453, 454, 465
Измайлова Т.А. 482
Ильина С.М. 471
Исаченко А.Г. 458, 460
Казютинский 463, 464
Калантарян А.А. 476
Капанян Г. 486
Карьер А. 62-65, 444
Кушнарев Хр. 483
Кафадарян К. 476
Кедров Б.М. 451
Комаров В.Н. 462
Кондаков Н.И. 481, 482

Конибер Ф. 64, 65, 445,
447
Котанджян Н.Г. 481, 482
Ланг М. 342
Ла Кроз 444, 450
Левонян Г. 487
Линдс К. Р. 463
Лисициан С.Д. 309, 311, 314,
471, 472
Лисициан С.С. 487
Лихачев Д.С. 448
Луи Мариес 244, 468
Максимов Б.А. 462
Мак Дермо 442
Малхасянц Ст. 66, 444, 447
Манандян Я. 66, 172, 175, 205,
343, 451-454, 464, 469,
473, 475
Маркварт И. 233, 466
Марр Н. 40, 338, 339, 443,
448, 477
Мелик-Оганджян К.А. 443,
451
Мелик-Танган Н. 470
Мжик Г. 329, 332, 473, 474
Милле Г. 366
Мирзоян Л.В. 463, 465
Мнацаканян С.Х. 479
Мнацаканян Г. 467
Мюллер К. 457
Нахапетян Г. 450
Нейгебауер О. 458-461, 466
Неддеке Т. 446
Ниссен Г. 342
Оганесян С.А. 469
Олькотт У. 238, 467, 468
Орбели И.А. 338, 339, 376,
442, 445, 448, 466, 478, 479
Парсамян Э.С. 465
Паткян К. 447, 448, 456

457,464,466
 Петри Ф. 342
 Пиотровский Б.Б. 472
 Райт В. 450
 Рожанский И.Д. 454,461
 Романов Б.А. 448
 Рыбаков Б.А. 448
 Саинян А. 361,364
 Самуелин Х. 471
 Сандейдж А.Р. 463
 Саркисян Г.Х. 445,450,
 453
 Саркисян Гарегин 452
 Сафарян С.А. 471
 Свазиан Г.С. 447
 Селешников С.И. 460
 Сен-Мартен 450, 474
 Смбатян Ш.В. 443
 Сомунджян В. 451
 Стржиговски И. 358,401,
 478,481,482
 Сукиасян А.Г. 469
 Сукрян А. 452
 Сюсюмов М.Я. 443
 Такайшвили Е. 479
 Ташян А. 175,444
 Тер-Давтян К.С. 456
 Тер-Микелян 450
 Тер-Минасян Ер. 446,451,
 452

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдеры г. 213
 Аван сел. 126,372,375
 Аварайр сел. 14,16,77,83,
 93
 Агарак сел. 372
 Агванк см. Албания (Кав-
 казская)
 Тер-Мовсесян М.В. 444,450
 Тер-Нерсесян С. 482
 Тер-Мкртчян Г. 63,343,444,
 446-448,453,462,467
 Товмасян А.Т. 471
 Токарский Н.М. 475
 Томсон Д. 456
 Торамянян Т. 478,479
 Торосян Х. 469
 Туманян Б.Е. 457,467
 Уитни Ч. 457,461,462,464
 Фаррар Ф.В. 450
 Фламарион К. 462,465
 Фирсов Л.В. 464
 Фишер Дж. 464,466
 Хаббл 462
 Халатянц Гр. 64,65,446
 хачикян Л.С. 166,175,442,
 450
 Хинц В. 346,475
 Чалоян В.К. 185,207,443,
 452,454,456
 Шмидт М. 463
 Шредер 450
 Эмин Н.О. 425,478,485,487
 Эппинг И. 215,459
 Эрикссон Э. В. 247-249,
 468
 Юзбашян К.Н. 445

Айонцзор гавар 428
 Айратат обл. 28,54,56,83
 Аламан сел. 373
 Александрия г. 8,19,67,68,
 69,121,123,170,172,182,
 227,235,410
 Албания (Кавказская) II,
 12,15,17,20,29,30,83,
 116,118,126,232-234
 Алдзник обл. 56,59,136,137,
 308,309
 Альбион см. Англия
 Амберд крепость 347
 Америка 239
 Амида г. 26,27,36,87
 Амстердам г. 62
 Англия 236
 Ани крепость 76,338,344,
 395,381
 Анкира (Анкара) г. 58
 Антиохия г. 8,14,19,121,
 410
 Апар страна 78,79,81
 Апауник гавар 136
 Араоский халифат 12,22
 Аравийское море 237
 Аравия 234
 Аравус сел. 357
 Арагац гора 356,377
 Арагацотн гавар III
 Аракс (Ерасх) Р. 27,131,
 314
 Араджан 346
 Арамус 375,376
 Арарат гора 348
 Араратская страна 126
 Арич сел. 373
 Ареставан сел. 125
 Архашан р. 348

Армения 7-30,33,35-38,
 41,43,45-55,57,58,61-
 69,71,77,79-81,83,84,
 86,87,89,91,93-96,100,
 106,107,120,121,124-126,
 128,129,136-138,141,146,
 148,149,150-154,155,156,
 158,165,166,167,173,180-
 182,184,186,208,206,230,
 232-234,237,240,241,242,
 245,246,250,254-256,261,
 264,265,266-268,270,275,
 277,285-287,290,303,304,
 306-310,311,314,315-316,
 319,321-326,330,336,337,
 341,344-347,350,356,357,
 363-366,373,377,379,382,
 383,384-386,388,393,394-
 396,399,400,405,406,407,
 413,415-418,429
 Армения Великая см. Армения
 Армения Малая, см. Армения
 Артагерс крепость 83
 Арташат г. 82,83,349,350,
 359,362,365,372
 Артик сел. 394,396,399,364,
 369,373,374
 Аруч сел. 351,352,353,369,
 370,371,374,384,396,398,
 404,405
 Арцати сел. 254
 Арцах обл. 83
 Арцив сел. 337
 Аршакаван г. 10,58
 Аршаруник гавар 92
 Асорестан, см. Ассирия
 Ассирия 55,74,75
 Асуан, см. Сиена г. 235
 Атлантика 235

Атропатена см. Атрпатакан
 Атрпатакан страна 57, 83,
 129
 Атика обл. 67
 Аштарак сел. 396, 399
 Аштишат сел. 10, 30, 133, 139
 Афины г. 8, 20, 67, 151, 170,
 172
 Африка 149, 234, 236
 Ахурия р. 372, 374
 Ахц сел. 356, 372, 387, 396
 Ацон сел. 125
 Багаван сел. 9, 367
 Багреванд гавар 30
 Балаберд крепость 130
 Басен гавар 256
 Баут 398, 403
 Бахл-Шахастан 138, 141
 Бджни 372
 Бет-Лапат г. 106
 Бзунийское "море" (оз.
 Ван) 125
 Блур сел. 30
 Бостра г. 141
 Вавилон г. 75, 234, 428
 Вайонцзор гавар 30
 Валаршпат г. 13, 14, 24, 27,
 28, 30, 45, 54, 86, 87, 112,
 317, 351, 367, 376, 382
 Ван г. 83, 315, 318
 Византийская империя 8, 11,
 14, 20, 110, 111
 Византия 8, 14, 15, 17, 19, 20,
 22, 67, 70, 86, 122, 125, 126,
 149, 182, 234, 276, 345, 366,
 382, 410, 416, 436
 Воскепар сел. 373
 Восточно-Римская империя
 8, 11, 15
 Гамирк (Каппадокия) страна

Ганг р. 236
 Гангра г. 107
 Гардманадзор гавар 30
 Гарнаовит сел. (см. Адиаман)
 377
 Гарни сел. 83, 125
 Гегамские горы 428
 Гехард монастырь 412
 Гибралатар 236
 Гохти гавар 24, 25, 28, 72
 Греция страна 35, 203, 262,
 427
 Греческое море
 Грузия 12, 29, 42, 311
 Даранали гавар 76
 Даруйнк крепость 256
 Двин г. 87, 126, 127, 137-139,
 240, 336, 349, 350, 351-353,
 362, 379, 391, 399
 Джрвек сел. 352, 357
 Джульфа сел. 384
 Дон р. 236
 Дунай р. 236
 Европа 233, 234, 236, 255, 264
 Евфрат 236
 Егвард сел. 377, 393, 396,
 399
 Египет страна 8, 18, 19, 24,
 67, 237, 342, 400, 427
 Елеонская гора 399
 Ераншахр 234
 Ереван г. 349, 368, 396
 Ереруйк храм 359, 365, 383,
 389, 391, 396
 Ерынджак 24
 Закавказье 20, 45, 413
 Звартноц храм 381, 382, 384,
 391, 392, 394, 396, 399
 Иберия см. Картли: 11, 12, 15,
 17, 20, 29, 30, 85, 93, 97, 100

126, 129, 136, 232-234
 Иерусалим г. 121
 Индия страна 134, 135, 234,
 237
 Индийское море 209
 Индокитай 234, 236
 Иордан р. 389, 402
 Иран страна 7, 10, 11, 12, 13,
 15, 16, 18, 20, 22, 24, 143,
 232, 234, 276, 340, 414, 438
 Ирианд сел. 400
 Италия страна 67
 Ишхан храм 378, 379, 382,
 391, 392
 Кавказ 428
 Кавказские горы 21
 Камо г. 255
 Канарские острова 235
 Каппадокия страна 416
 Кара-даг горы 25
 Карры (Харран) г. 437
 Карс г. 373
 Касах сел. 359, 362, 365,
 383
 Картли (Иберия) 11, 12, 15,
 17, 18, 20, 29
 Кентрит р. 308
 Кесария Каппадокийская г.
 9, 38, 410
 Киликия страна 255, 262
 Кипр остров 236
 Кирн остров (Корсика)
 236
 Китай 134, 234, 237
 Коговит гавар 125
 Колхида страна 234
 Котайк гавар 125
 Кош сел. 372, 396, 399, 400
 Константинополь г. 8, 29,
 35, 67, 68, 86, 120, 121, 125
 126, 170, 172, 257, 303
 Крит остров 236
 Ктесифон (Тизбон) г. 14, 16,
 18, 53, 125, 129
 Куарс сел. 134, 136
 Кура р. 102
 Ливия см. Африка
 Лмбат, храм 355, 372, 384,
 393, 396, 397, 398, 399, 400,
 404, 405
 Лунные горы 209
 Македония страна 73
 Маку г. 125
 Малая Азия, 8, 238, 315, 239,
 413
 Маназкерт г. 136, 318, 395
 Манчикерт см. Маназкерт
 Марага г. 346
 Масис г., см. Арарат
 Мастара храм 373, 374
 Медди сел. 142
 Медита (Мальта) остров 236
 Медитине г. 29, 108
 Мероэ г. 227, 228
 Месропаванк (Месропаванис,
 Мисраванис) 24
 Миджлей 356
 Мокская область 78
 Мопсуестия г. 14
 Мрен сел. 367, 389, 39
 Муш г. 135, 138
 Накорз (Нахкорзан) 131
 Нварсак сел. 18, 89, 95
 Нил р. 195, 236
 Низибин г. 10, 14, 106
 Ниссак сел. (см. Нварсак)
 18
 Нор-Баязет см. Камо
 Одз г. 136, 139

Олакан замок 52, I36, I44,
I45
Окел 226
Ошакан сел. 30, 372
Палестина 24, 67, I25, 398,
400, 428
Парби сел. 85
Партав г. II6
Пеллы г. 72
Передняя Азия 3I5, 3I8, 4I8,
427
Персия I3, I5, 3I, 38, 49, 50,
52-54, 57, 58, 80, 83, 84, 89,
I06, I07, I25, I28-I30, I39,
I4I, I44, 237, 263, 406
Понт (черное море) I20, 227
Понтийский Диоцез 9
Птгни сел. 355, 369, 384, 389,
393, 37I
Равенна г. 382
Рах р. см. Аракс
Рим г. 8, 38, 39, 49, 50, I2I,
I36, I50, I52, 398, 400, 4I7,
Римская империя 9, I0, II,
I2, 50, 68, I06, I50, 2I5, 339
Родос о. 227, 235
Ромкля мон. 262
Россия I2
Рувейа 359
Рштуник 78
Самосата г. 27, 28, I53
Сардония остров (Сарди-
ния, 236
Сарматия страна 232
Сасанидское государство
II
Сасун гавар 52, I27, I43, I47
Себастиа 259
Севан озеро 4I2
Септе см.
Гибралтар

Серика, см Китай
Сиена г. см. Асуан
Сим гора 52
Сирия 8, 24, I25, I29, 234
Сисиан сел. 352, 377, 393,
394, 399
Сицилия остров 236
Сканда остров 236
Софена обл. I2
Средиземноморье (Среди-
земье) I86, 233, 385
Средняя Азия I7, 233
Судан 235
Сюник 28, 83, 86, 87, 9I, I27,
I28, I29, I30-I32, 309, 337,
4I2
Тавриз г. 25, 58
Тайк обл. 57, 83, I26, 378,
392
Такард сел. I37
Талин сел. 368, 372, 377, 394,
397, 398, 399
Танаис р. см. Дон
Тарон гавар 23, 30, 52, 57,
I32-I4I, I43, I46, I47, 308,
433
Татев сел. 4I2
Ташир гавар 30
Текор храм 36I, 364, 389
Тейшебаини г. 3I4, 325, 383
Телебоас р. 308
Тизоон г. см. Ктесафон
Тигр 309
Тихий океан 380
Тморик обл. 83
Трапезунд г. I20, I2I, 255
Тушпа -Биайна 307
Ураздан (Раздан) р. I25
Урарту 3I7, 3I8, 324
Цалкотн гавар 254
Цохкерт (Дзолкерт) сел

256
Франция 4I8
Халкидон, г. I8, I25
Халтик, обл. 83
Хани см. Ани
хацекац сел. 23
Херсон I07
Хой г. I8
хоразм, страна I29
Хорасан, обл. I29
Хор-Вирап 38, 44
Хосровакерт, лесной парк
55
Хойт, гавар I38, I43
Хузистан, страна I0
Хут, см. Хойт

Чор, укрепление IO"6I29
ширакаван сел. II9
Шатах, сел. I43
Шахаливан, Шааливан сел.
274, 275, 294, 30I
Швеция 236
Эдесса г. 8, 26, 27, 67, 68, 69,
I06, I70, 4I0
Эллада
Эмеса г. 257
Эраншахр страна 86
Эребуни г. 383
Эфес г. I4, I8, 67
Эчмиадзин монастырь, 86

О Г Л А В Л Е Н И Е

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	5
ВВЕДЕНИЕ. характеристика эпохи /С.Т.Еремян/	7

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИОГРАФИЯ /М.Х.Абебян /

I Месроп Маштоц.Изобретение армянского алфавита и начало армянской письменности	23
2 Вардапет Корюн	33
3 Агатагелос	38
4 Фавстос Бузанд	46
5 Мовсес Хоренаци	61
6 Егише	77
7 Исаак Парбечи	85
8 Мартирологи	95
9 Литература догматической борьбы	105
10 Поэзия	112
11 Авангисты Ширакци	119
12 Епископ Себеос	124
13 Эпическая поэзия	127

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФИЛОСОФИЯ / С.С.Аревшатыан /

1 Становление армянской философской мысли	148
2 Грекофильская школа. Переводная философская литература и ее роль в развитии древнеармянской философии. 168	
3 Мировоззрение грекофилов и формирование светского направления в древнеармянской философии	181

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

1 Космография /Э.Л.Даниелян/	203
2 География и картография /С.Т.Еремян /.....	230

3 Календарь /Т.С.Бадалян/	237
4 Медицина /Л.А.Оганесян/	241

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРАВО И СУД /С.А.ОГАНЕСЯН/

1 Источники	266
2 Гражданское право	271
3 Светско-каноническое семейное право	275
4 Уголовное право	297
5 Суд и судопроизводство	301

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЫТА

1 Народное жилище /С.Т.Еремян/.....	307
2 Естественно-исторические основы питания армянского народа /С.Т.Еремян/	315
3 Метрология /Р.О.Варданян/	326

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АРХИТЕКТУРА /Н.М.Токарский/

1 Гражданская архитектура	347
2 Церковная архитектура	356

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИСКУССТВО

1.Общая характеристика изобразительного искусства средневековой Армении /Л.А.Дурново/.....	383
2 Скульптура /Л.А.Дурново/	387
3 Стенная живопись /Л.А.Дурново/	395
4 Книжная живопись /миниатюра/ /Л.А.Дурново/	400
5 Музыка /Н.К.Тагмизян/	405
6 Театр /Т.В.Оганесян /	416

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ /С.Т.Еремян/.....	440
-------------------------------------	-----

ПРИМЕЧАНИЯ	442
------------------	-----

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	489
--	-----

УКАЗАТЕЛИ	513
-----------------	-----

КУЛЬТУРА РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ АРМЕНИИ

/ IV - V вв. /

Печатается по решению ученого совета
Института истории АН Армянской ССР

Художник

Ю.А. А р а к е л я н

Худож.редактор

Г.Н.Г о р ц а к а л я н

Технич.редактор

Р.Х.Г е в о р к я н

ВФ 03739 Изд. 5197 Заказ 371 Тираж 600

Сдано в производство 4 апреля 1980 г.

Подписано к печати 2/IV 1980г., печ. 33,25 л.

+ 10 вкл. Усл. печ. л. 35,75 изд. 32,22

Бумага № 1,60 x 90 I/16. Цена 5 р.40 к.

Издательство АН Армянской ССР.

375019 Ереван, Барекамутян, 24-г.

Типография Издательства АН Армянской ССР,

г.Эчмиадзин.